

ISSN 1728-7804

Абай атындағы Қазақ ұлттық педагогикалық университеті
Казахский национальный педагогический университет имени Абая

ХАБАРШЫ ВЕСТНИК

“Филология ғылымдары” сериясы

Серия «Филологические науки»

№ 1 (31), 2010 г.

Алматы

Абай атындағы Қазақ ұлттық педагогикалық университеті

ХАБАРШЫ

«Филология ғылымдары» сериясы
№1 (31), 2010 ж.

Шығару жиілігі – жылына 4 нөмір
2000 ж. бастап шығады.

Бас редактор -
филол. ғыл. д., проф. Б.Әбдіғазизұлы

Бас ред. орынбасарлары:
пед. ғыл. д., проф. Ф.Ш.Оразбаева,
филол. ғыл. д., проф. С.Д.Әбішева

Ғылыми редакторлар:
филол. ғыл. д., проф. М.Ш.Мұсатаева,
филол. ғыл. д., проф. Т.С.Тебегенов,
филол. ғыл. д., проф. А.Қ.Жұмабекова,
филол. ғыл. д., проф. Т.В.Шевякова

Редакциялық алқа мүшелері:
пед. ғыл. д., проф. Г.А.Қажығалиева,
филол. ғыл. д., проф. К.И.Мирзоев,
пед. ғыл. д., проф. Т.Қ.Жұмажанова,
филол. ғыл. к., доц. Н.Ж.Нұртаева,
профессор Н.М.Исмаил

Жауапты хатшылар:
филол. ғыл. д., проф. Б.Қасым,
филол. ғыл. д., проф. Л.Т.Килевая,
оқытушы Г.Б.Нұптекеева

© Абай атындағы Қазақ ұлттық педагогикалық университеті, 2010

Қазақстан Республикасының мәдениет және ақпарат министрлігінде 2009 жылы мамырдың 8-де тіркелген № 10109 - Ж

Басуға 11.03.2010 қол қойылды.
Пішімі 60x84 1/8. Көлемі 13,0 е.б.т.
Тараптары 300 дана. Тапсырыс 80.

050010, Алматы қаласы,
Достық даңғылы, 13.
Абай атындағы ҚазҰПУ

Абай атындағы Қазақ ұлттық педагогикалық университетінің өндірістік-жарнама бөлімінің баспаханасы

СОДЕРЖАНИЕ

ЛИНГВИСТИКА

Жаналина Л.К. Штрихи к языковому портрету ученого-лингвиста.....	3
Килевая Л.Т. Презентация дефиниций в научном дискурсе ученого-физика.....	14
Шубина О.Ю. Глагол в позиции главных членов предложения.....	18
Куликова И.М. Сквозь призму интертекстуальности: способы выражения авторского кредо в романе Е.Айпина «Божья мать в кровавых снегах».....	22
Эглит Л.В. Єленг как динамическая система.....	26
Маймакова А.Д. Лакуны как проявление национально-культурного своеобразия языковых систем.....	29
Куликова И.М. О некоторых стилевых тенденциях в современной литературе финно-угорских народов Сибири	35
Джансентова С.С. Прагмалингвистический аспект профессионального подязыка музыки.....	39
Атабаева М.С. Тұрмыстық зат атауларындағы элементтің тілдік бейнесі (сөйленістер лексикасы бойынша).....	42
Кадырова Г.Р. ИмPLICITное выражение гипотетической семантики в древнерусском языке.....	47
Джумамухамбетова Б.Ж. Антропонимика в структуре фразеологизма.....	51
Курганова Н.В. О способах выражения семантики инхоативности в английском и русском языках.....	53
Джумамухамбетова Б.Ж. Особенности фразеологизмов с компонентом-топонимом.....	57
Темирова Д.М. Особенности анкетирования сотрудников банковской сферы Республики Казахстан.....	60
Курманғалиева А.М. Аспекты переводческой скорописи.....	62
Темирова Д.М. Реализация трехязычия (казахского, русского и английского языков) в банковской сфере Казахстана на современном этапе.....	65
Тойшиманова Ж.Р. Интерференция русского языка при переводе с английского на казахский язык.....	68
Рахимова А.Е. Проблемы национально-культурной специфики фразеологизмов.....	70
Семенов В.Н. Отражение национальной картины мира во фразеологизмах с семантическим компонентом «время» (на материале русского и английского языков).....	73

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Сейденова С.Д. Мир природы и человека в романе Айгуль Кемельбаевой «Башня».....	77
Абдуллина Л.И. От «дневниковой поэзии» к «чистой прозе»: об историческом смысле творчества М.Ю. Лермонтова.....	80
Еленгеева И. Произведения Поль де Кока в круге чтения персонажей Ф.Достоевского	84

Казахский национальный
педагогический
университет имени Абая

ВЕСТНИК

Серия
«Филологические науки»
№ 1 (31), 2010 г.

Периодичность - 4 номера в год
Выходит с 2000 года.

Главный редактор
д.филол.н., проф. Б.Абдигазиев

Зам.гл.редактора
д.п.н., проф. Ф.Ш.Оразбаева,
д.филол.н., проф. С.Д.Абишева

Научные редакторы:
д.филол.н., проф. М.Ш.Мусатаева,
д.филол.н., проф. Т.С.Тебегенов,
д.филол.н., проф. А.К.Жумабекова,
д.филол.н., проф. Т.В.Шевякова

Члены редколлегии:
д.п.н., проф. Г.А.Кажигалиева,
д.филол.н., проф. К.И.Мирзоев,
д.п.н., проф. Т.К.Жумажанова,
к.филол.н., доц. Н.Ж.Нуртаева,
профессор Н.М.Исмаил

Ответственные секретари:
д.филол.н., проф. Б.Касым,
д.филол.н., проф. Л.Т.Килевая,
преподаватель Г.Б.Нуптекеева

© Казахский национальный
педагогический университет им.Абая, 2010

Зарегистрировано в Министерстве
культуры и информации РК
8 мая 2009 г. № 10109-Ж

Подписано в печать 11.03.2010.
Формат 60x84 1/8. Объем 13,0 уч-издл.
Тираж 300 экз. Заказ 80.

050010, г.Алматы,
пр.Достык, 13. КазНПУ им.Абая

Типография производственно-рекламного
отдела Казахского национального
педагогического университета имени Абая

Білім және ғылым саласындағы бақылау Комитеті Алқасының шешімі негізінде Абай атындағы ҚазҰПУ-дың Хабаршысы журналының «Филология ғылымдары» сериясын педагогика ғылымдары бойынша диссертациялардың негізгі ғылыми нәтижелерін жариялайтын басылымдар тізбесіне енгізілгені туралы хабарлайды.

На основании решения Комитета по контролю в сфере образования и науки Вестник КазНПУ им.Абая, серия «Филологические науки» внесен в перечень изданий для публикации основных научных результатов диссертаций.

Печатается методом прямого репродуцирования

Сейденова С.Д. Авторское сознание и особенности его воплощения в романе-дилогии Мухтара Магауина «Я».....	88
Загинайко О.Ю. Палитра описания войны и быта в романе «Белая гвардия» М.Булгакова.....	91
Шинтемирова А. Легенды и мифы о пророке и святом Хизре.....	95

**МЕТОДИКА ПРЕПОДАВАНИЯ
РУССКОГО ЯЗЫКА И ЛИТЕРАТУРЫ**

Батаканова С.Т. Воспитание у учащихся патриотизма посредством изучения драмы К.Маликова и А.Куттубаева «Джаньыл мырза».....	99
Батаканова С.Т. Развитие самостоятельности у учащихся посредством изучения прозаических произведений.....	101

СВЕДЕНИЯ О КОНФЕРЕНЦИЯХ

Лукпанова Г.Г.V международная научно-практическая конференция «Проблемы поэтики и стиховедения».....	104
--	-----

ШТРИХИ К ЯЗЫКОВОМУ ПОРТРЕТУ УЧЕНОГО-ЛИНГВИСТА

Л.К.Жаналина -

д.филол.н., профессор КазНПУ им. Абая

Персонификация портрета казахстанской лингвистики осуществлена путем описания в терминах языковой личности одного из ярких ее представителей – известного ученого профессора Л.А. Шеляховской, создавшей большую научную школу и обогатившей лингвистику и вузовское образование блистательными идеями, воплотившимися в научных трудах, учебниках и учебных пособиях. Отличительной чертой вербально-семантического компонента ее языкового портрета является его лингвокреативность. Широта научных интересов ученого и ее многолетняя преподавательская деятельность, а также активная работа по созданию учебников и учебных пособий к разным учебным курсам, разработка словарей различных типов, в том числе лингвистических терминов, определяет глобальность терминологического контекста портрета, украшением которого служат термины и понятия, созданные самой Л.А. Шеляховской.

Портретирование языка ученого-лингвиста осуществлено путем приложения модели языковой личности к языку разрабатываемой ею лингвистики, что означает ограничение объекта исследования научным языком в «индивидуальном творческом исполнении».

Базовой частью всякого индивидуального языка является общий язык, поэтому его черты характеризуют и частночеловеческий языковой портрет. В рассматриваемом случае общеязыковой компонент несет признаки научного языка, обладает его общими особенностями.

Первая его особенность связана со спецификой науки, которую он обслуживает. «Обычно в анализе науки используются три подхода, благодаря которым в ней вычлняются три характеристики, наука 1) как социальный институт, обладающий особой системой норм и ценностей, 2) как социальная по природе, познавательная деятельность, осуществляющаяся научным сообществом и регулируемая определенными регулятивами и идеалами, 3) как система знания. Первые два подхода рассматривают науку в ее тесной связи с социокультурной системой. Третий же подход исключает науку из социокультурного контекста, подчеркивая неподвластность объективно истинного научного знания социально-историческому анализу» /1, 12/. Второе и третье понимание науки отражают, что наука, с одной стороны, привязана к человеку, является социально значимым продуктом его познавательной деятельности, а с другой – отчуждается от человека, становясь вневременным, внесубъектным, нейтральным, «чистым» знанием. Данная характеристика науки определяет два противоположных признака научного языка. С одной стороны, он индивидуален, существует в виде идиолектов, т.е. представляет систему взглядов отдельной личности, отмечен его печатью. С другой – он социален, обобществляется, меняя своего обладателя, когда принимается научным и ненаучным сообществами, превращаясь в прецедент. Данную трансформацию иллюстрирует судьба терминов, которые при наличии конкретных авторов быстро теряют персонифицированность и становятся всеобщими. Вторая особенность научного языка порождена профессионализацией науки, которая диктует его высокий уровень (другой «высокий штиль», выражающий поэзию мысли, а не духа и чувств) и распределенность между разными отраслями знания. Эталонность научного языка, обеспечивающая эффективность научной коммуникации - обязательного условия функционирования науки, достигается жестким регулированием его литературными нормами и последовательной их реализацией, а также сложностью и глубиной заключенного в нем содержания. Третья особенность связана с корреляцией языка науки с ее предметом. Выстраиваются соотношения, носящие в определенной степени замкнутый характер и ограниченные рамками отдельных отраслей науки. Они объединяют элементы объекта и отражающие их элементы языка. Эти корреляции структурируют науку и образуют ее понятийно-терминологическую систему. Корпусу терминов присуща закреплённость за определенной наукой, так что термины различных наук имеют отличия. Элементы научного языка, обозначающие объект и его составляющие, выступают в качестве терминов, а научный язык описания представляет общенаучный язык, используемый всеми науками. Терминология вместе с общим научным языком образуют метаязык. Четвертая особенность вытекает из интеграционных процессов в развитии научного знания, в основе которых лежит взаимодействие, синтез различных дисциплин, т.е. действие научного принципа экспансионизма. Она проявляется в снятии отраслевых ограничений с терминологического ядра науки, благодаря активному заимствованию понятий из других дисциплин. Пятая особенность, обусловленная общечеловеческостью научного знания – упорядоченность и стандартизованность терминологии. Шестая особенность метаязыка науки, отражающая характер научного знания, – отвлеченность,

абстрактность, которая может подчеркиваться или поддерживаться метафоричностью. Следующая особенность касается развития научного языка, которое носит преемственный характер, как и сами науки, и эту черту не устраняет даже смена научных парадигм. Еще одна особенность - это диалогичность (полемичность), заложенная в метаязык, подготовленный для выражения обоснования, доказательств и несогласия, опровержения. Она согласуется с признаком «обобщественности», которой предшествует принятие не просто языка, его единиц, но и закреплённых в них знаний.

Особое место в языке науки занимает метаязык лингвистики.

Ему присущи следующие свойства.

1) Общее для всех гуманитарных наук свойство - зависимость от контекста и мотивированность единиц.

2) «Консубстанциональность», обусловленная тем, что метаязык научного описания и язык-объект имеют общую тождественную субстанцию, или материальное выражение.

3) Деление терминов на «языковые» и «языковедческие». Первые обозначают естественные явления языка и речи, а вторые выражают понятия о явлениях языка.

4) Отрыв метаязыка от предмета языкознания для разграничения предметов и явлений, относящихся к данной научной области и слов их обозначающих.

5) Большая ограниченность, упорядоченность и регламентированность языка лингвистики по сравнению с языком-объектом (естественным языком), представляющим очень сложное и многоаспектное явление.

6) Использование метаязыком лингвистики естественного языка как источника для пополнения собственного арсенала средств, из чего вытекает свойство его открытости, правда, уступающей открытости языка-объекта /2, 25 - 27, 34/.

Рассмотренные особенности научного языка и метаязыка лингвистики в частности характеризуют часть индивидуального языкового портрета, но не исчерпывают его. Метод портретирования языковой личности выявляет специфику языка «частночеловеческой» личности. Индивидуальный метаязык представляет первый уровень модели языкового портрета. Он включает лексику и грамматику. Полнота его описания может быть лишь относительной даже при обращении к отдельной языковой личности. Об ограничениях в разного рода лингвистических штудиях пишет Ю.Н. Караулов: «... первый парадокс наших языковых описаний, парадокс, порождаемый собственно исследовательской позицией, заключается в противоречии между полнотой и системностью. Мы единодушно разрешаем его в пользу полноты, оставляя системность «в уме» как одну из наших лингвистических интенциональностей, когда создаются целостные описания словаря языка и его грамматики, и наоборот, разрешаем парадокс в пользу системности, числа полноту по ведомству неосуществленной потенциальности, в тех случаях, когда объектом изучения становится какой-то фрагмент словаря или грамматического строя» /3, 84-85/. Неполнота, восполняемая системностью, присуща и для языкового портрета. Вербальный компонент языкового портрета проф. Л.А. Шеляховской характеризуется сложностью и богатством терминологии, которая выходит далеко за круг ее исследовательских интересов и охватывает термины общего языкознания, а также термины различных лингвистических дисциплин. Но ядро вербальной сети составляют словообразовательные, дериватологические термины.

В данной работе сделаны наброски к языковому портрету на основе анализа метаязыка общей лингвистики, представленного в одном из главных трудов ученого, достойно венчающего ее научную и преподавательскую деятельность, но не имевшего, к сожалению, должно резонанса в научных кругах, - это «Общее языкознание. Материалы к интегрированному курсу.- Алматы, 2001» /4/. Если учесть те обстоятельства, в которых был создано это учебное пособие (оно самым очевидным образом перестает этот жанр), то работу над ним без всякого преувеличения можно назвать подвигом.

Ядерную часть вербального компонента языкового портрета ученого составляют термины общего языкознания.

Они делятся на следующие семантические группы:

1. Термины, обозначающие этапы развития лингвистики: *древнеиндийская традиция, греческое языкознание, классическая греко-римская традиция, арабская традиция, европейская традиция* в языкознании. Данные термины по оформлению относятся к составным, расчленённым наименованиям, образованным способом фразообразования. Содержательная их структура определяется реализованными в них мотивировочными принципами пространственной (*арабская традиция* и *европейская традиция*), временной идентификации (*древнеиндийская традиция*), которые сохраняются в их внутренней форме и служат сигналами, ускоряющими выход на их

терминологические значения. Термины объединяют гипонимические отношения, отражающие их равноправность по отношению к гипорониму «история языкознания».

Термины выражают диахроническую последовательность развития научной мысли и относятся к сфере познания, представляют гносеологическую (научную) деятельность человека (научного сообщества). Но особенность их заключается в том, что при этом они соотнесены с действительностью, фрагменты которой выступают не в своем собственном назначении, а как символы накопления знаний о языке, смены одного видения языка, его аспектов другим. Эти термины имеют синонимы, например, *классическая греко-римская традиция = языкознание Древней Греции и Древнего Рима* и др. Выбор одноструктурных составных терминов с общим компонентом (*древнеиндийская традиция, классическая греко-римская традиция, арабская традиция, европейская традиция*) из синонимических рядов вносит звуковую и смысловую гармонию в учебный дискурс и рассчитана на пробуждение интереса адресатов-студентов, усиливающего процессы их восприятия и запоминания.

2. Термины, обозначающие различные научные направления, школы в языкознании: *сравнительно-историческое языкознание, младограмматизм, неограмматизм, Казанская лингвистическая школа, Московская лингвистическая школа, лингвистическая география, неолингвистика, лингвистический эстетизм, структурализм, Пражский структурализм (функциональная лингвистика), Датский структурализм (глоссематика), Американский структурализм (дескриптивная лингвистика), логическое направление, натуралистическая школа, лингвопалеонтология, натурализм, психологизм, логицизм*. Состав терминов в этой группе является гетерогенным. Во-первых, они представлены как однословными, так и составными наименованиями. Во-вторых, неоднородна их мотивировка. В своей структуре они несут указания на научные методы, на географию их возникновения, на подходы к языку, на территориальное деление языка. В-третьих, термины неравнозначны по своему семантическому объему, что определяет их группировку на основе иерархических связей. Так, например, неограмматизм как лингвистическое направление складывается из Казанской, Московской лингвистических школ и лингвистической концепции Фердинанда де Соссюра, а структурализм объединяет Пражскую, Датскую и Американскую школу структурной лингвистики.

Индивидуальная часть вербального уровня представляет научные взгляды ученого. Так, об этом свидетельствует предпочтение термина *структурализм*, который в науке употребляется или как синоним термина *структурная лингвистика*, или ограничивается от него /5, 40 – 41/. Кроме того контекстуальное пространство данного термина свидетельствует о тяге лингвиста к употреблению структурно однородных терминов, в данном случае используются термины с суффиксом *-изм* (*эстетизм, структурализм, натурализм, психологизм, логицизм*).

3. Термины, обозначающие лингвистику и ее отрасли: *языкознание, лингвистика, современное языкознание, теоретическое языкознание, чистое (теоретическое) языкознание, прикладное языкознание, общее языкознание, история языкознания, внутренняя лингвистика, внешняя лингвистика, этнолингвистика, когнитивная лингвистика, фонетика, лексикология, фонология, синхронная фонология, диахронная фонология, морфология, синтаксис, синтаксическая теория греческого языка, прагматика, грамматика, европейские грамматики, понятия грамматики, систематическая грамматика, общая грамматика, теория грамматики, философская грамматика, универсальная грамматика, рациональная грамматика, сравнительно-историческая грамматика, сравнительно-историческая грамматика индоевропейских языков, средневековая грамматика, испанская грамматика, первая бретонская грамматика, первая славянская грамматика, описательная грамматика, орфография, диалектология, словообразование, семасиология, методика преподавания русского языка, систематика, общая фонетика, экспериментальная фонетика, этимология, лексикография, учения о частях речи, общая теория частей речи, стилистика, классическая филология, семитская филология, армянская филология, персидская филология, венгерская филология, японская филология, корейская филология, испанская филология, ацтекская филология, теория исторического происхождения языков, синтаксическая теория, теория стилей языка, теория культуры речи, теория универсалий, теория актуального членения предложения, теория языковых союзов, субстанциональные теории изоморфизма, психологическая лингвистика (психолингвистика), социологическая лингвистика (социолингвистика), функциональная лингвистика, грамматическое учение, учение о грамматических оппозициях, учения стоиков, учения об аналогии и аномалии, учение глоссематиков, дескриптивная лингвистика, морфонемика, трансформационные теории, трансформационная грамматика, семиотика, менталингвистика, лингвосемиотика, интерлингвистика.*

Термины третьей группы включаются в вербальную сеть на основе следующих семантических отношений: (1) синонимических связей (*чистое языкознание = теоретическое языкознание, синтаксис = синтаксическая теория = синтаксическое учение; универсальная грамматика = рациональная грамматика; социологическая лингвистика = социолингвистика; общее языкознание = внешняя лингвистика* и т.д.); (2) родо-видовых и видовых отношений (*грамматика – средневековая грамматика, испанская, грамматика, первая славянская грамматика* и т.д.); (3) отношений между целым и его частью (наукой и ее разделом) (*морфология – учения о частях речи; прикладная лингвистика – лексикография, методика преподавания русского языка, орфография; сравнительно-историческая грамматика – сравнительно-историческая грамматика славянских языков, семиотика - лингвосемиотика* и т.д.); (4) гиперонимических отношений (*филология - классическая филология, семитская филология, армянская филология, персидская филология, венгерская филология, японская филология, корейская филология, испанская филология, ацтекская филология; внешняя лингвистика – этнолингвистика, социолингвистика, психолингвистика, лингвосемиотика, прагматика; фонология - синхронная фонология, диахронная фонология* и т.д.).

Особое место в данной группе занимают термины, обозначающие лингвистические дисциплины, возникшие на основе использования специальных лингвистических методов. Многие из них выступают как многозначные, обозначая одновременно отрасль лингвистики и ее направление и / или метод (*сравнительно-историческое языкознание, трансформационная грамматика, глоссематика, функциональная лингвистика* и т.д.). На периферии группы названий лингвистических дисциплин оказываются термины, обозначающие отрасли знания, возникшие на стыке наук и входящие в разные науки: *психолингвистика, социолингвистика, лингвосемиотика* и т.д.

Данные термины образованы способами заимствования (*лингвистика, синтаксис*), сложения с использованием иноязычных корней (*филология, фонология, этнолингвистика*), фразеобразования (*синхронная фонология, дескриптивная лингвистика, историческое языкознание, общее языкознание, когнитивная лингвистика*). Наибольшую продуктивность проявляет фразеобразование, которое в данной группе реализует номинативную активность слов *грамматика, филология, лингвистика, языкознание, теория, учение*, которые выступают в качестве опорных слов при образовании составных терминов. Во фразеобразовании, наряду со способом когеренции, когда происходит комбинирование слов, соответствующее их валентностям (*функциональная лингвистика, когнитивная лингвистика, функциональная грамматика*), действует способ расширения (*сравнительно-историческая грамматика – сравнительно-историческая грамматика индоевропейских языков*). Рассмотренные неоднословные термины демонстрируют участие в терминообразовании однословных терминов, что свидетельствует о наличии у них номинативного потенциала и возможности пополнения корпуса метаязыка за счет внутренних ресурсов.

4. Термины, обозначающие методы языкознания, научные принципы и подходы к языку: *сопоставительный метод, генеалогическое изучение, типологическое сравнение, метод трансформаций, описательный метод, лингвогенетический метод, исторический метод, методика внутренней реконструкции («филологический метод»), сравнительно-исторический метод, методика внешней реконструкции, методика относительной хронологии, методика глоттохронологии, методика лингвистической хронологии, структурные методы: метод дистрибутивного анализа, дистрибутивный метод; метод «непосредственно составляющих»; трансформационный метод; метод субституции; математические методы – статистический и методика моделирования; метод компонентного анализа; специальные методы исследования, философские принципы, научные принципы, принципы классификации языков, антиисторизм, философско-логический подход, философско-исторический подход, формальный подход, диахронический подход, синхронный анализ языка, функциональный структурный анализ, синхронные исследования, принцип асимметричного дуализма языковых явлений, панхрония, или ахрония (изучение языка без пространственных и временных ограничений), фонологический, морфологический анализ, процедура фонологического исследования: сегментация, отождествление аллофонов; грамматический анализ, принципы классификации языков мира, генеалогическая классификация, морфологическая (типологическая) классификация языков, количественный подход, количественный подход к морфологической классификации языков, ареальная классификация языков.*

Термины данной группы, кроме единичных исключений, представлены составными наименованиями, образованными при реализации номинативного потенциала слов *метод, принцип, подход, анализ*, относящихся к общенаучному языку.

Среди них есть примеры, свидетельствующие о терминологических предпочтениях Л.А. Шеляховской. Например, выбор термина *диахронный* при наличии его словообразовательного варианта *диахронический* также обнаруживает отмеченная выше себя склонность ученого к использованию «связок» терминов, в том числе составных, имеющих аналогичную структуру (*синхронный подход - диахронный подход*).

5. Термины, обозначающие отдельные языки, их области, образуемые языками группы: *основные языковые семьи языков, индийская группа, мертвый язык, живые языки, санскрит, среднеиндийские языки, новоиндийские языки, хиндустани, бенгальский язык, пенджаби (пенджабский, панджабский язык), бенгальский язык (бенгали /бангла), непальский язык (непали, наипали), сингальский язык, маратхи, цыганский язык, иранская группа языков, мертвые (древнеиранские) языки, древнеперсидский язык, язык Пехлеви, скифский язык (язык скифов, аланов), согдийский язык, хорезмийский язык, современные (живые) языки, иранский язык, афганский язык, таджикский язык, курдский язык, осетинский язык; балтийская группа, мертвый древнепрусский язык, латышский язык, литовский язык; славянская группа языков, восточнославянская подгруппа, русский язык, украинский язык, белорусский язык; южнославянская подгруппа, болгарский язык, македонский язык, сербохорватский (сербохорватский, хорватско-сербский) язык, словенский язык, старославянский язык (мертвый); западнославянская подгруппа, полабский язык (мертвый), чешский язык, словацкий язык, польский язык, лужицкий (серболужицкий) язык и т.д.; тюркские языки, чистые тюркские языки, живой греческий язык, изолирующий тип, языки полисинтетического строя, изолирующие (корневые) языки, корнеизолирующие (аморфные) языки, основоизолирующие языки, агглютинативные (агглютинирующие) языки, флективный тип языков, флективные (фузионные) языки, языковой союз, смешанные диалекты, социальные диалекты: жаргоны, арг; международные вспомогательные языки, априорные языки, апостериорные языки, эсперанто.*

Термины данной группы так же, как в предыдущих группах, в подавляющем своем большинстве являются составными. Однословные термины единичны, но и они выступают, как правило, как синонимы к неоднословным наименованиям (*пенджаби = пенджабский / панджабский язык, бенгали / бангла = бенгальский язык, непали / наипали = непальский язык*). Наряду с синонимическими отношениями действует и антонимическое противопоставление (*живые языки – мертвые языки*).

По значениям корпус терминов делится на две подгруппы: 1) «языковые» и «языковедческие» / 2 /.

К «языковым» относятся термины, имеющие непосредственную соотнесенность с языковой реальностью в виде конкретных языков (*бенгальский язык, непальский язык, сингальский язык, маратхи, цыганский язык, таджикский язык, курдский язык, осетинский язык, словацкий язык, польский язык*). Они имеют онтологические корреляты. В языке они образуют номинативную парадигму [Жаналина 2006: 195] с опорным словом *язык / языки*, реализующим свой номинативный потенциал. Объем номинативной парадигмы, т.е. количество терминов в ее составе, определяет языковая реальность, и следовательно, терминопорождающая сила слова *язык* как проявление его номинативной валентности является онтологически ориентированной, что соответствует назначению терминов выполнять номинативную функцию «обозначения» - служить субститутами объективных явлений. Термины данной подгруппы связывают гипонимические отношения (*русский язык, украинский язык, белорусский язык* и т.д.)

К «языковедческим» относятся термины, выражающие понятия о языке, т.е. соотносящиеся с миром мышления *основные языковые семьи языков, индийская группа*. Они имеют гносеологические корреляты в виде категорий, обладающих большей или меньшей степенью обобщения. Такие термины объединяются гносеологически ориентированными отношениями /6, 28/. Так, термины (1) *языковые семьи языков*, (2) *славянская группа языков*, (3) *восточнославянская подгруппа*, (4) *русский язык* связаны гиперо-гипонимическими отношениями, причем, термины на верхних уровнях (1, 2, 3) выражают категориальные понятия разной степени абстракции, градация которой отражает порядок цифр: 1 – самая высокая, 3 – самая низкая. Все они являются «языковедческими», а завершается их вертикальный ряд «языковым» термином (4), который обозначает объект, входящий в класс объектов, подвергаемых категоризирующей работе мышления. Гиперо-гипонимические отношения отличает от двухступенчатых родо-видовых отношений многоступенчатость, отражающая способность мышления систематизировать знания об объективной реальности с разной степенью обобщенности и отражать это с помощью более или менее абстрактных понятий. При этом степень обобщенности понятия отмечается количеством входящих в него признаков: чем обобщеннее понятие, тем меньше в нем признаков, чем оно конкретнее, тем больше в его составе признаков. Сравнение «языковых» и «языковедческих»

терминов показывает, что первые представляют результаты эмпирического этапа исследовательской работы, а вторые – теоретического.

Среди составных терминов с опорным словом *язык* особое положение занимают наименования типа *литературный язык, поэтический язык*. Они соотносятся как с языком-объектом, т.е. с одним каким-либо конкретным языком при распространении дополнительным словом (*русский литературный язык, казахский литературный язык* и т.п.), так и с понятием о разных конкретных языках при сохранении своего состава, так как их значения в этом случае выражают квалификацию языков, совокупность определенных признаков, присущих нескольким / многим языкам и объединяющим их по этим признакам. Такие понятия, заложенные в значения терминов *литературный язык, поэтический язык*, абстрагируются, отвлекаются от языков-объектов, являются чисто гносеологическими. Таким образом, особенность данных терминов заключается в их многозначности - способности в одном значении выступать как «языковедческие», а другом - как «языковые».

Рассматриваемая пятая подсистема терминов отражает еще одну черту дискурса ученого – его стремление наиболее полно представлять лингвистическую терминологию в окружении синонимов, паронимов, фонетических, словообразовательных, синтаксических вариантов: *изолирующие (корневые) языки, корнеизолирующие (аморфные) языки, основоизолирующие языки; флективный тип языков, флективные (фузионные) языки; пенджабский / панджабский язык, бенгали / бангла, агглютинативные (агглютинирующие) языки, сербскохорватский (сербохорватский, хорватско-сербский) язык* и др.). С одной стороны, нанизывание терминов-синонимов, вариантов приближает индивидуальный лингвистический язык к общему, а с другой - имеет практический учебный эффект, реализуя дидактический принцип повтора.

6. Термины, обозначающие единицы языка (в некоторых случаях с их признаками): *структурная единица языка, звук, фонема: сегментные (линейные), суперсегментные (просодемы) слова, морфема, морф, алломорф, манифестации морфемы, типология морфем: суперсегментные морфемы, негативные морфемы, пустые морфемы, морфемы-заместители, аффиксы, продуктивные, непродуктивные аффиксы, корни, производные, непродуцируемые слова, предложения, словосочетания, формы словосочетания, высказывание, интонация, текст*.

Эта группа включает однословные и неоднословные наименования, которые входят в «языковые» термины. Их значения служат для дифференциации единиц как атомарных (*звук, манифестации морфемы, словосочетание*), как системных – парадигматических и синтагматических (*морф, алломорф, формы словосочетания, негативные морфемы, пустые морфемы, сегментные (линейные), суперсегментные (просодемы) слова*) и как функциональных (*фонема, морфема, высказывание*).

Среди обозначений языковых единиц выделяются термины, трактующие их как знаки и противопоставляющие их неязыковым знакам: *вербальные знаки, невербальные знаки, паракинесика, мимика, телодвижения, язык жестов*. К ним примыкают термины *письменность, бесписьменные народы*.

Противопоставление терминов *вербальные знаки, невербальные знаки* отмечено словообразовательным способом с помощью префикса *не-*. В их состав входят однокоренные антонимы. Термин *невербальные знаки* связан с терминами *паракинесика, мимика, телодвижения, язык жестов* родо-видовыми отношениями.

7. Термины, обозначающие классификацию языковых единиц, их классы, группы, разряды: *акциденции, морфологические категории, грамматические классы (склоняемые, несклоняемые, спрягаемые), разряды морфем, формальные классы морфем, имя, имена существительные, имена прилагательные, числительные, глагол, причастие (participium), артикль (articulus), местоимение (pronomen), предлог (praepositio), наречие (adverbium), союз (coniunctio), лицо, число, наклонение, залог, вид, спряжение, образ, качество сравнения, род, падеж*. По коррелятам они находятся между «языковыми» и «языковедческими» терминами. Они обозначают структуру языка-объекта, но она не относится к непосредственно наблюдаемым элементам языковой реальности, т.е. требует познания. Набор терминов обладает временной перспективой и отражает их развитие (ср.: *акциденции* и *морфологические категории*), их этимологию, проецированную на современный язык в виде терминов-дублетов с употреблением иноязычных вариантов в специальных случаях (см.: *артикль* и *articulus*).

8. Термины, обозначающие формы существования языка и их описания: *система, система языка, звуковая система, знаковая (семiotическая) система, система лингвистических знаков, функциональные системы, система гласных, динамическая система, гетерогенная система, стратификация языка, ярусы языка, основные промежуточные уровни языка, фонетико-фонологический, морфемо-морфологический, синтаксический, лексико-семантический*

уровни, морфонологический, словообразовательный, фразеологический подуровни, языковые слои, стилевые разновидности языка; модель; структура, фонологическая структура языка, морфологическая структура слова, элементарная синтаксическая структура (ядерные предложения), грамматические оппозиции, детерминация: селекция (в тексте), спецификация (в системе), интердепенденция: солидарность (в тексте), комплементарность (в системе), констелляция: комбинация (в тексте), автономия (в системе), дистрибуция: дополнительная, контрастная, или контрастирующая, свободное варьирование, изоморфизм.

В данной группе термины связаны разными видами языковых связей: синонимическими (система языка – стратификация языка), партитивными (система языка – система гласных), гиперо-гипонимическими (система – уровень – подуровень), родо-видовыми (детерминация: селекция (в тексте), спецификация (в системе)). Количество рассматриваемого класса терминов в языковом портрете соответствует их ядерному положению в общелингвистической терминологии в связи с распространенностью системно-структурного подхода к языку. Данные термины относятся к «языковедческому».

9. Термины, обозначающие элементы содержательной стороны языка: значения, языковые значения, языковая семантика, языковая функция, структурные языковые значения, информативные языковые значения, лексическое значение, грамматическое значение, предметно-понятийное (когнитивное) значение, логико-языковое значение, эмоционально-оценочное (субъективное) значение, коннотативное (стилистическое) значение, актуальный смысл, коммуникативная цель, несловесная информация. Выбор терминологии отражает взгляды ученого на языковую семантику и ее соотношенность с языковой формой. Обращают внимание отраженные в ней классификации языковых значений с учетом их наполнения, способов материализации, а также коммуникативных ситуаций. Термины относятся к «языковым».

10. Термины, обозначающие различные языковые процессы в отвлечении от человека и их результаты: словоизменение, склонение, естественное склонение (=словоизменение), латинское склонение, спряжение, словообразование, формообразование, бесформенные полные слова, склоняемые слова, спрягаемые слова, отложительный падеж в латинском языке (аблатив), личная форма глагола. Они относятся к «языковым» терминам, обозначая реальную динамику языка и участвующие в ней единицы. Сближение терминов по значению поддерживается структурным параллелизмом, наличием в них общих компонентов (словоизменение, словообразование, формообразование, бесформенные полные слова, склоняемые слова, спрягаемые слова и т.п. Термины относятся к «языковым».

11. Термины, обозначающие языковые законы и подчиненные им процессы: языковые законы, фонетические законы, аналогия, действие аналогии, дивергенция; корреспонденции (межъязыковые чередования) – полиглотные, альтернации (внутриязыковые чередования) – моноглотные; типологические изменения звуков, всеобщие звуковые законы, переразложение, опрощение. Термины относятся к «языковедческому».

12. Термины, обозначающие (1) речевую деятельность, в которую включен субъект, и ее механизмы: (языковую активность): артикуляция, стандартное произношение букв алфавита, метатеза, психологическая коммуникация, речевая коммуникация; (2) языковую способность: билингвизм, монголо-тюркское двуязычие, (3) контакты, взаимодействие языков и его результаты: интерференция, билингвизм, смешение языков, субстрат, суперстрат, адстрат. С ними связаны термины, которые обозначают условия коммуникации, контекст: словесный контекст, речевая ситуация (конситуация), контекст когнитивной культуры, языковая ситуация. Термины относятся к «языковым».

13. Термины, обозначающие лингвистов и дифференцирующие их по отраслям лингвистики, которыми они занимаются, или по ее направлениям: аналогисты, аномалисты, арабские языковеды, лексиколог, теоретик языка, историк языка, славист, диалектолог, лексикограф, дериватолог, фонолог и др. Проанализированные термины, их состав и образуемая ими сеть представляют вербальную составляющую языкового портрета и надстройку в виде когнитивного пространства, образуемого ими. Сами термины и их синонимические, паронимические, вариативные, антонимические, гиперо-гипонимические, гипонимические, родо-видовые/видовые, партитивные, иерархические и др. отношения формируют языковой уровень личности. В количественном соотношении терминов, обозначающих области языка обнаруживается некоторый крен в пользу словообразовательных терминов, которые представляют область основных интересов ученого.

Когнитивный уровень языкового портрета имеет специфику, согласующуюся с особенностью лингвистики, в которой объект и наука оперируют одной и той же материей. Язык одновременно является и объектом исследования и языком описания. В связи с этим тезаурусный

компонент фокусируется соотношением понятий, различающихся разной степенью приближения к языку и представляющих познавательную деятельность ученого на эмпирическом и теоретическом этапах исследования. Это соотношение «языковых» и «языковедческих» терминов, которое эксплицирует научные взгляды ученого. Проанализированные материалы учебного пособия «Общее языкознание. Материалы к интегрированному курсу» являются блестящим воплощением авторской идеи профессора Л.А. Шеляховской об интегрированном подходе к обучению студентов-филологов фундаментальным лингвистическим дисциплинам «Ведение в языкознание» и «Общее языкознание». Эта оригинальная система обучения, актуальность которой возрастает в связи с современным видением объекта обучения, зафиксирована в специальном термине «интегрированный курс», другой термин «персонифицированное языкознание» также был пионерским и намного предвосхитил формирование лингвистики как научной парадигмы и разрастание в ней множества теорий, представленных известными лингвистами.

Когнитивный уровень языкового портрета также характеризует доминирование в нем двух типов концепта: «понятийного» и пропозиционального. Первые описываются в терминах классической теории категоризации как «пучки признаков». Например: «... система языка – комплексное понятие, включающее элементы структуры и отношения, связи между ними» /4, 127/. Понятие включает три признака – (1) элементы, на которые делится язык, и (2) отношения, (3) связи, которые объединяют элементы.

Концепт-пропозиция представляет собой предикат, валентности, которого заполнены актантами /7, 240/. Пример пропозитивного концепта в дискурсе Л.А. Шеляховской: «Весьма эффективна методика внешней реконструкции. Сущность ее заключается в следующем: устанавливая закономерности развития родственных языков при помощи сравнительно-исторического метода, можно восстановить языковую картину даже в период, не зафиксированный памятниками письменности» /4, 155/. Здесь предикат - *восстановить (устанавливать)* имеет субъект - *методика*, объект - *родственные языки*, промежуточная цель - *закономерности развития*, инструмент - *сравнительно-исторический метод*, основная цель и результат – *языковая картина*, условие – *период, не зафиксированный памятниками письменности*.

«Понятийные» и пропозициональные концепты представляют два типа лингвистического знания, соответствующие членению знания вообще, - декларативные и процедурные.

Декларативные знания представлены системными знаниями о языке-объекте. Они выражаются терминами системно-структурного языкознания: *звук, фонема, слово, морфема, морф, алломорф, манифестации морфемы, типология морфем, суперсегментные морфемы, негативные морфемы, пустые морфемы, морфемы-заместители, аффиксы, продуктивные, непродуктивные аффиксы, корни; морфологические категории, грамматические классы; система языка, ярусы языка, синтаксический уровень*. Среди них есть «языковые» и «языковедческие» термины (см. выше). Последние отражают разные уровни обобщающей работы мышления и вступают в иерархические отношения, участвующие в структурировании тезауруса языкового портрета. Декларативные знания характеризуются однородностью по корреляту. Они соотносятся с языком, его элементами, явлениями через понятия («языковые») или через понятия о понятиях («языковедческие»). Являясь гносеологическими, декларативные знания имеют онтологический источник, т.е. онтологически ориентированы.

Процедурные знания неоднородны по корреляту. Среди них выделяются знания, соотносимые с языком, и знания, соотносимые с познавательной (научно-исследовательской) деятельностью.

Онтологически ориентированные процедурные знания выражают термины, обозначающие языковые процессы, отвлеченные от носителя языка (например, *словоизменение, словообразование* и т.п.), и термины речевой деятельности, содержащие в своих значениях сему «субъект» (например: *речевая коммуникация, языковая способность*).

«Чисто» гносеологические знания передают термины, обозначающие методы исследования, научные подходы, принципы, а также разные виды анализа языка, которые осуществляются в целях получения знания о языке не только научного, но и нормативного (в обучении) или «обыденного» (в опыте) как основы для использования языка в общении: *сравнительно-исторический метод, методика внешней реконструкции, сопоставительный метод, генеалогическое изучение, типологическое сравнение, метод трансформаций, описательный метод, лингвогенетический метод, исторический метод, методика внутренней реконструкции, морфологический анализ* и т.д.

Процедурные знания несут информацию об естественных процессах в языке и о профессиональной научной деятельности. Но в том и другом случае они могут использоваться как руководство к соответствующим формам деятельности.

Третий, прагматический, уровень языкового портрета ученого представляют прецеденты и коммуникативные стратегии его дискурса. Соотнесенность с действительностью – с внеязыковыми объектами и ситуациями ученый называет текстовой референцией и включает в нее локально-временную актуализацию и референцию имен, имеющихся в дискурсе.

В качестве прецедентов выступает длинный список наименований лингвистических трудов или трудов и их авторов, которые являются символами мировой цивилизации и культуры и выполняют роль краеугольных камней, по которым шагает языкознание. Форма их подачи в дискурсе проф. Л.А. Шеляховской и их контекстуальное окружение обнаруживают широту и энциклопедический характер знаний ученого: «Ригведа», «Грамматика» Панини, «Грамматическое руководство» Квинта Реммия Палемона, «Грамматическое руководство» Элия Доната, «Al-Kitab» («Книга») Сибавейхи, словарь «аль Мухассас» Ибн Сиды, словарь «Камус» («Океан») Аль Фарузабади, «Дивану лугат ат-турк» («Диван тюркских языков») Махмуда Кашигарского, «О народном красноречии» Данте Алигьери, грамматика Лаврентия Зизания, «Букварь» Ивана Федорова, «Общая и рациональная грамматика» Антуана Арно и Клода Лансло, «Логика или искусство мыслить» А. Арно и П. Никола, «Грамматики словенския правильное синтагма...» Милетия Смотрицкого, «Русская грамматика» Генриха Лудольфа, «Опыт происхождения языков», «Рассуждения о начале и основании первенства между людьми» Ж.Ж. Руссо, «Энциклопедии, или о толковом словаре наук, искусств и ремесл» Д. Дидро, «Сравнительные словари всех языков и наречий» П. Палласа, «Каталог языков известных народов» Л. Герваса, «Словарь Митридат, или Общее языкознание» И.К. Абулунга и С. Фатера, «Словарь Академии Российской», «Российская грамматика» М.В. Ломоносова, «Российская грамматика» А.А. Барсова, «О языке и мудрости индийцев» Ф. Шлегеля, «О системе спряжения санскритского языка в сравнении с таковым греческого, латинского, персидского и германского языков...» Ф. Боппа, «Рассуждения о славянском языке...» и «Русская грамматика» А.Х. Востокова, «Немецкая грамматика» Я. Гримма, «О сравнительном изучении языков применительно к различным эпохам их развития» В. Гумбольдта, «Старославянско-греко-латинский словарь», «Этимологический словарь славянских языков» Ф. Миклошича, «Морфология церковно-славянского языка», «Сравнительно-лингвистические исследования», «Немецкий язык», «Теория Дарвина и языкознание», «О значении языка для естественной истории человека», «Компендий сравнительной грамматики индогерманских языков» А. Шлейхера, «Этимологические исследования в области индогерманских языков» А. Потта, «Основные черты греческой этимологии», «Греческая грамматика» Г. Курциоса, «Грамматика, логика и психология, их принципы и взаимоотношения», «Введение в психологию и языкознание» Г. Штейнталя, «Мысль и язык», «Из записок по русской грамматике», «Из лекций по теории словесности», «Психология поэтического и прозаического мышления» А.А. Потебни, «Психология народов – язык», «История языка и психология языка» В. Вундта, «Пространная русская грамматика» Н.И. Греча, «Опыт общесравнительной грамматики русского языка» И.И. Давыдова, «Историческая грамматика русского языка» Ф.И. Буслаева, «Принципы истории языка» Г. Пауля, «Некоторые случаи действия аналогии в польском склонении», «Некоторые общие замечания о языковедении и языке», «Опыт теории фонетических альтернатив», «Языкознание, или лингвистика, 19 в.» Бодуэна де Куртенэ, «О первоначальной системе гласных в индоевропейских языках», «Курс общей лингвистики» Ф. де Соссюра, «Введение в сравнительное изучение индоевропейских языков», «Общеславянский язык» К. Мейе, «Общая лингвистика и вопросы французского языка», «Французская стилистика» Ш. Балли, «Русский язык. Часть I. Грамматика», «Бессоюзие и подчинение в русском языке», «Об асимметричном дуализме лингвистического знака» С.О. Карцевского, «Язык как творчество и развитие», «Дух и культура в языке» К. Фосслера, «Труды Пражского лингвистического кружка», «Теория языка. Структурная модель языка» К.Бюллера, «Основы фонологии» Н.С.Трубецкого, «Основы глоссематики» Х. Ульдаля, «Принципы общей грамматики», «Основы лингвистической теории» («Прологомены к теории языка») Л. Ельмслева, «Язык» Э. Сепира, «Язык», «Введение в изучение языка» Л. Блумфилда, «Этнолингвистика» М.М. Копыленко.

Приведенные прецедентные наименования и имена собственные обладают множественной соотнесенностью. Первой является – референция, складывающаяся в модель действительности с пространственными и временными параметрами. Это в первую очередь касается личных имен, а наименования трудов участвуют в референции как имена собственные. Если же обратиться к компонентам составных названий работ как к именам нарицательным (а они

в этом качестве называют объекты исследования), то они именуют как язык-объект (референция: коррелируют с реальностью), так и науку о языке, ее методы (сигнификация: коррелируют с мышлением).

Еще один параметр ориентировки для выбора прецедентов – участники научного (учебного) диалога: субъект речи и адресат. Так, предпочтения субъекта проявляются в выборе наименования «Этнолингвистика» (М.М. Копыленко). Из большого и весьма полно освоенного русской лингвистикой наследия этого известного ученого названа одна работа, которая демонстрирует новый поворот в его научных изысканиях. Будучи ученым энциклопедического типа, М.М. Копыленко находился постоянно в процессе открытия новых путей в языкознании. Это состояние непрерывного научного поиска было понятно и близко Л.А. Шеляховской. Она сама была настоящим научным «перпетуумом мобиле», генерировала новые идеи, и ее наука постоянно эволюционировала, чем стимулировались и достижения ее учеников. Поэтому кажется не случайным то, что ученый останавливает свой выбор именно на той работе М.М. Копыленко, в которой тот впервые в русской лингвистике Казахстана обращается к этнолингвистике и тем самым демонстрирует качества ученого-новатора.

Ориентированность на адресата обнаруживают: 1) полные (первые) личные имена авторов; 2) выбор трудов, которые должны войти в лингвистическую «копилку» студента-филолога и которые он должен включить в круг своего чтения, если поставлена цель стать настоящим филологом, языковедом. Прецедентные наименования намечают план будущих действий в программе самостоятельной лингвистической подготовки.

Присутствие субъекта проявляется в его целях, определяющих коммуникативные стратегии научного общения (его связи с адресатом). Прагматический компонент формируется обеими коммуникативными стратегиями, выделенными К.Ф.Седовым, - репрезентативной и нарративной /8, 32 -37/. Репрезентативная стратегия согласуется с «языковыми» терминами вербального уровня. Она используется при изображении языковой действительности и соответственно предусматривает выбор онтологически ориентированных терминов: *«Маньчжурский язык. Маньчжурский литературный язык был создан в XVI в. на основе монгольского письма: в области лексики сильное влияние на него оказали монгольский и китайский языки. На маньчжурском литературном языке велась официальная и частная переписка, делались переводы художественной литературы (с китайского языка), проводилось обучение»* /4, 187/.

Из двух ее разновидностей доминирует репрезентативно-символическая стратегия, диктующая применение вербальных знаков, являющихся наиболее приемлемой формой передачи гуманитарного знания. Репрезентативно-иконическая стратегия подключается редко и не в чистом виде. Ее демонстрируют таблицы, схемы, в которых наряду с геометрическими фигурами присутствуют слова.

Нарративная стратегия надстраивается на «языковедческие» термины. Она творит дискурс как перекодирование первичного языкового кодирования действительности. Перекодированием вербализуется информация об информации о языке-объекте. Например: *«Младограмматики были выдвинуты следующие теоретические положения: 1) звуковые законы, действующие в языке, не имеют исключений; 2) важную роль в процессе создания новых языковых форм и в целом в фонетико-морфологических изменениях играет аналогия; 3) в первую очередь необходимо изучать современные живые языки и диалекты»* /4, 67/.

Нарративная стратегия выступает в основном в одной из своих разновидностей в виде объектно-аналитической стратегии, создавая генерализованные высказывания: *«Лингвистические методы взаимосвязаны, поскольку взаимосвязаны цели лингвистического анализа»* /4, 147/.

Прагматикон в языковом портрете также характеризуют разновидности актуальной перспективы дискурса. В нем представлены все три коммуникативные структуры /8, 32/.

Примеры простой линейной тематической прогрессии прозрачно демонстрируют преемственную последовательность содержания следующих друг за другом предложений, когда рема предшествующего предложения превращается в тему второго. Она представляет самую простую коммуникативную структуру текста: «При установлении понятия (Т₁) фонемы Н.С.Трубецкой выдвигает на первый план ее (Р₁) смысловозначительную функцию. Исходя из (Т₂=Р₁) смысловозначительной функции фонемы, Н. С.Трубецкой (Р₂) разрабатывает оригинальную теорию оппозиций» /4, 101/. См. еще один пример простой линейной тематической прогрессии: *«Определенный интерес для социолингвистики представляет исследование П.Лафарга «Французский язык до и после революции» (1890). Лафарг проследил развитие понятий справедливость, добро, душа, бог на разных этапах развития общества и показал зависимость понятий от общественных отношений, характерных для данного периода»* /4, 145/.

Чаще выстраивается тематическая прогрессия с константной темой. Она отвечает ходу научной мысли, которая обычно представляет сложное переплетение взглядов на объект исследования, обусловленное выделением в этом объекте разных аспектов: «(P₁) Под сложным предложением Буслаев понимает (T₁) совокупность двух или нескольких предложений, соединенных подчинительной или сочинительной связью. Специфику (T₂=P₁) сложного предложения Буслаев усматривает (P₂) в возможности его сокращения в простое. В (T₃=P₁) сложносочиненном предложении он выделил (P₃) три вида сочинительных отношений – соединительные, противительные, разделительные» /4, 66/.

Если в приведенном случае константная тема, во-первых, восходит к реме первого предложения, во-вторых, представлена в более общем (T₂) и частном (T₃) вариантах, то в следующем примере константная тема дублируется, повторяясь в ряде предложений, только при ней даются разные ремы, и таким образом накапливаются сведения об одной и той теме. Такая коммуникативная структура отвечает ситуации формирования понятия как совокупности признаков объекта, т.е. фиксирует процесс концептуализации: «Пражцы призывают к структурному истолкованию исторического развития языка. Таким образом, представители пражской лингвистической школы, в отличие Ф. де Соссюра, стремятся к сближению синхронического и диахронического анализа. Конечные цели исторического и структурно-реконструктивного исследования, по мысли пражцев, не отличаются от задач синхронного структурного исследования, поскольку и в том и другом случае необходимо выявить определенные языковые связи и закономерности» /4, 100/. Встречаются фрагменты дискурса построенные по модели тематической прогрессии с производными темами: «В многозначном слове выделяются (T) прямые и переносные значения. (T₁) Переносные значения образуются на базе прямого значения с помощью разных способов: метафоры, синекдохи, метонимии. (T₂) Прямые значения могут быть мотивированными и немотивированными» /4, 142/. Данный тип коммуникативной структуры описывает классифицирующую работу мышления, создающую научные классификации, т.е. категоризацию.

Итак, ядерную часть прагматической составляющей языкового портрета образуют прецедентные имена, определенный набор коммуникативных стратегий (репрезентативно-символическая и объектно-аналитическая стратегии), а также комбинации коммуникативных типов высказываний, которые соотносятся с динамическим аспектом когнитивной составляющей научного дискурса.

Мотивационно-прагматический уровень, как и ранее рассмотренный тезаурусный, выявляются методом семантической реконструкции вербального уровня (научного дискурса). При этом фрагмент языкового портрета, разработанный на основе анализа репрезентативного, итогового труда ученого, обнаруживает наличие на каждом уровне двух компонентов – общего и индивидуального. Последний представляется «творческим контекстом» (идиолектом) и надстройками над ним в виде новых концептов и новых знаний (когнитивный уровень) и в виде прагматического уровня, весьма насыщенного прецедентами.

1. Огурцов А.П. Научный дискурс: власть и коммуникация (дополнительность двух традиций) // *Философские исследования*. - 1993, № 3. - с.12 - 59.

2. Гвишиани Н.Б. *Язык научного общения (вопросы методологии): Моногр.* – М.: Высш. шк., 1986. – 280 с.

3. Караулов Ю.Н. *Русский язык и языковая личность / Отв.ред. Д.Н.Шмелев.* – М.: Наука, 1987.

4. Шеляховская Л.А., Гильманова Р.С., Кажигалиева Г.Ж.А. *Общее языкознание. Материалы к интегрированному курсу.* - Алматы, 2001. - 263 с.

5. Звезинцев В.А. *Хрестоматия по истории языкознания XIX-XX веков.* – М., 1956. – 457 с.

6. Жаналина Л.К. *Актуальные проблемы языкознания. Теория. Учебно-методический комплекс дисциплины. Учебное пособие.* – Алматы: Print-S, 2006. – 330 с.

7. Кронгауз М.А. *Семантика.* – М., 2001. - 398 с.

8. Седов К.Ф. *Дискурс и личность: эволюция коммуникативной компетенции.* – М.: Лабиринт, 2004. – 320 с.

Түйін

Бұл мақалада белгілі ғалым профессор Л.А. Шеляховскаяның тіл суреті бейнеленген. Ол үш жақтан көрсетілген: бірінші жағы – вербалдық лексикон, екінші жығы – когнитивтық тезаурус, үшінші жағы – прагматыкалық ерекшелігі.

Summary

The article develops a linguistic portrait of a well-known linguist L.A. Shelykhovskaya. The portrait is presented as a 3-level model consisting of verbal, cognitive and pragmatic levels.

ПРЕЗЕНТАЦИЯ ДЕФИНИЦИЙ В НАУЧНОМ ДИСКУРСЕ УЧЕНОГО-ФИЗИКА

Л.Т.Килевая -

доктор филологических наук, профессор Каз НПУ имени Абая

Базовую часть языкового портрета ученого-физика, как и ученого любой другой отрасли науки, составляет вербально-семантический уровень языковой личности, воплощаемый главным образом в научной терминологии. Каждый термин обладает свойственной только ему определенной дефиницией. Искусство раскрывать используемую в научном тексте дефиницию ученые разных отраслей науки проявляют по-разному. В настоящей статье на материале анализа языкового портрета ученого-физика А.И.Купчишина анализируется своеобразие презентации дефиниций учеными-физиками.

Характерной чертой языкового портрета А.И.Купчишина является трансцендентный подход к языковым знакам, основанный на конвенциональном характере их воплощения. Причем утверждаемое отнюдь не противоречит тому обстоятельству, что ход рассуждений автора облечен главным образом в символические знаки, которыми служат условные обозначения разного рода физических явлений и процессов, протекаемых в природе, в частности массы вещества, силы тока, движения, времени, частицы в твердых телах. Научную информацию текстов Купчишина отличает условность, для которой характерно использование при передаче мысли условных символов, т.н. диафор, соответствующих предметам или явлениям действительности. Такого рода изложение рассчитано на определенный интеллектуальный уровень восприятия. Символичность изложения, характеризующая научный дискурс ученого, проявляется в воплощении хода его мысли в условные изображения, используемые в разного рода формулах. Более того, многие фрагменты его текстов передаются в виде последовательности этих формул, демонстрируя тем самым превалирование когнитивной, речемыслительной, функции научной речи над коммуникативной. Доказать, а не просто убедить с помощью правильно подобранных риторических фигур, – вот главная задача ученого. Полученные наблюдения облекаются в его трудах в соответствующие фотографии, схемы, графики, рисунки; подсчеты приводятся в таблицах.

Научный дискурс А.И.Купчишина насыщен специальными терминами, которые используются в связи с изложением научной концепции в монографиях и отдельных докладах, публикациях в научных журналах; при разработке учебных тем в учебных и учебно-методических пособиях. Выдвигаемым понятиям и терминам, в зависимости от жанра научного труда, соответствующие дефиниции даются разными способами. Используемые термины и понятия вводятся следующими способами:

- с помощью развертывания определения;
- в контексте других дефиниций;
- путем толкования этимологии слова-термина;
- с использованием скобок для введения альтернативного названия;
- толкованием посредством попутного пояснения с помощью обособленных приложений;
- путем закавычивания слова;
- имплицитным путем, с учетом фоновых знаний адресата.

Степень развертывания толкования термина обуславливается, прежде всего, его адресованностью, то есть зависит от того, кому направлен научный труд, учитывая степень его интеллекта в данной области знания. Так, в разработке лабораторной работы по теме «Определение дозы облучения материалов индукционным методом» представлена развернутая дефиниция дозиметрии ионизирующих излучений: *«самостоятельный раздел прикладной ядерной физики, в котором рассматриваются свойства ионизирующих излучений, физические величины, характеризующие взаимодействие излучений со средой, а также методы и средства для измерения этих величин»* [ЛУ: 3].

При развернутом толковании термина часто используются простые предложения с простым именным сказуемым, выраженным существительным или именным словосочетанием: *Динамическое прессование – это процесс прессования с использованием импульсных нагрузок* [РЭ:160]. Такого рода толкование при необходимости сопровождается дополнительным

комментарием, например: *Лучевая плазменная обработка* – один из комплексных способов термообработки. Он является альтернативой известным методам поверхностного упрочнения металлов с помощью источников высококонцентрированной энергии [РТП: 3].

Кроме прямого изложения при развертывании толкования определений используется прием косвенного изложения, основанный на выражении субъективной модальности. Такое изложение свидетельствует об определенной возможной погрешности дефиниции, которой, однако, можно пренебречь, поскольку она не влияет на суть определяемого явления. Субъективная модальность передается с помощью модальных слов и выражений, например: *Износ можно определить* как повреждение поверхности, которое происходит при движении контактирующих материалов относительно друг друга. [РЭ: 91]; *С физической точки зрения, переход к наностоянию связан с появлением размерных эффектов, под которыми следует понимать комплекс явлений, связанных с изменением свойств вещества вследствие совпадения размера блока микроструктуры и некоторой критической длины, характеризующей явление (длины свободного пробега электронов и фотонов, толщины стенки доменов, критический радиус дислокационной петли и др.)* [ПРЖ: 71].

Поглощенная доза определяется ученым в контексте других дефиниций – через понятия «поглощенная энергия» и «масса поглощаемого вещества», что сопровождается соответствующей формулой. [ЛУ: 3]

В ряде случаев дефиниции терминов сопровождаются толкованием их этимологии. В частности, так представлен термин «линейный ускоритель». Ученым поясняется, что данный прибор назван так потому, что в нем *«ускоряемые частицы движутся приблизительно по прямолинейным траекториям»*. Примечательно, что значимость данной информации выделяется автором путем использования присоединительной конструкции: *Поэтому его назвали линейным ускорителем*. Это позволяет донести информацию путем подключения зрительного канала, то есть с учетом визуализации ее восприятия и усвоения. Подобные толкования неоднократно в учебных пособиях, но никоим образом не допускаются в научных статьях и монографиях.

Подчеркнем, что в приведенном выше примере, благодаря использованию неопределенно-личного предложения *назвали*, достигается нивелирование источника термина. Нивелирование при обосновании термина выражается в текстах также путем использования кратких страдательных причастий в сочетании с глаголом-связкой *быть* в качестве сказуемого: *(Об ильмените) Название этого минерала связано с тем, что он был найден на Урале в Ильменских горах*. [РЭ: 9]; *Не так давно геологи открыли в Северном Прибайкалье новый титаносодержащий материал, который был назван ландауитом в честь советского физика академика Л.Д. Ландау*. [РЭ: 9]

Толкование некоторых терминов достигается путем использования скобок для введения альтернативного, как правило, более простого и доступного, названия, например: *Экструзия (выдавливание) – процесс получения изделий или полуфабрикатов заданной формы и размеров путем продавливания расплава полимерного материала через формирующее отверстие*. [РЭ: 146]

Попутное пояснение с помощью обособленных приложений осуществляется в случае, если термин в целом усвоен и необходимо только воспроизвести его в памяти: *Методом экструзии получают трубы, пленки, листы, кабели и профили. Основным оборудованием являются экструдеры – машины, снабженные устройством для непрерывного пластицирования полимера, которое осуществляется червяками или дисками*. [РЭ: 146] В приведенном контексте термин «экструдеры» определяется из контекста, благодаря ранее усвоенному термину «экструзия», поэтому дополнительная информация, изложенная в обобщенном приложении, позволяет соотнести и уточнить уже усвоенную дефиницию. Приведем другие подобные примеры: *Микротвердость упрочненной зоны – мартенситно-аустенитной структуры, расположенной ниже темного слоя, - составляет 6500-7200 МПа*. [ПРЖ: 51-52]

Закавыченные в тексте термины в основном возникают как результат терминологизации общеупотребительного слова. Такой процесс пережило слово *столик*, употребленное в качестве термина в следующем предложении: *Над спиралью устанавливался регулируемый по высоте «столик» для исследуемых образцов с термопарой типа хромель-алюмель*. [РЭ: 136] Очевидно, что данный термин является здесь окказионализмом, поскольку его происхождение отмечено случайностью, вследствие отсутствия соответствующего установившегося термина для обозначения соответствующей высоты.

Подаваемые в кавычках термины дефинируются в контексте. Например: *Стандартные образцы для испытаний на усталостную прочность имеют вид гантелей (круговое поперечное сечение с шейкой в середине)*. [РЭ: 94] А далее прослеживается использование данного термина с

обозначенным уточнением применяемых образцов: *Исследовались образцы в виде «гантелей» для определения усталостной прочности со статистикой 7-10 образцов на зависимость.* [РЭ: 95]

Процесс терминологизации общеупотребительных слов, наблюдаемый в исследованиях Купчишина, применим и к устоявшимся терминам физики. Он касается, в частности, достаточно устоявшегося в физике слова *износ*. Терминологический характер слова устанавливается благодаря предлагаемой ученым дефиниции: *Износ можно определить как повреждение поверхности, которое происходит при движении контактирующих материалов относительно друг друга.* [РЭ: 91] Процесу терминологизации, несомненно, подверглось слово *червяк*, что прослеживается в следующем контексте: *Основным оборудованием являются экструдеры – машины, снабженные устройством для непрерывного пластицирования полимера, которое осуществляется червяками или дисками.* [РЭ: 146]

В научном дискурсе ученого наблюдается довольно частое введение терминов имплицитным путем. Это характерно главным образом для тех случаев, когда студент или другой воспринимающий информацию предположительно уже знаком с соответствующими терминами. Например, при изложении назначения ускорителя электронов У-10 имплицитно представлены термины «физика твердого тела», «заряженные частицы высоких энергий», «ускорители заряженных частиц» [КВМ: 3], а при изложении истории развития ускорителей – «ускоряющее поле», «электростатический генератор Ван-де-Граафа», «полый проводник», «ускоряемая частица», «электрическое поле», «циклическое ускорение», «резонансное ускорение». [КВМ] В контексте данной терминологии излагается сущность термина «циклотрон», иначе называемый линейным ускорителем. А.И. Купчишин не только излагает принцип его работы, но и объясняет причину такого названия. Как наиболее значимая данная информация актуализируется путем использования соответствующих синтаксических элементов, главным образом присоединительных конструкций: *В циклотроне – приборе Лоуренса и ему подобных – ускоряемые частицы движутся приблизительно по прямолинейным траекториям. Поэтому его назвали линейным ускорителем.* [ЛУ: 4]

В изданиях, рассчитанных на высокоинтеллектуальное восприятие, имплицитность подачи терминов обретает доминирующую роль. Так, вне контекстуальной обусловленности в научных монографиях Купчишина используются узкоспециальные термины *монослой, нанобъем: Высокие технологии позволяют создавать принципиально новые конструкционные материалы, функциональные параметры которых определяются свойствами формирующихся нужным образом микрообластей, а также процессами, протекающими на атомном, молекулярном уровнях, в монослоях и нанобъемах.* [РЭ: 6]

В научном дискурсе А.И. Купчишина при употреблении терминов наблюдается момент личностной адресованности, проявляемой в постоянных отсылках к личностям, основавшим то или иное направление в физической науке или изобретшим тот или иной прибор, инициировавшим определенный научный метод. В данном случае актуализируется человеческий фактор в развитии физической науки, указывается на то обстоятельство, что научное осмысление определенных физических явлений возможно только при непосредственном участии человека. В научных текстах ученого эта мысль передается путем использования несогласованных одиночных приложений, которые указывают на имена исследователей, причастных к соответствующим открытиям: *электростатический генератор Ван-де-Граафа, циклотроне – приборе Лоуренса, уравнение Колмогорова-Чэпмена, детектор Эверхарта-Торнли, индентор Берковича, модуль Юнга, датчик Холла, прибор Лоуренса.*

Отметим, что собственные достижения ученого представлены им в виде акцентуации на самих этих достижениях путем использования главным образом безличных конструкций, рематическим компонентом которых являются глаголы в безличной форме или краткие причастия страдательного залога прошедшего времени. Последние воплощают конкретные результаты, которых удалось достичь в процессе определенных действий, без декларирования личностного «я» как автора этих результатов, например: *Изучение этих связей позволило расширить наши знания о происходящих процессах в веществах при прохождении через них высокоэнергетических частиц и по-иному посмотреть на эти явления, в частности, с общих позиций.* [ЛУ: 5]

Таким образом, презентация используемых терминов в научном дискурсе ученого-физика характеризуется многообразием форм, каждая из которых искусно работает на адресата.

Источники фактического материала и их основные сокращения (автор Купчишин А.И. и соавторы)

1. *Изучение принципа работы линейного ускорителя электронов У-10 и исследование его параметров.* – Алма-Ата, 1984. – 48 с. – ЛУ.

2. *Взаимодействие излучений с веществом: Каскадно-вероятностный метод.* – Алматы, 1986. – 68 с. – КВМ.
3. *Радиационно-термические процессы в металлах, сплавах и композитах. Научно-тематический сборник.* – Алматы, 2009. – 164 с. – РТП.
4. *Радиационные эффекты в титановых сплавах и композитах.* – Алматы, 2009. – 205 с. – РЭ.
5. *Моделирование на ЭВМ и экспериментальные исследования радиационных процессов в железе и твердых сплавах.* – Алматы, 2009. – 259 с. – ПРЖ.

Түйін

Мақалада физик-ғалымның ғылыми дискурсындағы физикалық терминдердің дефинициясының тілдік тәсілдері қарастырылған

Summary

It is said in the article about the fragment of physic-scientist's language portrait. It is presented the system of language objects, passing the definition of physical subjects, processes and presentations.

ГЛАГОЛ В ПОЗИЦИИ ГЛАВНЫХ ЧЛЕНОВ ПРЕДЛОЖЕНИЯ

О.Ю.Шубина –
к.ф.н., доцент (г.Бишкек)

Статья имеет целью показать, что глагол является полнозначной частью речи в разносистемных языках. К главным членам предложения относятся подлежащее и сказуемое, которые имеют определенное грамматическое значение, выражаемое разными частями речи. Являясь полнозначной частью речи в английском языке, глагол может выполнять функции главных членов в предложении.

Вспомним, что глагол имеет личные или предикативные и именные или непредикативные формы. К личным формам глагола относят глагольные формы изъявительного и сослагательного наклонений во всех грамматических временах и залогах. К именным или непредикативным формам глагола относят инфинитив, герундий и причастие. Рассмотрим, какие формы глагола могут выступать в роли подлежащего в английском языке.

Подлежащее признается многими лингвистами ведущим главным членом предложения, так как сказуемое согласуется с ним в лице и числе. Подлежащее может быть выражено одним словом или группой слов. Подлежащее выделяется по своей форме только в том случае, если оно выражено местоимением, имеющим форму именительного падежа. Когда подлежащее выражено другими частями речи, показателем подлежащего, помимо согласования с ним сказуемого, служит его место по отношению к сказуемому [1, 244]. Ясно, что часть речи, являющаяся подлежащим, должна быть способна субстантивироваться, то есть иметь семантику предметности (предмет как вещь, а не как понятие логики). Но ведь глагол не имеет предметного значения, это процесс в первую очередь. Однако в личных предложениях, подлежащее может выражаться не только существительным, но инфинитивом и герундием.

Инфинитив, который не имеет значения предметности, свойственного подлежащему, и сохраняет значение действия, может выступать в значении подлежащего, выражаемого одним словом. В предложении отвечает на вопрос *Что?* и эквивалентен предметному члену предложения. Например, *To stand in the house again, his room above me, was more than I thought I could bear...* [4]. В предложении *It would be something to discuss later...* [4] инфинитив *to discuss* так же выступает в функции подлежащего. Некоторые лингвисты считают, что в данном предложении два подлежащих, отвечающих на вопрос *Что?*, при этом *it* несет безличное значение. Еще один пример с инфинитивом в функции подлежащего *That's for my mistress to decide* [4]. Во всех примерах инфинитив сохраняет значение процесса и поэтому не принимает определения.

Следующей формой глагола, выступающей в функции подлежащего, выражаемого одним словом, является герундий. Например, *Being natural is simply a pose* [5]. Или *His hearing had taken the strength from his missing eyes* [4]. В данной ситуации герундий субстантивируется и имеет определение, выраженное местоимением в притяжательном падеже. В предложении *It is no use arguing with her* герундий так же выполняет функцию подлежащего.

Таким образом, в функции подлежащего в английском языке могут выступать только неличные формы глагола: инфинитив и герундий.

Главная функция предложения – предикация – выполняется сказуемым. Сказуемое выражает то, что предикцируется о подлежащем, и является вторым главным членом предложения. Семантика сказуемого предполагает наличие действия или признака, поэтому основным предназначением личных форм глагола в английском языке является именно функция сказуемого.

Говоря о сказуемом, уместно вспомнить типы сказуемого в английском языке. Это простое глагольное сказуемое, выраженное глаголом во всех временах и наклонениях, и составное сказуемое, имеющее несколько разновидностей. В функции простого глагольного сказуемого, обозначающего действие, процесс или состояние, в английском языке выступают личные формы глагола изъявительного и сослагательного наклонений во всех грамматических временах и залогах. Например, *You know I don't want to leave* [4]. *I began to find my place in the house* [4].

Простое сказуемое занимает разное место в разных коммуникативных типах предложений. В повествовательном предложении сказуемое стоит после подлежащего, например, *He entered the room quietly*. В вопросительных предложениях часть сказуемого, т. е. вспомогательный или модальный глагол, стоит перед подлежащим, далее следует основной глагол. Например, *Would you go there?* Так же для вопросительных предложений характерна инверсия, например, *Have you got free time?* Или *Were you there?*

Следующим типом является составное сказуемое, которое бывает двух видов – именное и глагольное. Составное именное сказуемое состоит из копулятивного глагола и предикативного члена, которым может быть существительное, прилагательное, числительное, причастие, инфинитив, герундий или наречие. В Грамматике В.Н. Жигадло мы находим, что по значению предикативные члены делятся на три группы: 1) предикативные члены, выражающие тождество или принадлежность к группе однородных предметов; 2) предикативные члены, выражающие признак; 3) предикативные члены, выражающие состояние [1, 258].

К первой группе относятся интересующие нас формы глагола инфинитив и герундий. Например, *At the end of the day it was hard saying good-bye to my parents...* [4].

Составное глагольное сказуемое состоит из глагола в личной форме, инфинитива или герундия. Например, ... *he believed India to be secure from invasion from the North* [6]. Составное глагольное сказуемое имеет следующие разновидности. Составное глагольное видовое сказуемое, где инфинитив и герундий сочетаются с так называемыми фазовыми глаголами: *begin, start, cease, go on*, которые употребляются только с инфинитивом, и глаголы *stop, keep, finish* и т. д., которые употребляются только с герундием. Например, ... *her Mogul rulers began to worry about the possibility of an invader arriving by sea* [6]. ... *they were invariably robbed of their clothes and kept standing naked in the snow* [6]. *It didn't cease raining*.

Составное глагольное модальное сказуемое может быть выражено модальным глаголом в сочетании с инфинитивом, где модальный глагол представляет, так называемую, служебную часть и выражает отношение к действию. Действие может быть необходимым, предполагаемым, вероятным, вынужденным т. д. Инфинитив является основной формой выражения предикации в предложении, он выражает временное и видовое отношение к действию. Например, в предложении *Before therefore the Russians can invade us from this quarter* [6] модальный глагол выражает возможное действие, а инфинитив выражает отношение к не перфектному времени недлительного вида. Или в предложении ... *a young officer in uniform might have been observed at prayer in a quiet corner of the new Orthodox cathedral* [6] модальный глагол выражает вероятность действия, а инфинитив – свершившееся действие недлительного вида в пассивном залоге.

Так же сказуемое может выражаться глаголом в модальном значении в действительном залоге в сочетании с инфинитивом, например, *I didn't intend to tell it to you* [5]. В этой разновидности сказуемого может употребляться и герундий, например, *I wish most of all being there*.

Далее – глаголом с модальным значением в страдательном залоге в сочетании с инфинитивом, например, ... *while others were made to erect their siege engines under heavy fire* [6] и глаголами *seem* и *appear*, не имеющими залогового значения. Например, *Curiously, Kinneir seems not to have seen the crossing of Afganistan...* [6] В последнем случае так же может использоваться герундий, например, *He seemed having been there long*.

В данных примерах формы глагола сами по себе не выражают действие, а лишь указывают на отношение лица к действию.

Составное именное глагольное модальное сказуемое, выражаемое субъектным инфинитивом, примыкающим к составному именному сказуемому с предикативным членом, выраженным прилагательным или наречием встречается в личных и безличных предложениях. Например, *I am bound to state that she never told me he was good-looking* [5].

Рассмотрим формы глагола, выполняющие функцию главных членов предложения в русском языке. Подлежащим может быть часть речи, которая может субстантивироваться. А, значит, в качестве подлежащего, наряду с другими частями речи, может выступать инфинитив, при этом сохраняющий значение действия и не имеющий определения. Например, *Ночевать под открытым небом в дождливую погоду не так уж приятно* [7]. Функцию подлежащего в предложении может выполнять и причастие, совмещающее в себе функции глагола и прилагательного. Например, *Плавающие мерзли в ледяной воде*. Таким образом, в русском языке из форм глагола в функции подлежащего может выступать инфинитив, как и в английском языке, и причастие, не выступающее в этой функции в английском языке.

Сказуемое в русском языке так же считается грамматическим центром. В русском языке существуют несколько типов сказуемого. Это простое глагольное сказуемое, выражающее значение действия, признака, состояния, качества и т. д. Все эти значения выражаются глаголом в нужном времени, признаке, состоянии и лице. Например, *Ты все еще валяешься в постели, ленивый чертенок!* [7].

Простое глагольное сказуемое может быть выражено инфинитивом: *И царица хохотать, и плечами пожимать*; также глагольными междометиями и некоторыми формами повелительного наклонения: *Тут рыцарь прыг в седло и бросил поводя; Вот и урони она табакерку* [2, 96].

Следующий тип сказуемого это осложненное глагольное сказуемое, когда сказуемое выражено двумя глаголами, один из которых неполноценен: *Братъ беретъ, а на место не кладете*. К простому осложненному типу сказуемого относятся глагольные сочетания, объединенные одним значением: *бить баклуши, точить лясы* [2, 96].

Фразеологизированные глагольные сочетания так же выполняют функцию простого осложненного глагольного сказуемого. Например, *Ветер продолжал дуть в том же направлении, и не успели мы доехать до конца улицы, как наш рысак уже несся во весь опор...*[7].

Еще одним видом сказуемого в русском языке является составное глагольное сказуемое, выраженное личной формой глагола и инфинитивом. Обычно это фазовые и модальные глаголы. Например, *И он, видите ли желает заполнить собой всю лодку* [7].

Следующим видом сказуемого, интересующего нас, является смешанное сказуемое, состоящее из глаголов и имен. Например, *... так что мы спросили, не можем ли мы быть ему еще чем-нибудь полезными...*[7].

Мы не должны допускать, чтобы чувство справедливости вырождалось в примитивную мстительность [7].

Рассмотрим, могут ли формы глагола выступать в роли подлежащего в кыргызском языке. Подлежащее в кыргызском языке – это главный член предложения, который не зависит от других членов предложения. Подлежащее согласуется с глаголом в лице и числе. Так же как и в английском языке подлежащее может быть выражено одним словом или группой слов. В кыргызском языке подлежащее делится на простое и сложное.

Простое подлежащее не выражается глагольными формами, видимо, потому, что все-таки глагол, прежде всего, представляет собой процесс, а подлежащее должно иметь способность субстантивироваться.

Сложное подлежащее в кыргызском языке может выражаться не только существительным, но и инфинитивом. В кыргызском языке нет единого инфинитива, и чаще всего используется форма повелительного наклонения, но на русский язык она переводится инфинитивом. Форма повелительного наклонения выступает в значении подлежащего и отвечает на вопрос *Что?*, например: *Баш болуу-оңой, баштап кетүү-кыйын* (посл.). Или *Анатыйды байлап-танып салуу эч киминин оюна келбейт* [9, 303].

В кыргызском языке существуют специфичные словосочетания, которые можно спутать с формами глагола, выступающими в функции подлежащего. Эти словосочетания составляют сложное подлежащее. Есть два вида таких словосочетаний. К первому виду относятся такие словосочетания, в составе которых на первый взгляд одно слово кажется подлежащим, а другое сказуемым. Но анализ показывает, что такие словосочетания не образуют предикативной связи, и, следовательно, не могут передать законченную мысль. Последнее слово в таких словосочетаниях состоит обычно из причастий, из слов *бар, жок*, некоторых прилагательных и наречий [3, 258]. Например: *Билими күчтүү миңди жыгат, билеги күчтүү-бирди жыгат* (посл.). *Ары жок-кулкүчү, санаасы жок-уйкучу* (посл.).

Ко второму виду относятся такие словосочетания, в которых последнее слово является причастием. Словосочетание с такой структурой выполняет функцию сложного подлежащего [3, 258]. Например: *Ат сыйлаган жөө баспас, эр сыйлаган эшикте калбас* (посл.). *Башы оорубастын башка менен иши жок* (посл.).

Таким образом, в функции подлежащего в кыргызском языке может выступать форма повелительного наклонения глагола. Сказуемое выражает действие, признаки, состояние, количество подлежащего. Сказуемое в кыргызском языке, в зависимости от того, функцию какой части речи оно выполняет, делится на два вида. Это простое глагольное сказуемое, выраженное глаголом во всех временах и наклонениях и именное сказуемое. Так же сказуемое может быть выражено одним словом или группой слов. В зависимости от этого оно подразделяется на простое и составное сказуемое. Простое сказуемое состоит из одного слова. В функции простого сказуемого выступают следующие части речи [3, 259]. Это простые глаголы с различным временным значением. Например: *Бир кун өткөн соң Эдигей эми жүргүнчү болуп Кумбел станциясында жүрдү* (өткөн чак) [8, 277]. *Чайдын ысыгын сезбеди* (өткөн чак) [8, 245].

Это простые глаголы в различных наклонениях, например: *Эдин баарын ойгот* (буйрук ыңгай) [8, 10].

Простые глаголы в различных залогах, например: *Жагдай ушинтип тетири айланды* (өздүк мамиле) [8, 228].

Простое сказуемое также выражается простым прилагательным. *Анын өмгөгү күчтүү, арышы адымдуу* [8, 229]. *Аба ырай жакшы* [8, 296].

Простое сказуемое выражается простым существительным, например: *Султанмурат+Мырзагүл-эки ашык* [9, 205].

Сказуемое выражается простыми местоимениями, например, *Айтар сөзүм ушул* [8, 262]. *Кечетен бери кылган ишибиз ошол* [8, 215].

Простое сказуемое выражается простыми числительными, например: *Тоодогу малды тойдурган- экөө* [9, 395].

Простое сказуемое выражается простыми наречиями, например: *Андай жаман сөздөрдү сүйлөгөндөн Зарипа алыс* [8, 198].

Простое сказуемое выражается с помощью слов *бар, жок*, например: *Бирок жыдабаска чара жок* [9, 396].

Простое сказуемое выражается причастиями, например: *Той болор, тойдун эртеси да болор* (посл.). *Алдырар күнү жаздырар* (посл.).

Деепричастие выполняет функцию сказуемого в придаточном предложении, например: *Дос күйдүрүп айтат, душман сүйдүрүп айтат* (посл.). *Айтмайынча ким билет, ачмайынча ким көрөт* (посл.).

Следующий тип сказуемого в кыргызском языке это составное сказуемое, т. е. сочетание нескольких слов, состоящих в неразрывном единстве и выполняющих функцию сказуемого. Составное сказуемое выражается с помощью сочетания слов с полным значением и частиц, таких как *бейм, өтө* и т.д., например: *Бул кишини айылда өтө сыйлашат* [8, 226]. Сочетание слов с полным значением и модальных слов, таких как *керек, тийиш* [3, 261], например: *Алиги Коспан деген сен болсоң керек* [8, 231]. *Эрлепес эртең жумушка барууга тийиш* [8, 228]. Сочетание слов с полным значением и служебных слов, таких как *экен, эмес, эле*, например: *Чоң жүрүш керек болуп калган белем* [8, 226].

Таким образом, мы показываем, что глагол является полнозначной частью речи в трех упомянутых языках и представляет огромный интерес для дальнейшего изучения.

1. Валгина Н.С. Современный русский язык. - М., 2003.
2. Жигадло В.Н. Современный английский язык. - М., 1956.
3. Абдулдаев Э., Давлетов С., Иманов А., Турсунов А. Кыргыз тили, - Фрунзе, 1986.
4. Chevalier T. "Girl with a pearl earring", USA, 1999.
5. Wild O. "Picture of Dorian Gray", 2000.
6. Hopkirk P. "The great game", Gr. Br., 1990.
7. Дж. Клапка Дж. Трое в одной лодке, не считая собаки. - М., 1979.
8. Айтматов Ч.Т. Кылым карытаар бир күн. - Фрунзе, 1983.
9. Айтматов Ч.Т. Эрте келген турналар. - Бишкек, 1999.

Түйүн

Макалада ағылшын, орыс және кыргыз тилдерінің мысалында әр түрлі тилдерде сөйлемнің қандай тұрлаулы мүшелері етістік формаларында қолданылатындығы қарастырылған.

Summary

The article regards in functions of what main members of the sentence verbal forms are used in different languages on the example of the English, Russian and Kirghiz languages.

**СКВОЗЬ ПРИЗМУ ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНОСТИ: СПОСОБЫ ВЫРАЖЕНИЯ
АВТОРСКОГО КРЕДО В РОМАНЕ Е.АЙПИНА «БОЖЬЯ МАТЕРЬ В КРОВАВЫХ
СНЕГАХ»**

И.М.Куликова -

Сургутский государственный университет, г.Сургут

Процесс интеграции отдельных культур в единую мировую культуру на основе развития экономических связей и средств коммуникации, обозначаемый понятием глобализации, приводит к стремительному расширению культурных контактов и обмена, заимствованию культурных ценностей, стиранию граней между «своим» и «чужим», восприятию «чужого» как «своего». Созданию этого способствуют и различные способы интертекстуальности, под которой мы понимаем диалог между текстами разных культур и своеобразный способ включения в литературную традицию и одновременно ее переосмысление.

Роман хантыйского прозаика Е.Айпина рассказывает о событиях Казымского восстания хантов в 1933-1934 гг., недовольных налогами со стороны советской власти и небрежным отношением к их святыням. Произведение построено на противопоставлении двух миров: царства хаоса, дисгармонии, абсурда (мира большевиков) и царства гармонии, целостности, красоты (мира этнического). Мир большевиков вторгается в жизнь хантов и разрушает вековые устои. Для отражения несовместимости двух миров писатель применяет ряд приемов: многоуровневую организацию текста, прием мистификации, псевдофакто-графичность, резкий контраст, уничтожение грани между фактом и вымыслом, вводит публицистическую струю.

Е.Айпин активно пользуется аллюзиями и реминисценциями, лежащими в основе интертекстуальности. Прежде всего устанавливается связь с известным произведением А.Блока – поэмой «Двенадцать» и другими текстами, передающими революцию в «метельном облике» (в первую очередь романом Б.Пильняка «Голый год»). Однако сразу же видно и различие, даже спор с ними: Иисус у Блока находится среди белого снега – вьюги, у Пильняка революция изображена как «пурговая плоть», «бунт метели», а Богоматерь хантыйского писателя – в кровавых снегах. И здесь возникают новые аллюзии, уже с произведениями, имеющими в названиях слово «кровь» - романом А.Веселого «Россия, кровью умытая», сборником его рассказов «Горькая кровь» и другими произведениями, где показан разгул необузданных инстинктов, даны «хмельно пахнущие кровью» сцены (И.Бабель «Конармия», А.Веселый «Реки огненные», Ф.Гладков «Огненный конь», В.Зазубрин «Два мира», Е.Замятин «Мы», Вс.Иванов «Партизанские повести», Н.Никитин «Рвотный фронт», В.Шишков «Ватага», М.Шолохов «Донские рассказы» и др.).

Романная фабула у Е.Айпина выстроена на резком контрасте: с приходом красных «все пошло вперекос, будто течение жизни повернулось в другую сторону», «красные черным огнем пронесли по становью». Поведение пришельцев абсурдно (Главарь требует прекратить плач грудного ребенка и др.), кощунственно (красные осквернили святое место) и предельно жестоко (они устроили кровавую расправу над мирными жителями становья). Сквозным мотивом становится противопоставление «красного» и «белого» цветов. Частое употребление слова «красный», соотносимое с понятиями «кровь, смерть», противостоит понятию «белый», не менее часто встречающемуся в тексте. «Белый цвет – это цвет жизни у остяков», - говорит Матерь. В роман включен вставной эпизод – рассказ о белых одеждах природы. Для усиления отвержения происходящего автор вводит собственные откровенно публицистические рассуждения о братоубийственной войне, которые он вкладывает в речи одного из персонажей – Белого, фигура которого вводится как антитеза «красным». С этой же целью в тексте сознательно переплетены факт и вымысел (объяснение причины восстания остяков, способы расправы с восставшими, введение архивных документов).

В 1927 г. А.Толстой резко отзывался о некоторых тенденциях молодой советской литературы, которая останавливает свое внимание на «багровых пятнах» и «вздутых жилах», заслоняющих «лицо» революции. В.Зазубрин в своем анализе прозы журнала «Сибирские огни» отмечал, что «кровь густо пропитала весь художественный отдел». Критик К.Локс определял метод современной ему прозы как «натур-реализм» или «анекдотическую фантастику», среди основных черт которого он называл «утрату, разложение сюжета и сплошное заливание отдельного человека хаосом сломанного быта», «хаотическую смену впечатлений», «реальное, граничащее с фантастикой», «натуралистическую изобразительность, неумело справляющуюся с деталями» (1). В романе Е.Айпина натурализм (с использованием приема гиперболы) проявляет себя при создании образов тех, кто представляет советскую власть: они «пахнут кровью», у них

специально выделанные листовничные дубины, чтобы вырывать «из тела наказуемого куски живого мяса»; у них в плену «в их застенках замучены, забиты, живо заморожены, сожжены, растерзаны на части» многие остяки. Ассоциативный ряд здесь дополняется намеками на застенки гестапо, ГУЛаги, фашистские концлагери, историю генерала Карбышева и т.п. Исследователи увидели связь с традициями «Слова о полку Игореве» в описании «кровавого пира красных» (2, с.114).

Реминисценции с романом Б.Пильняка прочитываются и в других случаях. Лучший критик 20-х гг. А.Воронский отмечал, что в «Голом годе» «люди у него похожи на зверей, звери, как люди» (3). В романе два полюса: метели, избяная Россия, хаос, волки, люди как волки – и «кожаные куртки», машины, рационалистически бездушная революция. Метонимия «кожаные куртки» была введена в литературу именно Пильняком. Образ большевика у него строится только на основе внешних признаков, без попыток отразить индивидуальные черты. Нет психологической разработки «каменно-торжественного» образа командира в повести А.Малышкина «Падение Даира». Этот принцип был использован и А.Серафимовичем в его «Железном потоке» при создании образа Кожуха. Такие герои (по образному выражению А.Воронского - «деревянные кавалеристы»; по определению А.Лежнева - «аляповато-упрощенный образ большевика») были у И.Эренбурга, К.Федина, Л.Леонова, Ю.Либединского, и др. Такого героя пропагандировал ЛЕФ: «человек революции – это собранный для удара человек», это «материал» и «орудие» революции; всякий другой человек – это только «сырье» (4).

Этот вульгарно-социологический подход в трактовке образа революционера был преодолен советской литературой. Но Айпин обращается именно к этому пласту художественного процесса 20-х гг. и пародийно обыгрывает его, утрируя образ большевика. Красные обрисованы откровенно неприязненно, даже шаржированно. Им свойственны такие черты, как вседозволенность, безнаказанность, жестокость, бессовестность, ненависть, трусость, нечистоплотность. Кроме того, Айпин как бы «переворачивает» Пильняка: это большевики подобны зверям («существа страшнее зверя», «нелюди»). Командира большевиков называют Вожаком (ассоциация со стаей волков) или Главарем (ассоциация с бандитской группой). При их характеристике используется соответствующая лексика: «взревел», «злбно прохрипел», «налившиеся кровью глаза», «мертвые, без всякого выражения» глаза; они «смачно» жуют и глотают куски мяса; помощник главаря «лает» по-собачьи; в их речи нередко бранная лексика. Эти персонажи напоминают хантыйских сказочных звероподобных и злобных существ – менквов, а их «трапеза» напоминает сон Татьяны Лариной. В противовес им звери, животные изображены умеющими помогать попавшим в беду, переживать подобно людям. Для этого в текст вводятся вставные, близкие к законченной новелле, эпизоды: анималистическая новелла о псе Пойтэке, который тащит последнего сына Матери, Савву, к людям; история волчицы, чья трагическая судьба напоминает судьбу человеческой Матери (обе матери теряют своих детей) и во многом соотносима с историей волчицы-матери, описанной в «Плахе» Ч.Айтматова.

Возникают ассоциации и с произведениями, разрабатывавшими крестьянскую тематику (М.Волков, Л.Леонов, А.Неверов, С.Подъячев, Л.Сейфуллина и др.), где было показано пробуждение деревни, был дан облик крестьянской массы, ее умонастроения, стихийные порывы, многоголосие различных взглядов, выведены образы рядовых крестьян и их вождей. На этом фоне особенно выделяются произведения Л.Сейфуллиной, и прежде всего «Виринея», в которой главной героиней была женщина и где процессы стихийных социальных движений раскрывались через внутренний мир крестьянки. Айпин решает проблему пробуждения национального сознания на другом (своем родном) материале; у него другие идеологические аспекты (не против кулаков, а ЗА них; не К революции, а ОТ нее). За исключением исходных ценностей, героини похожи. В романе показан рост личностного потенциала героини, постепенное увеличение степени аналитичности в осмыслении событий. Осуществляется это с помощью совмещения художественных элементов фольклорной традиции (организация ритма, форма вопросов-ответов, повторы определений, синтаксический параллелизм, анафора, эпифора) с письменной культурой (вкрапливание в ткань произведения наплывов воспоминаний о прошлом и снов героини, воображаемых ею картин будущего, элементов гротеска, описание исключительного события, исследование композиционного приема рассказа в рассказе). Анализируя образ Матери, исследователи уподобляют ее Ярославне, когда та обращается к Солнцу, Небу и Месяцу; отмечают ассоциативную близость с образом Андрея Болконского, смотрящего в небо Аустерлица (хотя смысл здесь иной); выявляют переклички с «ползущими» героями Б.Полевого («Повесть о настоящем человеке») и Ю.Рытхэу («Айвангу», «Вэкэт и Агнес»): в конце произведения перед читателем предстает ползущая с покалечен.ногами женщина, «вперед, только вперед», чтобы спасти своего ребенка (2, с.121).

Безусловно, роман Е.Айпина вызывает в памяти незаконченный роман Ч. Айтматова «Богородица в снегах». Оба произведения создавались в одно время, и возможно наличие творческого спора двух писателей, что нашло отражение уже в самих названиях. В обоих произведениях дана история особо чтимых икон (у Айтматова - икона Богородицы в Риме, по значению равная иконе Казанской Божьей Матери; у Айпина - икона в остячком чуме, которая мироточит и не утрачивает магической силы даже после того, как в нее попадает «красная пуля», предназначенная для человеческой Матери).

«Богоматерь в снегах» отсылает читателя, знакомого с хантыйской литературой, к повести Т.Молдановой «В гнездышке одиноком», где впервые затронута тема казымских событий. Несмотря на то, что Е.Айпина больше интересуют причины восстания, а книга Т.Молдановой повествует о его последствиях, сказавшихся в судьбе героини Анны, тем не менее переклички налицо. В обеих книгах главными героинями стали женщины-матери, и внимание авторов сосредоточено на показе их трагической участи, описании их семейных «гнездышек», постепенной потере детей и родственников.

В этом аспекте роман Е.Айпина соотносим и с повестью В.Закруткина «Матерь Человеческая», хотя изображены разные по времени и смыслу события. Здесь есть общая идея - идея Матери, Матери и детей. Мария – мать В.Закруткина собирает вокруг себя все живое - не только детей, но и животных (собака Дружок), спасая их от уничтожения, помогая выжить в невероятных условиях. Образ ее вырастает до символа Матери Человеческой, Матери всех людей и приобретает черты Богоматери, Богородицы Марии. У Айпина героиня изначально несет в себе черты символические: она Матерь Детей. Она подобна лику Божьей Матери на иконе, особенно когда кормит младенца. Уподобление образу Богоматери продолжено и в картине возможного будущего, представленного Матерью: ей видится собственная фигура, заколдованная и заговоренная от красных пуль и смерти. Только в 8 главе называется ее имя: Вера Саввишна. Даже история волчицы, данная параллельно истории Матери, подчеркивает предельную обобщенность образа (обе теряют детей, обе становятся «ползущими»). В отличие от героини В.Закруткина, Матерь у Айпина, собрав все живое вокруг себя, постепенно теряет всех, пройдя несколько кругов ада (снова отсылка – теперь к А.Солженицыну, а может быть и к Данте): детей, мужей, отца, вожака-оленья, рыжего пса - и становится Матерью Дитя, которой помогает спасти единственного оставшегося в живых сына собака Пойтек. В отличие от В.Закруткина, у Айпина дано «обратное движение», он сосредоточен на показе потери всего живого.

Много пересечений в романе хантыйского прозаика с так называемой «деревенской прозой» и предшествующей ей литературой 50 – нач. 60-х гг. (Е.Мальцев, «Войди в каждый дом»; В.Солоухин, «Владимирские проселки» и «Капля росы»; А.Солженицын, «Матренин двор», В.Тендряков, «Не ко двору» и др.). Деревенщиков в свое время обвиняли в идеализации народной жизни и крестьянского характера. На деле это была поэтизация крестьянского мира, вызванная стремлением показать ту красоту и те вечные ценности, которые сохранила крестьянская среда и которые гибли в недрах НТР. Перекличка с «деревенщиками» наблюдается по многим параметрам: и в общем характере проблематики (обращение к жизни народа в переломные эпохи; интерес к социально-психологическим изменениям в народном сознании, углубление психо - логизма), и в основном пафосе (утверждение духовных ценностей, выработанных народом на протяжении веков), и в своеобразии историзма (единство истории и современности, взгляд на историю с позиций опыта сегодняшнего времени, сопричастность с историей отдельного героя), и в представлении о времени как преемственности в цепи поколений, и в появлении героя, духовно связанного с историей, этическими и эстетическими традициями своего народа («лучшего человека»), и в утверждении идеи гармонии мира и человека как центрального понятия этой прозы, и в стремлении к философскому осмыслению мира, и в наличии общих стилевых признаков (создание образа на пересечении различных временных координат, обращение к символике мифов, легенд, сказок, использование образов-символов, своеобразный полифонизм, наличие основного этического голоса, выражающего коллективное мнение; и в желании документально запечатлеть черты уходящего уклада, как это сделал В.Белов в книге «Лад: Очерки о народной эстетике»). Поэтизация мира хантов составляет сильную сторону романа. Лучшие страницы отведены истории Югорской земли (вставной рассказ в 14 главе), описанию черт народного характера хантов (исконная человечность, сострадание, доброта, миролюбие), обрядам и обычаям, приметам и запретам, нравам и верованиям (причудливое соединение христианства и язычества), особенностям миропонимания и мироотношения, эстетическим представлениям. Много внимания уделено народной материальной культуре, которая тоже поэтизируется Айпиным (раскраска обуви, украшения, орнаменты на одеждах – «заячьи ушки», «ветка березы», «спинка

соболя на две стороны»), вызывая явные ассоциации с книгой Т.Молдановой «Орнамент хантов Казымского Приобья».

Безусловно наличие и фольклорных реминисценций. Образ Матери уподоблен птице Каре из народной сказки (история птицы подсказывает героине ранить свою грудь и накормить младенца). Образ Белого вызывает ассоциации с героями фольклора – и хантыйского (не зря введены легенды о богатыре Мадур Вазе и богатыре-шамане Танье) и русского (сказочный герой, который в огне не горит, в воде не тонет). Идеализация в обрисовке образа, его недостаточная реалистичность, даже некоторая «плакатность», его мировоззрение, переданное автором оголенно публицистически, уже были подмечены критикой (2, с.114-115). Образ этот важен для автора, поскольку через него в первую очередь воплощается одна из постмодернистских парадигм - особая структура образа автора («авторской маски»), проблема точек зрения и субъектно-объектных отношений в тексте.

Реминисцентный ряд в отношении романа Е.Айпина не замыкается на лите- ратурных текстах. Отдельные эпизоды и сцены произведения отсылают читателя к их зрительному восприятию, выявляя аналогии с произведениями живописи и киноискусства. В качестве примера можно привести эпизод стрельбы Матери и ее сына по аэроплану, который сбрасывал бомбы на мирные становища хантов. Автор подробно рисует подготовку Романа и женщины к стрельбе, дает детальное описание избранной посреди дороги позы, самолет в дыму, улетающий к горизонту, где должен рухнуть вниз, и изображение мертвого сына, лежащего на малице. Сразу же возникают ассоциации с подобными сценами во многих советских фильмах о Великой Отечественной войне, с картиной Пластова «Фашист пролетел». В этих случаях мы сталкиваемся уже с тем явлением, которое определяется как интермедальность, понимаемая в узком смысле, то есть как особый тип внутритекстовых взаимосвязей в произведении, основанный на взаимодействии художественных кодов разных видов искусства (Тиш., с.153).

Так интерес к другим культурным парадигмам, использование разных способов и форм литературной интертекстуальности (манипулирование текстами прошлых времен, их иронический пересмотр, цитирование, стилизация, пародирование, реминисценции и пр.) позволило хантыйскому прозаику ярче выразить собственные ценности, осмыслить вечные проблемы в новом философско-художественном контексте.

1. Толстой А.Н. *Собр.соч., т.10, 1961, с.87; Зазубрин В.Я. Литературная пушнина. - Литературное наследство Сибири. - Новосибирск, 1972. -Т.2. - С.215; Локс К. Современная проза.// Печать и революция. -1923. - № 5. - С.84-85.*

2. Роговер Е., Нестерова С. *Творчество Еремея Айпина - Ханты-Мансийск: Полиграфист, 2007. .Воронский А.К. Литературные силуэты. // Красная новь. – 1922. - № 4. - С.253.*

4. Чужак Н. *Вместо заключительного слова: О новом, о живом, о гармоническом.// Новый ЛЕФ. - 1928. - № 4. - С.17.*

5. Тишунина Н.В. *Методология интермедального анализа в свете междисциплинарных исследований //Методология гуманитарного знания в перспек- тиве XXI века: Материалы Международной научной конференции - СПб., 2001.- С.149-153 (328с.).*

Түйін

Бұл мақала Е.Айпиннің «Божья мать в кровавых снегах» деген романы материалы негізінде шешілген интерконтекстілік мәселелеріне арналған.

Summary

The author of this article analyses the novel of the famous writer E Aipin from the view of style the postmodernism.

СЛЕНГ КАК ДИНАМИЧЕСКАЯ СИСТЕМА

Л.В.Эглит -

к.филол.н., доцент КазНПУ им. Абая

Динамические процессы в языке и в социуме – вечная проблема, привлекающая внимание специалистов различных областей знания, в том числе и представителей лингвоинтенсивных профессий. В русле данных актуальных проблем находятся исследования социально-детерминированных форм речи, в том числе сленга как одной из разновидностей социального диалекта, характеризующегося постоянной динамикой, а в отдельные периоды коренных социальных изменений лавинообразным пополнением словаря, который изменяется не только количественно, но и качественно в соответствии с потребностями выражаемой информации и нуждами коммуникации.

Сленг – это своеобразная адаптация человека, прежде всего молодого, к динамике современной жизни, к постоянно меняющимся условиям и требованиям, которые присущи времени кардинальных перемен в жизни социума. Причины возникновения сленгизмов различны, но непременно связаны с экстралингвистическими факторами. В ряде случаев они отражают потребность молодых людей выразить своё мнение на изменение социальной роли той или иной реалии в меняющемся обществе.

Например, когда в арсенале правоохранительных органов появляется резиновая дубинка, с помощью которой отстаиваются моральные устои общества, вбиваются правила поведения в общественных местах, воспитываются незаконопослушные члены социума, молодёжь весьма оперативно реагирует на данную социальную инновацию: за небольшой отрезок времени у словосочетания полицейская дубинка появилось сразу несколько коннотативных дублёров, сформировавших синонимический ряд, который представлен следующими наименованиями: дубок, Наташка, Татьяна, демократизатор, гуманизатор, анальгин. Его компоненты вместили в себя негативное, иронически-язвительное отношение молодых людей к данному факту демократии в форме слов-образов, слов-оценок. Некорректные действия отдельных представителей современных СМИ вызвали в обществе высокий накал негодующих эмоций, который привёл к появлению в словаре сленга мотива журналиста, на сегодняшний день активно функционирующего не только в сленге, но и в общем жаргоне, что свидетельствует о постоянных миграционных процессах в разных референтных группах. Не нуждаются в комментариях и такие сленгизмы-пародии, как врунок, матюгальник – ‘радио’, бизнесмент – ‘милиционер, берущий взятки’ и т.п.

Очевидно, что реакция молодого поколения на негативные явления в жизни общества выражается не путём широко развёрнутых дискуссий и общественных судов, а с помощью хлёсткого, обличающего слова-приговора, приковывающего внимание своей экстравагантной формой, в отдельных случаях диссонансом значимых частей, эксплицитными ассоциациями с известными языковыми моделями. Дав оценку реалии, «аполитичная», по мнению отдельных членов общества, молодёжь «пропустила» её через себя, без прикрас, но весьма красноречиво выразив, тем самым, свою общественную позицию. Поэтому, на наш взгляд, обвинять часть молодёжи в отстранённости от экономической, политической и других сфер жизни общества голословно, лучше беспристрастно исследовать словарь сленга, скрупулёзно фиксирующего этапы социального развития и как в зеркале отражающего его плюсы и минусы.

Таким образом, сленг – это отражение логичности мысли молодого поколения, которая предполагает верность отражения фактов действительности и их связей, он всегда соответствует темпу и условиям современной жизни. Речевые структуры соотносятся с определёнными предметами, явлениями, событиями окружающего человека мира: речь оказывается своеобразной знаковой моделью тех или иных «кусочков» или «узлов» жизни /1/. Если же реалия уникальна, то её возникновение знаменуется «лексическим бумом» и это характерно как для узуса, так и для субстандарта. Так, возникновение в середине XX века английской рок-группы «Битлз» произвело фурор в мире музыки, привело к появлению миллионов битломанов, которые подорожали не только музыкальной манере ливерпульской четвёрки, но и их внешнему виду. С того времени и по сей день количество поклонников легендарной группы не уменьшилось, а, наоборот, постоянно увеличивается, хотя прошло почти 50 лет с момента их воцарения на музыкальном Олимпе. Естественно, что сленг не остался в стороне от этого музыкального феномена: десятки сленгизмов возникли на базе онима «Beatles». Прежде всего в результате усечения конечного звука производящей основы было создано слово битл – ‘музыкант рок-группы «Битлз»’, четвёрку называли битлами (традиционное для сленга образование от заимствованного слова формы

множественного числа с помощью русской флексии -и). В короткий срок слово стало полисемантом, развил 3 значения, возникшие в результате метонимического переноса наименования: 'музыкант, играющий в рок-группе'; 'юноша с длинными, как у битлов волосами'; 'мужская причёска в стиле «Битлз»'. Затем словообразовательная парадигма пополнилась сленгизмами битловский – 'имеющий прямое или косвенное отношение к рок-группе и к каждому из её участников по отдельности (о дисках, книгах, стиле в музыке, одежде, поведении т.п.)', битловка – 'мужская сорочка'. Позже появились фамильярно-шутливые экспрессивы, например: Битлзховен, так с помощью контаминированного образования в школьном сленге именовался Людвиг Ван Бетховен, битлотека – 1. Библиотека имени В.И. Ленина, которую молодёжь переименовала в Библиотеку имени Леннона (сленгизм возник на основе звукового сходства антропонимов Ленин и Леннон); 2. Станция метро «Библиотека имени В.И. Ленина»; даже медицинский термин бицепс в ходе языковой игры, в дань уважения перед кумирами, был заменён на созвучное с ним слово битлз (Накачать битлзы), которое стало омонимом названию группы. Как видим, на базе оного сформировалось довольно обширное словообразовательное гнездо, заметное место в котором занимают существительные со значением лица, являющиеся синонимами мотивирующего их субстантива битл. Например, агентив битлевич создан по аналогии с фамилиями на -ич, а, быть может, непосредственно связан и с фамилией музыканта, лидера известной российской группы «Машина времени» - Макаревич. Наибольший интерес благодаря своему плану выражения вызывают дериваты битлак, битлюган, битлюк, поскольку в них отражена яркая примета сленга: образовывать производные с положительной семантикой при помощи суффиксов, которые в узусе имеют негативную окраску, тем самым, создавая во всех отношениях «свой», нешаблонный позитивный образ. Данный факт не единичен в сленге, а вызван осознанной оппозицией языковым стандартам на всех уровнях. Антонимия во всех её проявлениях и стилистические приёмы, в основе которых лежит противопоставление, – одна из специфических особенностей сленга. Так, скорая помощь (скорая) в сленге – это 'медленная медицинская помощь', плохие люди – 'сливки общества', человека с плохим голосом здесь не без доли иронии именуют тенор, невысокого – баскетболист, доброумышленник – это никто иной, как злоумышленник. Когда бейбёнок (девушка-подросток), которую в сленге называют также герлэньш или герлэнок, упоминает в разговоре с кентухами лохматого дядьку, это означает, что она имеет в виду лысого парня, вернее, бойца /от английского boy – 'парень'/(Не путать с омонимичным ему в сленге словом боец в значении 'военрук!'), который, может быть, по окончании Кембриджа или Сорбонны, то есть колледжа, пойдёт в армию, а пока колбасится на мерсе педальном, то есть велосипеде или пьёт с кедром ('другом') чай, что на сленге надо понимать как пиво, или играет на балалайке, так в сленге именуют гитару.

В проанализированных выше примерах манифестируется одна из основных функций молодежного жаргона – игровая, а «игровая природа вторичной номинации создаёт особую фамильярность как по отношению к предмету речи, так и к собеседнику»/2/.

В сленгизмах, в подавляющем большинстве являющихся коннотативными дублёрами литературных слов, эксплицирована насмешка над этическими, социальными, а также и языковыми условностями и авторитетами, поскольку в основе сленга лежит особое мировосприятие, выражающееся в неприятии внешнего мира, дискурса власти и противостояние им через осмеяние, а порой и ёрничество. Например, в современной студенческой среде преподавателей кличут уже не препод, как это было в прошлом тысячелетии, а преп, препак, инквизитор, читающего же курс «Философия» - философ (контаминация данного сленгизма со словом кровосос роднит его с предыдущим наименованием-образом - инквизитор). Преподавателя женского пола именуют препОда, если же она обучает филфакеров (студентов филфака), среди которых встречаются филолохи и филолухи, языкознание, то называют её язычница или языкознанка; ассистента преподавателя ласково, по-свойски и в то же время весьма иронично зовут козликом, имея в виду все переносные значения этого слова и присутствие его производящего во фразеологизме-библейзме. Профессор-мужчина – проф, а профессор-женщина, по аналогии с препода, - профа, того и другого, если они, по мнению студентов, являются высококвалифицированными специалистами называют профи (проффи). Это слово употребляется в сленге ещё в двух взаимосвязанных с первым значениях: умный человек и профессионал. Думается, что именно лектора, который не является профессионалом в своём предмете (как профи) студенты нарекли эмотивом матюгальник, этим же словом молодёжь называет и радио, с иронией подчёркивая явное сходство между понятиями. Руководство вуза именуют словом с весьма прозрачной внутренней формой – темнила, эта же эксплицитность семантики отмечается и в другом сленгизме-эмотиве, построенном по той же словообразовательной модели – давила, которым номинируют в сленге любого начальника, шефа, причём, декан – быкан, проректор –

проэректор, ректор – маздай, примечательно, что данное слово употребляется в социолекте и со значением ‘неприятный, вызывающий отрицательные эмоции человек; неприятель, враг’.

Та же самая картина наблюдается и в сленге школьников, где, наряду с такими безобидными и остроумными именованьями учителей, как мистер икс (учитель математики), руслан, точка, точка, запятая (учитель русского языка), чемпион, хип-хоп (учитель физкультуры), самоделкин, мастак (учитель труда); хозяин, чабан, босс, бас, шеф, классман (директор школы), активно употребляются и такие агентивы, как воспитала, педик, указка, спиногорыз, училка, чит (учитель, воспитатель); скрипка, классуха (классный руководитель); шизик и шизичка (учителя физики); шизрук (учитель физкультуры); трудяга, трудила (учитель труда); эмхэчка (учительница МХК), обэжун и обэжучка (учителя ОБЖ); спичка, ингл, тичка, тычур, чича (учительница английского языка); замуч (завуч); дир, дирюга, дирюжка, дирия, дрек, дурик, терминатор (директор школы). Так как учителя тоже люди, но, как полагают их подопечные, не самая лучшая часть народа, лечащая их в казёнках, учагах или гужатниках (‘обучающая их в школах и колледжах’), универсальным среди подобных наименований оказался сленгизм пипел. Это намеренно искажённое английское слово *people* – ‘человек, люди, народ’, именуемое в школьном сленге 1. учителя английского языка; 2. учителя; 3. классного руководителя.

На базе английского слова *people* возник и социолектизм-полисемант пиплы, имеющий восемь значений, в том числе и родители. Отметим, что в поликомпонентном синонимическом ряду, обозначающем ближайших родственников – отца и мать - просьбам, требованиям или приказам которых, по ряду практических соображений вынуждены подчиняться их отпрыски, предпочитающие свободу действий и выбора и всеми способами, в том числе и с помощью стёба и ёрничества, борющиеся за неё, преобладают слова с явно пренебрежительной и уничижительной окраской, недопустимые ни законами этики, ни нормами нравственности, но весьма положительно оцениваемые членами данного микросоциума. Так, наряду с номинациями папики, папаны, мама-папа, фазер-мазер, старцы, соседи, спонсоры, пэрэнты (парэнта, паренты, пэрэнса, пейранты и т.п.), родаки, родики, родяки, марксы в словаре сленга функционируют: антиквариат, батраки, кони, кости, скелеты, черепа, шнурки, пупки. Отца именуют: ба(о)тон, батинок, пупок, череп, пахан, папаратник, парент, фатер, фазе(ё)р, дад, а также хан или батый. Доить самовар можно только в среде сленгоносителей, поскольку там под этим устойчивым оборотом понимают ‘просить у отца деньги’. Наименований матери значительно меньше, но и они, в ряде случаев, шокируют не меньше: череповка, яга, матуха, мазер, мутер, мамик, ханочка.

Приведённые примеры являются яркой иллюстрацией того, что этическими последствиями чрезмерной экспрессивности и свободы от нормы в социально-детерминированных формах речи, в том числе и в сленге, являются её аффектация, эпотажность, неумеренная речевая агрессия.

У отдельной части молодёжи (акцентируем внимание на слове отдельной!) довольно сложные отношения с представителями закона, в частности с правоохранительными органами. Эта проблема является одной из ряда самых актуальных и обсуждаемых в молодёжной среде, этим и объясняется обилие наименований данной тематики в словаре сленга. Вернее сказать, происходит постоянное вливание новых членов в весьма обширные синонимические ряды, именуемые: а) представителей правоохранительных органов (панам(к)а, сапог, ментоловый, фараон, фуражкин, хвост, кум, бобик, полимер, гудок, гадмэн, чепец, яшка, гиббон (сотрудник ГИБДД), санитары джунглей); б) отделения милиции (аквариум, ментхауз, тузы, хомутская, мусорская, козлятник, легавка, ментовка, мусарня), в) милицейские машины (блондинка, фараонка, бабон, музыка, мелодия) и т.п. Целый ряд подобных сленгизмов-полисемантов, в результате переноса наименования по смежности, входит в несколько синонимических рядов, например: ментура – 1. Милиция, система правоохранительных органов. 2. Отделение милиции. 3. Милиционеры; полис - 1. Милиционер. 2. Отделение милиции; упаковка – 1. Милицейская машина. 2. Пост ГИБДД.

Отметим, если в описанных выше школьных сленгизмах функция оценки присутствует, но не всегда доминирует, то в данных единицах негативная, в подавляющем большинстве, оценка – одна из основных задач номинации. Однако, и те и другие сленгизмы, как показывают исследования, наглядно демонстрируют намерение сленгоносителя снизить социальную значимость людей определённой профессии в глазах собеседника, как правило, принадлежащего к одному с ним микросоциуму, и тем самым повысить свой собственный статус, самоутвердиться, а в ряде случаев - всесильным словом поддержать, укрепить, защитить себя и собратьев.

Речевая мода в области сленга меняется очень быстро, а срок жизни большинства сленгизмов весьма ограничен, они в короткий временной срок теряют первоначальную свежесть и коннотацию новизны, не утрачивая при этом оригинальности, неординарности, красочности. Долговечность употребления сленгизмов зависит от того, насколько прочной окажется

потребность сленгоносителей в этих единицах. От одних избавляются в короткий срок, другие подвергаются разнообразным модификациям, трансформациям – это соответствующие сегодняшней речевой моде “навороты”, которые, как правило, представляют собой новое аффиксальное окружение старой визуальной производящей основы. Примером может служить слово компьютер, в самом начале употребления именуемый молодёжью компом или кампом. В короткий срок, когда получили распространение персональные компьютеры, один за другим появились сленгизмы компик, компук, компутер, компустер, компухтер, компостер, контупер, путер, глюкало и т.п. Интересно, что слово компьютер сегодня активно функционирует в словаре современного сленгоносителя, для которого оргтехника – это часть его самого, но в значении голова, причём оно явно потеснило такие ещё недавно ходовые синонимы, как чердак, бубен, скальп, дом, кегля, хэд, чайник, курятник, абажур. Третьи же – слова-любимцы – передаются по наследству от старшего к младшему или в неизменном виде, или с небольшими изменениями в оттенках значения: кайф, кирной, прикид, хавать, ништяк, классно, отпад, зашибись и другие.

Регулярное появление новых единиц в молодёжной речи можно объяснить психологическими особенностями молодых людей, стремящихся к преобразованию и обновлению окружающего мира. Причиной может быть и характерная для юношеского возраста смена увлечений, желание испытать более острые ощущения, кроме того, сленг – это коллективная игра, а игры со словом – лучшее занятие для молодых и пытливых умов.

1. Васильева А.Н. Основы культуры речи. - М., 1990. – С. 47.

2. Кронгауз М.А. Игровой механизм выбора вторичной номинации//Славянские языки и культуры в современном мире: Международный научный симпозиум. Труды и материалы.- М.:МГУ, 2009. - С. 112.

Түйін

Сленг, динамикалық жүйе бола отырып, сандық мөлшері болып ғана өзгермейді, ол сапалы да өзгереді.

Summary

Slang being a dynamical system is changed both quantitatively and qualitatively.

ЛАКУНЫ КАК ПРОЯВЛЕНИЕ НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНОГО СВОЕОБРАЗИЯ ЯЗЫКОВЫХ СИСТЕМ

А.Д.Маймакова –

к. филол.н., и.о. доцента КазНПУ им. Абая

Изучение языка в тесной связи с человеком, его сознанием, мышлением и духовно-практической деятельностью является характерным для современной лингвистики. На первый план выдвигается исследование языка с учетом языковой личности и языкового коллектива. В этой связи можно отметить все возрастающий интерес к национально-культурному аспекту исследования языка.

Лакуны больше, чем какие-либо другие лингвистические явления, характеризуют национально-культурные особенности того или иного языка, той или иной лексической системы в сравнении с другими.

В семантическом пространстве сопоставляемого языка существует понятие, выраженное словом исследуемого языка, но оно может быть передано лишь сочетанием слов, развернутым описанием, а не отдельным словом. Такие пропуски, пробелы в лексической системе языка называются лакунами (от лат. *lacuna* – углубление, впадина, провал, полость; от франц. *lacune* – пустота, брешь) /1,120; 2,6; 3,58 и др./. Лакуны выявляются только при сопоставлении языков. Ср., например, русские слова *будильник, баранина, горбушка, дворник, дошкольник, отчим, свекровь* представлены лакунами в казахском языке и передаются в нем словосочетаниями: *қоңыраулы сағат, қой еті, нанның шетінен кесілген тілігі, қора тазалаушы, мектеп жасына дейінгі бала, өгей әке, қайын ене*. С другой стороны, лакунами в русском языке являются казахские слова *қазы¹, ысымы, қазақар, нағашы, бөле, баишай*, которые по-русски можно передать только расчлененно: *реберная часть лошади; умеющий обрабатывать копчением шкуру, из которой делают кожаную посуду; владеющий казахским языком и хорошо знающий быт, нравы, обычаи казахов; родственники по линии матери; двоюродный брат, двоюродная сестра по линии матери (только дети родных сестер); пальцы ног.*

Таким образом, лакуны – это пустоты в соответствующих нишах семантического пространства данного языка, появляющиеся в результате отсутствия в нем лексически оформленного понятия, эквивалентного понятию, закрепленному в языковой норме другого языка. Строго говоря, в этом случае мы имеем дело с незаконченностью процесса формирования понятия в данном языке, поскольку, как верно замечает В.И. Жельвис, для нас не безразлично, воспринимается ли понятие как единое целое, или, наоборот, оно воспринимается как нечто расчлененное, состоящее из набора нескольких объединяемых им отдельных /4, 139/.

Возникновение лакун может быть обусловлено рядом причин. Во-первых, появление лакун связано с различием соответствующих культур. Например, в русском языке, кроме слова *каша*₁ ‘сваренное на воде или молоке кушанье из крупы’ /5, II, 42/, имеется несколько однословных обозначений разновидностей этого кушанья: *завариха* ‘овсяная, ячная, пшеничная или ржаная кашка’ /6, I, 558/, *крупеник* ‘кушанье из гречневой каши, запеченной с творогом и яйцами’ /5, II, 138; 6, II, 202/, *кутья*₁ ‘кушанье из риса или другой крупы с медом или изюмом, которое едят на похоронах и на поминках’ /5, II, 156; 6, II, 227/, *тыквенник* ‘каша из разваренной тыквы с крупой’ /5, IV, 432; 6, IV, 447/, *пшеник* ‘крутая каша на молоке и яйцах’ /5, III, 568; 6, III, 546/, *пшенка* (прост.) ‘пшеничная каша’ /5, III, 568/, *размазня* (разг.) ‘жидкая каша’ /5, III, 613; 6, IV, 34/, *овсянка*¹ (разг.) ‘каша из овсяной крупы’ /5, II, 583; 6, II, 641/, *гречка*₃ (разг.) ‘гречневая каша’ /7, II, 256/, *манка* (разг.) ‘каша из манной крупы’ /7, II, 257/, *перловка* (разг.) ‘каша из перловой крупы’ /7, II, 257/ и др. В казахском языке всем этим обозначениям соответствует одно слово – *ботқа* ‘күріш, тары т.б. жармадан бөктіріп жасалатын қою тағам’ /8, II, с.388/ – ‘густое кушанье, сваренное из риса, пшеницы и других круп’. Ср. также однословные обозначения разновидностей бутылок для вина (водки), с вином (с водкой) в русском языке: *бутылка*₂ (прост.) ‘удлиненный, с узким горлышком сосуд с вином или водкой’, *мерзавчик*₂ (прост.) ‘маленькая (около полстакана) бутылочка с водкой’, *пол-литра*₂ (прост.) ‘бутылка водки емкостью 500 куб. см’, *поллитровка* (прост.) ‘то же, что пол-литра’, *пузырек*₃ (прост.) ‘бутылка вина’, *сотка*₃ (устар.) ‘винная посуда (бутылочка или стакан) емкостью в 1/100 часть ведра’, *четвертинка*₂ (разг.) ‘бутылка водки или вина емкостью в четверть литра’, *чекушка* (прост.) ‘то же, что и четвертинка’, *шкалик*₂ (устар.) ‘винная посуда (бутылочка или стаканчик) емкостью в 1/8 штофа’, *штоф*¹₂ (устар.) ‘четырёхгранная бутылка водки, вина емкостью в 1/10 ведра’ /7, II, 346/ и др. Их всех объединяет лексема (слово-понятие) *бутылка*. В казахском языке всем этим словам соответствует заимствованное из русского языка слово *ботелке*, исконно (собственно) казахское *шиша*² ‘сұйық зат құю үшін арнайы жасалған шыны ыдыс; ботелке’ /8, X, 231/ – ‘специальная стеклянная посуда для жидкостей; бутылка’ и диалектное *шөлмек*² ‘сұйық зат құюға арналған шыны ыдыс; ботелке, шиша’ /8, X, 268/ – ‘стеклянная посуда для жидкостей; бутылка, шиша’.

С другой стороны, в казахском языке есть большое количество однословных обозначений разновидностей верблюда: *түйе* ‘бір немесе екі өркешті, күйіс қайтаратын ірі мал’ /8, IX, 317-318/ – ‘одногорбый или двугорбый верблюд’; *нар*¹ ‘жалғыз өркешті, асыл тұқымды ірі түйе’ /8, VII, 320/ – ‘одногорбый крупный верблюд ценной породы’; *аруана* ‘бітеу өркешті, таза тұқымды нар; түйенің ұрғашысы, мая’ /8, I, 351/ – ‘одногорбая верблюдица из лучшей породы верблюдов’; *үлек* ‘аруананың еркегі’ /8, IX, 74/ – ‘самец верблюдицы аруаны’ (одногорбый самец-производитель после четырех лет, которого держат для приплода); *бура* ‘айыр түйенің келеге түсетін еркегі; аталық түйе’ /8, II, 457/ – ‘чистопородный двугорбый верблюд-производитель (начиная с пяти лет)’; *атан* ‘піштірілген, ақталған түйе’ /8, I, 423-424/ – ‘холощенный двугорбый породистый верблюд-самец (свыше пяти лет)’; *атанша* ‘піштірілген жас түйе’ /8, I, 424/ – ‘двугорбый холощенный верблюд (между тремя и пятью годами)’; *қоспақ*¹ ‘айыр түйе мен нарды будандастырудан алынған түйе тұқымы’ /8, VI, 367-368/ – ‘верблюд, полученный от скрещивания двугорбой верблюдицы и нара (одногорбого верблюда)’; *іңген* ‘түйенің ұрғашысы, мая’ /9, II, 525/ – ‘двугорбая породистая верблюдица (пяти и более лет)’; *іңгенше* ‘двугорбая чистопородная верблюдица (с четырех до пяти лет)’; *біртума* ‘үлек пен айыр іңген буданынан болған бірінші ұрпақ’ /8, II, 622/ – ‘верблюд первого поколения, полученный от скрещивания улека (одногорбого верблюда) и двугорбой породистой верблюдицы’; *бек-патша* ‘өркешінің ортасы кезетті түйе’ /10, 133/ – ‘верблюд, у которого середина горба с “ложбинкой” и мн. др. Эти обозначения объединяет слово-понятие *түйе*. В русском языке всем этим словам соответствует *верблюд* (и *верблюдица*).

Во-вторых, возникновение лакун обусловлено особым членением тождественных отрезков реальной действительности разными языковыми коллективами. Об одном и том

же явления реальной действительности у одного народа может быть общее, целостное понятие, не членимое на части и обозначаемое одним словом широкой семантики, в то время как другому народу свойственны более узкие понятия о разновидностях этого явления, его частях, осознаваемых как отдельные феномены и обозначаемых отдельными лексическими единицами. Ср. в русском языке для обозначения лица женского пола от рождения до вступления в брак, наряду со словом *девочка* употребляется и слово *девушка*. В казахском языке этим словам соответствует одно слово *қыз* с нерасчлененной семантикой 'дочь, девочка, девушка'. См. *қыз* '1. әйел бала, сәби, 2. күйеуге тимеген, бойжеткен' /8, VI, 546/ – досл. 'ребенок, младенец женского пола, 2. незамужняя, на выданье, достигшая брачного возраста'. Ср. также: русский язык для обозначения лица мужского пола по отношению к женщине вообще и к своей жене, в частности, использует соответственно слова *мужчина* и *муж*. В казахском языке этим обозначениям соответствует одно слово – *ер*. С другой стороны, в казахском языке по сравнению с русским языком имеется больше однословных обозначений каждой из дочерей в отношении к другим детям этих же родителей: *ана* 'бірге туған қыздардың үлкені, әкпе' /8, I, 289/ – 'старшая сестра', *әкпе* 'туыс жағынан жасы үлкен қыз, әйел' /8, I, 601/ – 'старшая сестра', *сіңлі* 'бірге туған жасы кіші қыздың апасына туыстық қатынасы жағынан аталуы' /8, VIII, 514/ – 'младшая сестра в отношении старшей сестры', *қарындас* 'бірге туған жасы кіші қыздың ағасына туыстық қатынасы жағынан аталуы' /8, VI, 118/ – 'младшая сестра в отношении старшего брата'. В русском языке всем этим словам соответствует слово *сестра*. Ср. также обозначения каждого из сыновей в отношении к другим детям этих же родителей в казахском языке: *аға* 'бірге туған ер адамдардың жасы үлкені' /8, I, 201/ – 'старший брат', *іні*₁ 'бірге туған ер адамдардың жас жағынан кішісі' /8, X, 438-439/ – 'младший брат', *бауыр*₂ 'жасы кіші іні, қарындас' /8, II, 169/ – 'младший брат по отношению к старшей сестре'. В русском языке этим обозначениям соответствует одно слово – *брат*. Для казахского языка в данном случае релевантными оказываются, во-первых, дифференциация по возрасту и, во-вторых, пол лица соотношения.

В рассмотренных примерах несовпадение лексических единиц русского и казахского языков по отраженному в них уровню обобщения действительности выявляет так называемые векторные, родовые-видовые, или гиперонимические-гипонимические лакуны.

Известно, что лексически фиксированные понятия в двух языках по объему далеко не всегда совпадают: часто понятия, находящие лексическое выражение в одном языке, оказываются шире соответствующих понятий другого языка, как бы включают в себя последние, т.е. являются родовыми относительно видовых понятий другого языка.

В.Л.Муравьев /2,14/, пользуясь образным сравнением, уподобляет языки двум наблюдателям, один из которых рассматривает вещь издали, в то время как другой, находясь вблизи нее, различает более мелкие детали.

Б. Харитоновна видовыми (концептуальными) лакунами называет случаи, когда в языке сравнения имеется несколько взаимосвязанных слов, несущих видовые понятия, в то время как в исследуемом языке существует только лексически оформленное родовое понятие, т.е. гипероним /11, 34/. И.А.Стернин считает такое соответствие неадекватным, поскольку оно не передает основных, ядерных дифференциальных сем слов, имея при этом более обобщенное значение, т.е. являясь гиперонимом. Такие лакуны он обозначает как денотативные гипонимические лакуны, которые представляют собой отсутствие гипонимов в исследуемом языке.

Если в языке сравнения имеется гипероним, понятие которого в исследуемом языке лексически не оформлено, а существуют лишь лексически оформленные гипонимы, то такая лакуна, по Б.Харитоновой и И.А.Стернину, называется родовой концептуальной (гиперонимической) лакуной /11; 12, 46/.

Как замечает В.Л.Муравьев, отсутствие в одном из языков общего родового понятия вовсе не свидетельствует об «отсталости», «недоразвитости» одного языка, а также не всегда является пережитком первобытного мышления. Векторные видовые лакуны, будучи тесно связаны с жизнью народа, являются прежде всего признаком значимости тех или иных понятий в той или иной цивилизации /2, 37/.

В-третьих, появление лакун обусловлено тем, что данный язык не обращает внимания на некоторый предмет, явление или процесс, поскольку это для него не важно, в то время как другой язык замечает его и закрепляет в словесном знаке. Ср., например, в казахском языке нет слов, соотношенных по значению с русскими *лакомка*, *сластена*, *однолюб*, *дошкольник*, *старшеклассник*; точно также как в русском языке нет лексических единиц, соответствующих по значению казахским *базаршы*, *малсақ*. Однако это вовсе не

говорит о специфичности данных понятий в русской и казахской культурах. Понятия действительно оказались незамеченными языком – соответственно казахским и русским, но не сознанием носителей данных языков.

Незакрепленность понятия в языковой норме данного языка свидетельствует скорее всего о его коммуникативной нерелевантности для данного языкового социума. Если возникнет коммуникативная потребность в лексической объективации, то данное понятие будет названо. Ср. казахские *‘тәттіге құмар’* (русск. *лакомка, сластена*), *‘мектеп жасына дейінгі бала’* (русск. *дошкольник*), *‘жозарғы класс оқушысы’* (русск. *старшеклассник*); русские *‘отправляющийся на рынок или возвращающийся оттуда’* (каз. *базаршы*), *‘любящий скот; заботящийся о скоте; умеющий выращивать скот’* (каз. *малсақ*).

Лексическая невыраженность некоторого понятия в языке в конечном счете, на наш взгляд, может найти себе культурно-историческое или социальное объяснение. Например, существование слова *малсақ* в казахском языке и отсутствие его словарного эквивалента в русском языке связано с тем, что разведение пастбищного скота было главным занятием казахского народа. Скот составлял его главное богатство, служил источником благополучия, материалом для изготовления одежды и жилища, транспортом, являлся основной пищей. Как пишет Ч.Валиханов, “кочевой степняк ест и пьет, и одевается скотом, для него скот дороже своего спокойствия. Первое приветствие киргиз, как известно, начинается следующей фразой: “Здоров ли твой скот и твое семейство?” Эта забота, о какой наперед семейства осведомляются о скоте, характеризует быт кочевников более, нежели целые страницы описаний” /13, II, 28/.

Для русского народа разведение домашних животных являлось занятием второстепенным (после земледелия). Земля и рожденный ею хлеб – вот главное богатство, источник благополучия и счастья для русского человека. Поэтому у русского народа прежде всего ценилось умение работать на этой земле, заботиться о ней, т.е. качества земледельца, настоящего хозяина на этой земле.

Необходимость создания специального наименования *малсақ* в казахском языке и отсутствие такой необходимости в русском языке, следовательно, может быть объяснена различной степенью общественной значимости скотоводства в хозяйственной деятельности казахского и русского народов.

Рассмотренные выше типы лакун Л.С.Бархударов относит к случайным лакунам /14, 95/, Ю.С.Степанов, Ю.А.Сорокин и И.Ю.Марковина – к абсолютным лакунам /1, 120-121; 15, 38/, В.Л.Муравьев – к абсолютным лингвистическим лакунам /2, 6-7/, И.А.Стернин – к немотивированным лакунам /16, 63/.

Л.С.Бархударов определяет случайные лакуны как единицы словаря одного из языков, которым по каким-то причинам нет соответствий в лексическом составе другого языка /14, 95/. Например, в английском языке нет лексической единицы, соответствующей по значению русскому *сутки*, хотя само это понятие существует в обоих языках. Поэтому его приходится передавать на английский язык описательно: либо как *twenty-four hours* ‘24 часа’, либо как *day and night* ‘день и ночь’.

В.Л.Муравьев так объясняет причину появления в языке абсолютных лакун: «...внеязыковая реальность, окружающая русских и французов, может быть абсолютно идентичной, и все же один язык замечает и лингвистически оформляет те стороны этой действительности, которые другой язык предпочитает не выражать» /2, 7/. Несомненно, среди французов есть люди, которых можно назвать русскими словами *сластена*, *размазня*, *лежебока*, но точных эквивалентов в виде слова или устойчивого словосочетания к этим словам во французском языке не существует.

В.Г.Гак, занимаясь сопоставительной типологией французского и русского языков, не употребляя термина, описывает по сути именно этот тип лакун: «Отсутствие слов для обозначения понятий, которые, несомненно, существуют в данном обществе и которые имеют особое словесное обозначение в другом языке. Классическим примером подобных лакун является отсутствие слов, равнозначных русским *сутки*, *кипяток*» /17, 244/.

Под (лексической) лакуной понимается, таким образом, отсутствие лексической единицы в языке при наличии концепта в концептосфере /18, 39; 19, 13; 20/. По данным А.А.Залевской /21/, когда испытуемых просят вспомнить те или иные слова, предъявляемые им в эксперименте, они часто осуществляют подмену слова на близкие по значению – следовательно, в сознании испытуемых представлен концепт, а к нему уже подбирается подходящее слово. Об этом же пишет Е.М.Верещагин: «Многочисленны свидетельства о том, как трудно подобрать нужное слово для выражения мысли... Субъективно

переживание «мук слова» сводится к тому, что человек обладает «мыслью», для которой не находится слова...» /22, 44/.

Вспоминая забытое слово, мы отчетливо осознаем, представляем ментальный образ (концепт), который нам нужно выразить адекватным словом, и перебираем подходящие слова. Вот как описывает этот процесс американский психолог У.Джеймс: «Допустим, мы пытаемся вспомнить забытое имя. В нашем сознании существует как бы провал... но эта пустота чрезвычайно активна. Если нам в голову приходит неверное слово, эта уникальная пустота немедленно срабатывает, отвергая его». Это значит, что в действительности в нашей памяти имеют место не пустоты, а концепты-образы, которые «ищут» себе форму языкового выражения /Цит. по: 23, 22/. Следовательно, в лексической системе нашего языка есть активные, «живые» провалы, пустоты, впадины, углубления, заполненные скрытыми «заместителями», подстановками значений, некоторыми их «потенциями», облегчающими общение и тесно связанными с человеком, с его национальным, культурным и прочим опытом /24, 6/, т.е. лакуны.

Концепты, не имеющие средств языкового выражения в национальной языковой системе (= лакуны), существуют в национальной концептосфере и обеспечивают мыслительную деятельность в той же степени, что и концепты, названные языковыми знаками национального языка. Эти концепты являются базой мышления личности /25, 21/.

Концепты возникают как результат отражения действительности и зависят в своем содержании от нее, а не от языка, удовлетворяя потребности мышления.

В системе языка номинируется все то, что является в обществе предметом обсуждения, но вовсе не все то, что становится предметом мышления. Заметим, что подавляющее большинство наших мыслей, суждений вовсе не предназначены для сообщения, они обслуживают исключительно сферу мышления.

Таким образом, лакуны являются ярким проявлением своеобразия лексики национальных языковых систем. Существование лакун указывает на наличие в обеих сопоставляемых лингвокультурных общностях соответствующих предметов и связанных с ними понятий, последние, однако, в одном из языковых социумов хранятся на невербальном уровне и не имеют словесного обозначения и только при необходимости могут быть пояснены языком. Исследование лакун, проливающих свет на своеобразие членения сознания-реальности разными языковыми культурами, способствует выявлению семантических и структурных особенностей сопоставляемых языков.

1. Степанов Ю.С. Французская стилистика. – М.: Высшая школа, 1965. – 356 с.

2. Муравьев В.Л. Лексические лакуны (на материале лексики французского и русского языков). – Владимир: ВПИ, 1975 – 97 с.

3. Стернин И.А. и Харитонова Б. Опыт описания национально-культурной специфики слова на материале русского и немецкого языков // Психологические и лингвистические аспекты проблемы языковых контактов. – Калинин: КУ, 1984. – С. 57-67.

4. Жельвис В.И. К вопросу о характере русских и английских лакун // Национально-культурная специфика речевого поведения / А.А.Леонтьев, Ю.А.Сорокин, Е.Ф.Тарасов. – М.: Наука, 1977. – С. 136-146.

5. Словарь русского языка: В 4 т./Под ред. А.П.Евгеньевой. – М.: Русский язык, 1985-1988. – Т.2. – 1986. – 736 с.; Т.3. – 1987. – 752 с.; Т.4. – 1988. – 800 с.

6. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. – М.: Русский язык, 1998. – Т.1. – 699 с.; Т.2. – 779 с.; Т.3. – 555 с.; Т.4. – 688 с.

7. Русский семантический словарь. Толковый словарь, систематизированный по классам слов и значений / Под общей ред. Н.Ю.Шведовой. – М.: Азбуковник, 2000. – Том 2. – 762 с.

8. 10-т. Қазақ тілінің түсіндірме сөздігі / Жалпы ред. бас. А.Ы.Ысқақов. – Алматы: Ғылым, 1974-1986. – 1-т. – 1974. – 696 б.; 2-т. – 1976. – 695 б.; 6-т. – 1982. – 624б.; 7-т. – 1983. – 672 б.; 8-т. – 1985. – 591 б.; 9-т. – 1986. – 560 б.; 10-т. – 1986. – 512 б.

9. Қазақ тілінің түсіндірме сөздігі / Жалпы ред. бас. І.К.Кеңесбаев. – Алматы: Қазақ ССР Ғылым академиясының баспасы, 1961. – 2-т. – 1974. – 535 б.

10. Күйеу келтір, қыз ұзат, тойынды қыл: Әдеби-этногр. талым / Құраст. Б. Әлімқұлов, Е. Әбдіраманов. – Алматы: Санат, 1994. – 240 б.

11. Харитонова Б. Национальная специфика семантики русского слова (на материале существительных лексических полей «Человек», «Быт» и «Народное хозяйство» учебника «Русский язык» для подготовки дипломированных учителей русского языка в ГДР): КД. – Воронеж, 1987.

12. Стернин И.А., Флекенштейн К. *Очерки по контрастивной лексикологии и фразеологии: Учеб. пос.: В 2 частях.* – Halle, 1989. – 120 с.
13. Валиханов Ч.Ч. *Собрание сочинений в пяти томах.* – Алма-Ата: Гл. ред. Казахской советской энциклопедии, 1984-1986. – Т.2. – 1985. – 416 с.
14. Бархударов Л.С. *Язык и перевод: Вопросы общей и частной теории перевода.* – М.: Международные отношения, 1975. – 240 с.
15. Сорокин Ю.А., Марковина И.Ю. *Опыт систематизации лингвистических и культурологических лакун. Методологические и методические аспекты// Лексические единицы и организация структуры литературного текста: Сб. науч. тр./ Отв. ред. В.П.Вомперский.* – Калинин: КГУ, 1982. – С. 35-52.
16. Стернин И.А. *Лексическая лакунарность и национальная специфика мышления // Языковая семантика и образ мира.* – Казань: КУ, 1997. – Кн. 1. – С. 62-64.
17. Гак В.Г. *Сравнительная типология французского и русского языков.* – М.: Просвещение, 1989. – 288 с.
18. Попова З.Д., Стернин И.А. *Очерки по когнитивной лингвистике.* – Воронеж, 2003. – 191 с.
19. Маслова В.А. *Введение в лингвокультурологию.* – М.: Наследие, 1997. – 207 с.
20. Марковина И.Ю. *Лакуны как инструмент описания специфики локальных культур // Проблемы организации речевого общения.* – М.: ИЯ АН СССР, 1981. – С. 161-181.
21. Залевская А.А. *Слово в лексиконе человека: Психолингвистическое исследование.* – Воронеж: ВУ, 1990. – 208 с.
22. Верещагин Е.М. *Слово: соотношение планов содержания и выражения // Вопросы порождения речи и обучения языку / Под ред. А.А.Леонтьева и Т.В.Рябовой.* – М.: МГУ, 1967. – С. 39-75.
23. *Язык и мышление. Программа спецкурса, материалы для самостоятельной работы / Сост. И.А.Стернин.* – Воронеж, 1997. – 28с.
24. Лихачев Д.С. *Концептосфера русского языка // Известия РАН. Сер. лит. и яз.* – Том 52. – № 1. – М., 1993. – С. 3-9.
25. Попова З. Д., Стернин И. А., Чарыкова О. Н. *К разработке концепции языкового образа мира //Язык и национальное сознание: Мат-лы науч.-практ. конф.* – Воронеж, 1998. – С. 21-23.

Түйін

Мақала өзін лингвомәдени феномен тұрғысынан көрсететін лексикалық лакуналарға арналған. Айтылған лакуналардың тілде пайда болу себептері қарастырылады.

Summary

This article is devoted to the lexical gaps, which represent linguo-culturology phenomenon. The causes of the said gaps are considered

О НЕКОТОРЫХ СТИЛЕВЫХ ТЕНДЕНЦИЯХ В СОВРЕМЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЕ ФИННО-УГОРСКИХ НАРОДОВ СИБИРИ

И.М.Куликова -

Сургутский государственный университет, г.Сургут

Процесс интеграции отдельных этнических культур в единую мировую культуру на основе развития экономических связей и средств коммуникации, обозначаемый понятием глобализации, приводит к стремительному расширению культурных контактов и обмена, заимствованию культурных ценностей. Итогом столь резкого возрастания количества прямых контактов между социальными группами и индивидами, представляющими разные культуры, является стирание граней между «своим» и «чужим». С другой стороны, это обусловило культивирование интереса к этнической самобытности, поиск исторических корней, стремление к возрождению и консервации традиционных культур.

Этнические культуры финно-угорских и других, так называемых «малых», народов России выдвигают писателей и художников, творчество которых ориентировано на сохранение традиционных представлений, – Ю. Шесталова, Е. Айпина, Г. Юшкова, Е. Рочева, С. Попова, А. Ванеева, А. Попова, А. Ельцова, М. Федотова, С. Орлова, А. Неркаги и других.

Безусловно, развитие этих культур шло и продолжает идти разными темпами, с

преобладанием в них различных тенденций. Вместе с тем существование их в пределах общего культурного пространства России, культурно-генетическое родство, культурно-исторические связи (например, коми с хантами и манси), а следовательно, сходство мировоззренческих и эстетических установок обусловили и моменты сближения этих культур. Н. Бассель, оспаривший выделение П. Домокошем в литературах финно-угров семи типологических подгрупп, считает, что в отдельные группы должны быть сведены, с одной стороны, - литературы коми и народов Поволжья, а также карельская как «младописьменные» литературы, и с другой стороны – литературы народов Зауралья и саамская как «новописьменные» литературы (1, с.142).

Правильность положений Н.Басселя подтверждается характером развития культур этих народов. До 60-х гг. литература и изобразительное искусство финно-угорских народов Предуралья и Поволжья по форме и содержанию представляли собой достаточно целостное явление, основанное на традициях реалистического направления. Тематика и стилистика работ отражали идеалы эпохи, провозгласившей в качестве основных ценностей героизм и трудовые подвиги. Литературы финно-угорских народов Зауралья (хантыйская, мансийская, а также близкая им в идейно-тематическом и стилистическом отношении ненецкая) находились в процессе становления и развивались очень медленно, с большими паузами. В 60-70-е годы все финно-угорские культуры начали динамично развиваться. Особую известность приобретают представители западносибирских литератур. Венгерский исследователь П. Домокош (6, с.94) увидел причину этого в свежести архаичного мировосприятия писателей, в их обращении к древнейшим пластам фольклора. Эта связь с народным творчеством, опора на него, ориентация на его систему ценностей сохранит свою значимость и в тех произведениях последних лет, которые нередко исследователями будут связываться с новейшими тенденциями художественного развития.

Развитие финно-угорских культур в 60-е–перв.пол.70-х гг. шло преимущественно в русле романтического метода. Романтические тенденции заметно проявились в творчестве Ю.Шесталова, стихах и поэмах Р. Ругина, рассказах Е.Айпина и др. Так, романтический пафос преобразования древней тайги пронизывает произведения Ю.Шесталова. В этот период писатели утверждают возможность гармонии «нового» и «древнего» («Когда качало меня солнце», «Тайна Сорни-най», «Синий ветер каслания», «Языческая поэма»); его герои способны соединить новое («чужое») с традиционным («своим»). В поэме Р.Ругина «Огнедышащий край» воспеты люди, преобразующие суровую землю, разведывающие огромные подземные хранилища природных богатств. Поэзию труда на буровой в будничной обстановке таежного Севера передает и Е.Айпин в рассказе «Старшой» (опубликован в сборнике «Вам, романтики!»). Найти гармонию между «новым» (техническим прогрессом) и «старым» (природой) писатель стремится и в своей первой повести «В ожидании первого снега», опубликованной в конце 70-х гг. В душе главного героя поэтизация буровой и геологов-первооткрывателей побеждает чувство ностальгии по прежнему укладу жизни, тесно связанному с природой; старшее поколение тоже примиряется со случившимся.

Романтические тенденции в творчестве этнических писателей ярче всего проявляются в разработке темы природы, мир которой у них опозитивирован, физически осязаем. Природа у них стоит в центре мира, человек является органичной частью природы. Поэтизация мира природы, естественности и свободы человека в ней стала лейтмотивом творчества П. Салтыкова (сб. «Туесок с моршкочкой»), Р.Ругина (сб. «Туесок песен»), Г.Лазарева (сб. «Рассказы у костра»), М.Шульгина (ст. «Благодарность», «Гайга»), А. Тарханова (сб. «Тропа язычника»), Е. Айпина (пов. «Звезда Утренней Зари», «В ожидании первого снега») и др. Здесь много общего у разных поэтов в системе образов, стилистической манере, в особенностях образной ткани стихов, в характере олицетворений, сравнений, метафор. Природоцентрична, например, поэзия А.Тарханова. Святое дерево для поэта – кедр: «Я у кедров беру себе силы, Отпускаю туман в высоту». Он слышит голос кедра, понимает его: «Голос кедров мудрых, древних Стал тревогою стиха».

Творческая позиция писателей Севера имеет свою особенность. В. Санги пишет: «Истинный северный человек во все времена обращался к природе как к равному, как к собеседнику, другу, как к соучастнику человеческой повседневности» (5, с. 243). Отсюда идет «экологическая нравственность» их произведений, призывающих понимать природу и беречь ее как бесценный дар. «Бери богатства осторожно с края», – советовал предок, который «никогда кедровой шишки ради живой зеленой ветки не ломал» (Р. Ругин).

В 70-е – 80-е годы в литературе и искусстве проявляются новые тенденции, связанные со стремлением к более глубокому, философскому осмыслению действительности. Так, тема познания, восприятия человеком мира и себя через прошлое, традиции, этнические корни, через связь с природой занимает здесь едва ли не главное место. Проблема взаимоотношений человека с природой приобретает нравственно-философский аспект (сборник Р. Ругина «Многодумная Обь»;

новелла «Боли земли» в книге Е. Айпина «У гаснущего очага»; «Языческая поэма» Ю.Шесталова). Осмысление ее теперь тесно связывается с проблемой исторической памяти, «памятью земли», которая заложена в человеке предшествующими поколениями, и рассматривается с точки зрения нравственного долга личности перед биологическим опытом земли и перед будущими поколениями. Хотя писатели уже отошли от мира, в котором человек ощущает себя частью природы, они продолжают остро чувствовать «кровную связь» с землей, их породившей. И разрыв с природой, отрыв от родной земли рассматривается здесь как начало катастрофы и гибели мира. Герой Е. Айпина рассуждает: «Все взаимосвязано. Все держится на одном корне, и корень этот уходит в Землю ... И замахнувшийся на корень прежде всего замахивается на себя и на человечество»; «Не станет Земли – не станет жизни» («У гаснущего очага»). Не случайно автор заканчивает именно этим рассказом свою повесть: истоки бед он видит в небрежном отношении к земле, являющейся основой всего живого.

В основе концепции мира и человека у писателей Севера – противостояние двух миропорядков: дисгармония современной цивилизации и гармония природного миропорядка. Причём дисгармония мира приобретает такие размеры, что это может обернуться гибелью традиционного уклада. Именно в природе прежде всего видят поэты и писатели «порядок и порядочность», надежду на разумное устройство мира. Ю. Шесталов в своих книгах обращается к мифологии народа манси, чьи верования тесно связаны с природой, и высказывает веру в способность людей сохранить извечное единство с ней (легенда о единстве богов, природы, людей в «Языческой поэме», миф о Мирсуснэхуме). Писатель верит, что разум человека сумеет сберечь природу (миф о прощении человека, наказанного гибелью природы).

Мифологические сюжеты и мотивы, легенды, отражающие историю народа, своеобразие мировидения и национальной психологии и одновременно тесно сопряженные с настоящим, органично вплетаются в художественную ткань произведений и начинают играть особую стилистическую роль. Смело обращается к древним мансийским преданиям Ю. Шесталов. Чаше миф у писателя связывается с глобальной проблемой взаимоотношений человека и природы (миф о потопе и легенды о наказании людей за истребление природы в книге «Когда качало меня солнце» и др.). Миф дает возможность художникам философски осмыслить время, человека, мир. «Чтобы человек сохранил свою душу,.. невозможно без легенд, преданий, древних сказаний», – подтверждает Е. Айпин. В его творчестве роль легенд и сказаний постоянно возрастает (пов. «Я слушаю Землю», «В тени старого кедра»). Ненецкая писательница А.Неркаги (близкая и территориально, и художественно, и мировоззренчески к хантам и манси) переосмысливает миф о голубых великанах в «Илире» и сюжет библейской мифологии в «Молчащем», обыгрывает легенды собственного сочинения – о Золотом Слове Правды и о Белом Ягеле в «Белом ягеле». Тяготение к стилистике древних сказаний, их образности, переходы в сознании героев от реальности к легенде переводит повествование в обобщенно-философский план. Значительна роль в этом отношении образов стариков, тесно связанных с народной мудростью и являющихся связующим звеном в цепи поколений («Сначала была сказка», «Когда качало меня солнце» Ю. Шесталова, новелла «Шаманы и Сказители» Е. Айпина и др.).

Повышенное внимание писателей к этническому своеобразию своего народа, стремление к обособлению национальной культуры, мифологии, истории от других можно рассматривать как способ ощутить себя частью целого, найти психологическую поддержку в традиционных эмоционально-ценностных константах (дом, семья, отец, мифология, природа, язык и др.), доказать свою «равноправность» в пределах мультикультурного пространства.

С 80-х в этнических литературах Западной Сибири настойчиво варьируется мотив невозможности слияния патриархальных традиций и цивилизации, обреченности этнических ценностей в современном мире. Ю.Шесталов в своих новых работах и выступлениях с горечью констатирует реальную возможность исчезновения самобытных культур. Е. Айпин дает откровенно символическое название своей книге – «У гаснущего очага». Писатель пересматривает концепции своих прежних произведений и на их основе создает новые, существенно переработав их содержание и усилив трагическое звучание старых тем.

Сохранение традиционных ценностей становится серьезной проблемой в современном мире. Воздействие доминантной культуры на «малые» народы, процесс формирования образа мира этносов в условиях фактического монолингвизма (русского, английского или другого) и реже – билингвизма приводит к снижению уровня самоидентификации среди индивидов и целых этнических групп. В этих условиях наиболее естественным становится стремление сохранить этническую самоидентичность. Представители многих коренных народов сегодня сохраняют биэтническую идентичность, то есть различные способы поддержания связей с двумя культурами – доминантной и исконной. Это нашло отражение в творчестве этнических писателей России –

Ю.Рытхэу, Ю. Шесталова, А. Неркаги, Е. Айпина, В. Санги, Г.Кэптукэ, Г. Юшкова, Е. Рочева и др. В этнических литературах США и Канады можно назвать имена таких писателей, как Д. Гилб, Н.Скотт Момадей, Лесли М.Силко, Д. Уэлч, Л. Эрдрик и др. Здесь можно выделить четыре типа героев. Первый тип – герой, находящийся «внутри» своей этнической культуры, укорененный в традиции, сохраняющий этническую картину мира и родной язык, не признающий «чужих» ценностей; как правило, это представитель старшего поколения, покинутый своими детьми. Такому персонажу обязательно противопоставлен герой, полностью ассимилированный, целиком отринувший ценности исконной культуры и признавший ориентиры «чужого мира», «Чужого Дома». Этому персонажу (преимущественно представителю молодого поколения) в этнических литературах уделяется чрезвычайно мало внимания.

Нечасто в этих литературах появляется герой, в сознании которого происходит гармоничное (как правило, в результате внутренней борьбы) совмещение двух культур, признание ценностей доминантной культуры без ущерба для ценностей собственной культуры (явление, которое в американской культурантропологии определяется термином аккультурация). Такой герой больше характерен для американских литератур, но есть примеры и в литературе Сибири. Таковым предстает лирический герой А.Тарханова, в душе которого переплетены два начала – языческое и православное («Христианин я и язычник, Меня крестили в Иртыше. И по судьбе своеобычной Две веры у меня в душе»). Язычество – глубинное начало его души, православие, как справедливо подмечает Е.П.Каргаполов (4, с.50), как бы наслаивается на язычество и преодолевает его. Эти два начала у героя А.Тарханова сочетаются довольно естественно. Гораздо более интересен авторам персонаж, ассимилированный частично. Такой индивид чаще рассматривается как маргинал, существующий внутри «другой» культуры, но не приемлющий ее ценностей в целом, как человек, не овладевающий в должной мере нормами и ценностями ни одной из культур. Для такого персонажа характерны двойственность сознания, внутриличностные конфликты, балансирование между двумя образами жизни, состояние постоянного выбора – принять мир цивилизации или возвратиться в мир родной культуры. В целом подобный герой предстает как «человек границы», личность, существующая между культурами, времен, языков (персонажи повестей Ю.Шесталова («Тайна Сорни-най») и Е.Айпина («В ожидании первого снега»)).

Поиск героями своей идентичности является многоуровневым, многофазовым процессом. Мотив возвращения нередко становится основным сюжетобразующим элементом: получив письмо о смерти (болезни) матери (отца), герой (героиня) едет в родной дом. Герой постоянно находится в пути – реальном или вымышленном – по дороге «в память, в прошлое». Небольшие сюжеты – «путешествия в память» переносят героев в воспоминания о «Своем» Доме, отце, матери («Тайна Сорни-най» Ю. Шесталова и др.). По материалам детских воспоминаний написана книга Е. Айпина «У гаснущего очага». Возникающий в книге символический образ пристани-начала подчёркивает авторскую мысль, что у человека должен быть «Свой» Дом (родная земля, дом, родные, близкие), в который всегда можно вернуться («Пристань»). Произведению Е.Айпина по своему идейно-художественному звучанию близка книга Н.Скотта Момадея «Путь к Горе Дождей». Поэтизация образа «Своего» Дома заметна в произведениях Е.Айпина «Звезда Утренней Зари» и Момадея «Дом, из рассвета сотворенный».

В целом биэтничность становится понятием, через которое раскрывается связанность, целостность мира в обычном, бытийном восприятии, возможность гармоничного соединения разных систем ценностей, разных представлений в новых социально-культурных условиях существования, создавая возможность для ухода части носителей этноса в мир цивилизации и включения «материнской» культуры в культуру «нового отечества», и одновременно – для возвращения героев-маргиналов, вносящих в свою этническую культуру элементы «чужой» ментальности, органически сочетая (или стремясь соединить) их в пределах общего пространства.

К 90-м гг. в прозе Севера усиливаются эсхатологические мотивы. Трагедийное освещение эта тема получает в антологии коренных народов Севера «Последнее пришествие» (1998). Рассказ Е.Айпина «Конец рода Лагермов» разворачивается вокруг сюжета, повествующего о конце одной из хантыйских семей, корни которой были подрублены злом, ворвавшимся в ее жизнь вместе с цивилизацией. В романе А.Неркаги «Молчащий», который критики называют «Апокалипсисом современности», писательница даёт трагическое видение гибели мира, в котором традиционная культура отказывается от вековых традиций, но не становится цивилизацией. Повествование в «Молчащем» развёртывается в обобщённо-символическом ключе, а потому важную роль здесь играют образы-символы: Игралитце как базовая традиционная культурная реалья, воплощающая идею гармонии мира и общества, и Скопище (первоначальное название романа) как орудие современного распада и умирания жизни.

В 90-е гг. в связи с новыми экономическими и политическими реалиями этнические культуры оказываются в ситуации «двойного кризиса»: распад традиционных культур под натиском научно-технических, социально-экономических и собственно культурных преобразований, и последовавший затем распад системы ценностей прежней (советской) культуры. В этой ситуации в этнических литературах актуализируются две тенденции. Одна из них связана с усилением публицистической струи, обусловленной тем, что авторы начинают обращаться в произведениях к трагическим социально-политическим событиям прошлого, откровенно выражая собственную позицию и оценку через систему образов, диалоги и монологи персонажей, используя иные стилистические приемы. Так, в хантыйской литературе появляются книги Т. Молдановой «В гнездышке одиноком» и Е.Айпина «Божья Мать в кровавых снегах». Во-вторых, культуры начинают вырабатывать защитный механизм. В частности, они «музеифицируют» себя, как бы выводя свои артефакты, нормы, образцы и образы из непосредственного потока реальности, где они уже не могут существовать как таковые (3, с.210). В этом русле лежит повествование Е. Айпина «У гаснущего очага». Необходимо упомянуть и о большом числе сборников фольклора, описаний орнамента, народных праздников и пр., выполненных представителями этнической интеллигенции (Т.А.Молданова, Е.П.Лапина, М.К.Волдина, Л.Л.Тарагупта и др.) в эти годы.

Поиски новых художественных решений приводят к «вовлечению в мир искусства артефактов и практик, генетически ему чуждых, – консервированных архаических форм, сохранившихся в традиционных культурах или субкультурных нишах (фольклор), которые получают новые функции (2, с.278). Первобытные архетипы, образы и мотивы фольклора, переработанные элементы традиционного народного искусства, дополненные новыми формами искусства XX в., породили новое направление – этнофутуризм. Литературный этнофутуризм рассматривается как инвариант постмодернизма, смыслополагающей чертой которого является диалог фольклора (точнее архаической мифологии) с мировым постмодернизмом (и шире – мировой культурой) (6, с.98). Фиксируя этнические стереотипы, художественные архетипы и мифологемы, писатели формируют определённую модель идентичности.

Суть этнофутуризма заключается в актуализации интереса к архаической мифологии, сохраняющей архетипы, мифоструктуры, которые живут в «генетической памяти» культуры и постоянно «подпитываются», дополняются современным мифотворчеством. В этом смысле этнофутуризм можно рассматривать как один из вариантов трансформации архаического сознания в современной культуре. Искусство этнофутуризма – выражение не столько личного, сколько коллективного переживания (6, с.72). По образному выражению Н. Розенберг, это своего рода «авторизованный перевод» культуры родного этноса (6, с.32), когда прошлое продолжает жить в настоящем в «образах культуры».

В хантыйской и мансийской, а также ненецкой, литературах этнофутуризм не проявил себя столь явно, как в финно-угорских литературах европейской России. С позиций эстетики данного течения можно, пожалуй, рассматривать лишь роман Е.Айпина «Богоматерь в кровавых снегах», новое произведение Ю.Шесталова «Откровение Крылатого Пастора», жанр которого определен автором как роман-камлание, и, отчасти, «Молчащего» А.Неркаги.

Подытоживая, можно сказать, что современная литература финно-угорских народов Сибири пытается выявить различные способы и пути перенесения в будущее этнически-мифологической самобытности, выявить возможность гармоничного синтеза традиционных представлений и универсальных ценностей. Она находится в постоянном поиске наиболее адекватных времени форм отражения своего менталитета на основе не простого переосмысления уходящей корнями в мифологию культурной традиции, но и воспроизведения современного миропонимания.

1. Бассель Н. Проблемы и категории особой финно-угорской межлитературной общности // Проблемы особых межлитературных общностей. – М., 1993.

2. Бернштейн Б.М. (США). Три стрелы глобализации искусства // Методология гуманитарного знания в перспективе XXI века: Материалы Междунар.науч.конф. - СПб., 2001.

3. Калугина Т.П. Культура – «музеефикатор»: метафора и реальность //Методология гуманитарного знания в перспективе XXI века: Материалы Международной научной конференции... - СПб., 2001.

4. Каргаполов Е.П. Тропа язычника: Об языческих мотивах в творчестве Андрея Тарханова //«Я вижу мир иным...»: О творчестве писателей и поэтов /Сб.н.ст. Ред.-сост.М.М.Рябий. – Ханты-Мансийск, 2001.

5.Санги В. От исторических преданий до исторических романов: О литературе народов Севера // Дружба народов. - 1981.- №4.

6. *Феномен этнического и глобализация культуры народов Поволжья и Приуралья // Материалы «круглого стола». - Ижевск, 2004.*

Түйін

Мақала Батыс Сибирь ханта-манси әдебиет дамуының кейбір бағыттары туралы сөз болады.

Summary

It is noted in the article about some trends in the development of literature of hanty and mansy of West Siberia.

ПРАГМАЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ПОДЪЯЗЫКА МУЗЫКИ

С.С.Джансеитова -

Казахская национальная консерватория имени Курмангазы

На современном этапе развития форм общественной жизни представляются актуальными проблемы, учитывающие человеческий фактор и постановка, решение вопросов о том, как в языке отражаются различные личностные аспекты коммуникантов.

Особую роль приобретает прагматический аспект, непосредственно связанный с использованием языка для воздействия на коммуникантов в процессе их общения, изучающий языковые знаки в их отношении к тому, кто их создает и принимает. Нас интересует прагматический аспект изучения взаимоотношений автора языкового знака и самого знака, признание факта, что язык, выполняя функцию общения, служит не только для передачи информации, но и для воздействия на коммуникантов. Исследование механизма воздействия речи на коммуникантов способствует углубленному представлению о процессе познания, выработки способов и средств максимального влияния на сознательное поведение коммуникантов. Данный механизм имеет две стороны: с одной стороны, речь идет о зависимости употребления языковых единиц от целей отправителя текста «языковое существование», с другой стороны, важен характер и степень воздействия, оказываемого с помощью языка на получателя текста, с учетом индивидуальных свойств.

Речевая деятельность коммуникантов состоит в выборе из имеющегося репертуара языковых средств, в том числе и таких лингвистических единиц, как грамматические категории, подходящие для решения данной коммуникативной задачи. Изучение конкретной речевой деятельности, требует определения конкретных индивидов, в конкретных контекстуально-ситуативных условиях для достижения конкретных задач общения и отражающих индивидуальное речевое поведение, от которых зависит точное воспроизведение и понимание текста.

В основе разработанной методики прагматического и лингвистического диагностирования личности лежит признание того факта, что автор текста актуализирует наряду с семантическим и синтаксическим аспектами еще и прагматический, отражающий его речевую деятельность, состоящую из речевых поступков. Речевой поступок как основная единица речевого поведения рассматривается нами как речевое действие, предполагающее внутренний план действия, сознательно выработанное намерение, прогноз ожиданий и последствий, но и как интуитивное действие выбора лингвистических единиц. Выбирая языковые средства для осуществления своего речевого намерения, отправитель одновременно актуализирует планы речевых стратегий и тем самым, проецирует на текст свои индивидуальные черты, которые в межличностном общении интерпретируются получателем и служат сигналом, регулирующим их последующее речевое поведение.

Нас интересует существующая определенная связь между эффективностью сообщения и представлением об индивидуальных чертах автора, возникающем у получателя текста в процессе коммуникации. Стремление обнаружить эту связь и определило задачи исследования:

- 1) выдвинуть теоретические положения, объясняющие исследуемый феномен как прагмалингвистический аспект профессионального подъязыка музыки;
- 2) обосновать методику прагматического и лингвистического диагностирования индивидуальностей, выявить механизм связи между прагмалингвистическими свойствами текста и индивидуально - личностными параметрами его автора, проследить диагностирующие возможности этой связи;
- 3) определить прагматическое и лингвистическое диагностирование понимания личностью языковых значений;

4) используя результаты теоретического лингвистического исследования, провести сопоставительный анализ актуализированных адекватных предикативных единиц (минимальных синтаксических групп) в музыковедческих текстах и партитурах (на итальянском, русском и казахском языках);

5) на основании речевых сигналов обнаружить грамматические значения, называемые нами с позиции прагматического и лингвистического исследования планами речевых стратегий воздействия отправителя текста на получателя;

6) выявить картину структурно-семантических актуализаций речевых стратегий в текстах, тем самым определить речевые портреты конкретных авторов;

7) сформулировать гипотезы о роли грамматических значений в речевом общении, определить воздействие автора на получателя текста, дать интерпретацию их индивидуально-личностных отношений;

8) выявить психологические особенности музыкального сознания автора, эксплицируемые в языковых манифестациях различных модальностей (под имплицитным содержанием музыкального сознания мы понимаем обобщение степени психологической произвольности музыкальных действий; под языковыми манифестациями различных модальностей - все доступные человеческой природе экспрессии переживаний: двигательные, звуковые, визуальные);

9) определить внутреннюю картину развития знаково-символической функции сознания;

10) выявить систему записи звуков, отражающая точность передачи музыкального текста.

Извлеченная из текста получателем прагматическая информация о личностных мотивах отправителя превращается у получателя в оценку высказывания и способствует выработке у него правильных представлений об истинности, ценности и т.п. самого сообщения, что влечет за собой, в конечном счете, дальнейшее регулирование поведения получателя текста, где автор выступает не только субъектом сообщения, но и объектом познания, а его личностные качества и музыкальное сознание, проявляющиеся в его речевой культуре, оказываются релевантными для успешной (или неэффективной) коммуникации.

Музыкальная деятельность как один из видов художественного общения психологически ориентирована и на речевые закономерности. Музыкально-языковая деятельность, связана с пониманием музыки как художественного сообщения. Эта деятельность осуществляется с помощью особой системы выразительных средств – терминов и терминоидальных ремарок. Таким образом, складывается система аналогов, опирающаяся на коммуникативную направленность речевой и музыкальной деятельности.

Для овладения языком как универсальной системой коммуникации в процессе социально-исторического развития у человека сформировалась способность к овладению речемыслительными операциями — языковая способность. Специфическую способность к овладению музыкально-языковыми операциями естественно было бы назвать музыкально-языковой способностью. Это выражение использует музыковед М.Г. Арановский, называя музыкальное мышление проявлением «специфической музыкально-языковой способности» [Арановский 1974, с.32]. По отношению к сенсорным музыкальным способностям музыкально-языковая способность выступает как собирательная, координирующая, нацеленная на понимание музыкальной речи.

Если в лингвистике, наименьшая смысловая единица вербального языка определяется словом, то по Б.А. Асафьеву – интонация – это мельчайшая смысловая единица языка музыки, которую он обозначил как «социально-осмысленный интонационный комплекс» [Асафьев 1971, с.344]. Теория Б.А.Асафьева придала интонации значение коммуникативной единицы. В системе языка музыки интонация является «единицей измерения музыкальной осмысленности». Интонируемость (интонационная интерпретация) смыслов и потребность в интонировании познаваемого мира вне и внутри человека - эксплицируется в терминах и музыкальных ремарках, передающих структуру музыкальной ткани, акустику, ритм, темп, инструментоведение и т.п., способствующие уточнению композиторского замысла. Интонационно-символические связи внутрененных субъективных переживаний личности и звуковой «картины мира и культуры», образующие образно-смысловые «коды», на основе которой развивается музыкальное сознание, ранее не подвергались исследованию в контексте музыкального феномена. Основной функцией музыкального сознания, является функция символизации переживаний и смыслопорождения в акте интонирования.

Таким образом, впервые обсуждается теория и практика речевого воздействия коммуникантов друг на друга, зависимость использования коммуникантами лингвистических закономерностей от прагматических и лингвистических условий речевого общения; роль грамматических значений в формировании ментальных состояний коммуникантов в речевом общении, влияние речевых стратегий отправителя текста на его получателя, особенности музыкального сознания автора, эксплицируемые в языковых единицах, экспрессивно-стилистические особенности терминологических ремарок.

Музыка - это не случайный, хаотический набор звуков, а упорядоченная коммуникативная система. Рождение музыки как феномена сознания из звучащей символизации эмоций и переживаний, движения мысли и поведенческих действий - факт универсальный и столь же природный, как и культурно-двжимый. Данное обобщение наталкивает нас на концептуализацию сущности музыкального сознания в особой психологической реальности. Из звуковой стороны интонирующего сознания, рождалось музыкальное сознание, все более приобщаясь к служению социуму и культуре. Чтобы сочинить музыкальный или словесный текст, надо представить его вначале как некую идеальную модель целого. Другой важной частью музыкально-языковой способности, является умение разворачивать исходный замысел в последовательность языковых элементов, где их индивидуальная комбинация есть выражение музыкальной мысли.

Таким образом, музыкальное сознание – категория, которая охватывает этнокультурный феномен и может быть понято как обобщенная «музыкальность» этноса, характеристика его ментальности, выраженная в первую очередь не только вербально или материально, а интонационно. Тип интонирования воплощается интегральной индивидуальностью музыкального сознания, являясь «орудием» развития музыкального сознания и освоения выразительной интонации в звуке. В переводе содержания в форму выражения, которое осуществляется в процессе порождения звукосимволических форм и музыкальных явлений, происходит абстрагирование музыкальной формы в языковые элементы - ремарки (указания в вербальной форме, уточняющие композиторский замысел). Изучение музыкального сознания в психологическом аспекте, позволило выстроить основные координаты: 1) смысловое наполнение как отражение в интонировании опыта переживаний автора; 2) стадии формирования музыкального сознания через довербальный «интонированный смысл» к вербальному осознанию образа.

Если термины тяготеют к стабильности, всеобщности, постоянству, системности, норме, традиции, то музыкальные ремарки, напротив, подвижны, изменчивы и существует в индивидуальных объектах, как продукт индивидуального мышления, в них наиболее явственно обнаруживает себя творческая функция авторского сознания. Ремарки воплощают неповторимую мысль в неповторимой форме – отсюда их новизна и своеобразие, в них проявляется психическая индивидуальность автора, его темперамент, эстетический идеал.

1. Арановский М.Г. Музыкально-языковые способности // Ритмо-интонационные формы. - М. 1974. - С. 23-25.

2. Асафьев Б. Музыкальная форма как процесс. - М.-Л., 1973.

Summary

The article is talking about the pragmatik aspect of learning of relationships of author as the language sign keeper and the language sign itself.

ТҰРМЫСТЫҚ ЗАТ АТАУЛАРЫНДАҒЫ ӘЛЕМНІҢ ТІЛДІК БЕЙНЕСІ

(сөйленістер лексикасы бойынша)

М.С.Атабаева –

филол.ғ.д., проректор м.а., Абай атындағы ҚазҰПУ

Тілді оның өз тарихы, сол тіл иесінің тарихы аспектісінде қарастырғанда, мәдениет ұғымының әр қырына соқпай өту мүмкін емес, өйткені мәдениет–адам әрекетінің жиынтығы, оның қорытындысы, еңбек пен тәжірибе арқылы жинақталған, рухани әлем, өнер арқылы танылған қабілетінің тілдегі заттанған бейнесі. Ол халықтың мінез-құлық, дүниетанымының айнасы ретінде сөз мағынасынан көрінеді.

Материалдық мәдениет деректері адам баласының күнкөріс кәсібімен үй-жай салу, оның техникасын игеріп жетілдіруімен байланысты пайда болып, толығып отырды, сондықтан үй-жай мәдениет феномені саналады. Үй-жай ұғымының айналасында тұрмыстық мәдениет деректері өрбиді: а) **үй бұйымдарының атаулары**. Үй тұрмысында қолданылатын заттардың ішінде халықтың көшпелі тұрмысында аса қажеттілерінің бірі *сандық, кебеже*, тәрізділер, оның *абдыра/әбдіре, арша, әрже, бөгре/ бөгіре* лексемалары – сандық атауларына; *тайсандық, кеусандық* - үлкен сандық *жағылан/жақтан* былғары чемодан атауына жатады, *текше сандық* - сандықтың формасына қарай түрі. *Абдыра/әбдіре* өткен тарауда кірме сөздерге байланысты талданды, ал *арша, әрже* атауларының негізі – көне түркілік *аршы* сөзі диалектілердегі *арша/әрже* өзгеріске түскен түрі болу керек (*Арша* үстіне көрпе-төсек жиылған, тұстық ілінген (Қарак.). *Әрже* – Семейдің Ұржар, Ақсуат аудандарында кездесе (*Әржеңді* алып келіп мәшинеге сал(Ақс.), Абай ауданыда - *әржі* (Абайдың қолжазбасы бір *әржі* еді). *Әрже* сөйлем мағынасына қарағанда чемодан қызметін атқарып тұр. *Аршы* – М.Қашқарида “дорба, қалта” (Қашқари, 1,154), “салу, сақтау” мағынасы диалектіде қалған. Қостанайдың Аманқарағай ауданында *бөгіре* – сандық мағынасында (Шынаяқты бөгіреге сал), *бөгребас* түрінде ағаштан жасалған ыдыс-аяқ қоятын шкаф, буфет мағынасын білдіреді (Көкш.,Қызыл.). *Тайсандық, кеусандық* атауларындағы *тай, кеу* сыңарлары үлкен семантикасын үстейді. Ә.Қайдар “*тай*” түбірінің жеті түрлі мағынасын көрсеткен, оның ішінде “жүк” мағынасын да, “үлкен” (*тай қазан, тай сандық*) мағынасын да, “жайпақ, терең емес” мағынасын да кездестіруге болады (Қайдар, 2005, 254), осы соңғы семаның қатысуымен “кішкене қапшық, қап” ұғымын бейнелейтін *тайшұнақ* лексемасы жасалған. *Тайшұнаққа* астық салады, *тайшұнақтың* аузы тігілді (Шығ.Қаз.Тарб.). Қаптың көтеруге қолайлы болғандығын “таяз, терең емес” семасын білдіретін *тай* түбірі аңғартады. *Текше сандық* - кішкене қол сандық (*Текше сандығың* толған бұл екен ғой. *Текше сандықта* шай тұрады (Сем.Абай), атаудың жасалуына сыртқы формасы әсер еткен халық тұрмысында алып жүруге қолайлы түрі де, сақтауға арналған түрі де болады.

Асадал/асалал ҚТДС-да [1,64-65] омоним түрінде беріледі. *Асадал* – кебеже, Ұлытау мен Маңғыстауда – кебеже (Шешейдің *асадалы* ертеде жасалыпты (Ұлы.); Шу, Аягөзде ыдыс салатын сырлы, оюлы шкаф (*Асадалдың* қақпағын өрнектеп те жасайды (Шу); *асалал* – ыдыс қоятын текше, ашық шкаф тәрізді нәрсе (*Асалалды* ағаштан істеп, киіз үйдің керегесіне іліп қояды (Қызылқ.) және *асалал* – киіз үйдегі тамақ қоятын орын (Бұрынғы уақытта *асалал* дейтін текше болатын, оны ағаштан істеп, киіз үйдің керегесіне іліп қоятын еді (Шымк.,Түлк.). *Асадал* – *асалал* варианттары – қазақ диалектілеріне тән *д-л* алмасуының нәтижесі, лексема екі компоненттен тұрады: *ас+адал*. Екінші *адал* сыңарын А.Тұрышев *адалбақан* лексемасындағы *адал* сыңарымен байланыстырады [1,41-б.], *адал* (хәлел) араб сөзі – мұсылман заңы бойынша рұқсат етілген, таза, “чистый, святой” мағынасы В.В.Радловта (Радлов, 1т., 1ч., 482) көрсетіледі. *Ас* түбірінің түркі тілдеріндегі “тамақ” және одан туындайтын тамақ түріне байланысты атаулардың түп төркіні – Э.В.Севортян пікірі бойынша, көне ирандық “*ас*” (Севортян, 210). Ыдыс-аяқ салатын, сақтайтын, жиып қоятын орын атауының уәжіне *ас* және *адал* түбірлерінің мағыналары кездейсоқ алынбағаны анық. “*Ас-адамның арқауы*” дейтін халық оны қолдану құралы ыдыс-аяқтың тазалығына ерекше мән берген, мұндағы басты нәрсе гигиеналық шара ғана емес. Халық піскен тамақтың бетін ашық қоймайды, оны ит іскеп, т.б. аралап кетуі мүмкін, яғни арамдалудан сақтанады, сондықтан ыдыс-аяғын да ашық-шашық ұстамайды. Ендеше *ас-* тамақ және *адал-*таза, тазалық мағыналарынан жасалған атаудың уәжі – гигиеналық, моральдық тазалықты сақтау, сонымен қатар бұл зат көшпелі тұрмыста қолайлы, ыдыс-аяқтың сынбай, шағылмай жетуін қамтамасыз етеді. *Асадал* лексемасы семантикалық жағынан аса мазмұнды екені көрінеді.

Жағалан/жағылан/ жақтан варианттарының *жағылан* формасы көпмағыналы сипатта көрінеді: 1) сыртын былғарымен қаптаған киім салатын сандықша (Біз чемоданды *жағылан* деп те айтамыз(Шу); 2)ерте кезде қайыс, былғарыдан жасалған сандық (*Жағыланға* мата салады(Жуалы); 3) кір салатын дорба (Қарак.). Сарысу ауданында *жағалаң* түрінде “былғарымен

қапталған сандық” мағынасында қолданылады (Шай жағалаң ішінде), ал Қостанайдың Жангелдин, Қызылорданың Қармақшы аудандарындағы жақтан да осы мағынада (Жақтанға салған киім-кешек таза тұрады(Жанг.) Сөздің әр түрлі сөйленісте кездесіп, шашыраңқы диалектілік полисемия құрауы оның негізі бір, ежелгі сөз дегенді аңғартады. Ол – тері, былғары ұғымы. (Бұл туралы киім-кешек бөлімінде сөз болады.)

Шанаиш – теріден жасалған қап ұғымын бейнелеп, Ақтөбе, Қостанай, Алматы облыстарында кездеседі. (*Шанаишқа* дүз саламыз(Бірг.). *Шанаиш* толы ұн тұр (Жан.). *Шанаишта* ыдыс-аяқ тұрады (Сыр.). *Шанаиш* атауы *санаиш* формасында *ш-с* алмасуы түркі тілдерінде о баста болғанына дәлел ретінде М.Қашқари еңбегінде кездеседі: *санаиш*-дорба, теріден тігілген (Қашқари, 1,415) және *санач* - тері қалта, дорба (Боровков, 184), “торсық” мағынасында қырғыз (*чанац*, Юдахин, 814), түрікмен (*санач*), “тері мес” мағынасында ұйғыр тілінде қолданылатыны С.Малов еңбегінде көрсетілген (Малов, УНС, 149). Заттың теріден жасалуы, түркі тілдерінің біразында ұшырасуы оның көне түркілік элемент екенін дәлелдейді. Тері, біріншіден, мал баққан халық үшін қолда бар материал болса, екіншіден, халықтың мал өнімдерін игеру, оны қажетіне жарату әдіс-тәсілдеріне қаншалықты машықтанғанын пайымдатады. Мұндай қап, кебежеде сақталған сусын, ұн, астық ұзақ уақыт сақтауға шыдайды әрі көшкенде бөктеріп т.б. жүруге де қолайлы.

Аталған сөздердің бәрінің де түп тәркінінде көшпелі тұрмыс жағдайын танытатын семантика бар, ол – күнкөріс құралдары: киім-кешек, ыдыс-аяқ т.б. заттарды шашпай-төкпей алып-жүру, жеткізу, жақсы сақтау, реттілік, жинақылық архисемасы. Атаулардың біразы қазір де белгілі аймақтарда қолданылып жүр, тек заттық негізінің формасында, жасалу затында айырмашылыққа ие болған. “Сандық” семантикалы лексема қыз жасауының міндетті бір бөлігі есебінде салт-дәстүр ұғымында сақталған.

ә) **құрал-жабдық атаулары.** Егіншілік мәдениетнің бастау-көзі дерегіне соқаның ең алғашқы түрін бейнелейтін *ағаш сабан*, *ат сабан*, *ағаш тіс*, *амаиш*, *сабан*, *қолтіс* лексемаларын жатқызуға болады. *Ағаш сабан* осы күні жоғалды ғой (Қазт.)Бұрынғы кездің ағаш соқасын *ағаш тіс* деп те айтамыз (Алм., Гв.). Бұрын *қолтіс* деген ағаш соқа болатын (Шымк., Қызық.). Мүтән *амаиштен* жер жырттып жүр (Мақт.). Қазақтар *сабанды* берегіректе біліп бастады (Түрікм., Таш.). Бұл атаулардың негізін құрайтын *сабан*, *амаиш* сөздерінің тамыры өте терең. *Сабан* – ұшында темірі бар соқа; *сабан* – қос өгіз, соқаға жегілген қос өгіз; *сабан* – егіншілік, жер жырту мағынасында М.Қашқари сөздігінде кездеседі (Қашқари, 1,461-462)және “*Сабанда* сандырыш болса, өрткүнде іртеш болмас” (Жер жыртқанда есеп-қисап болса, қырманда дау-шар болмас) сияқты мақал да берілген (Қашқари, 1,462). Мақал – егіншілік тақырыбында, алайда мағынасы түсіністік, бірлік, ұқыптылық, сенімділік, белгілі нәрсені ойлап, жобалау істеу туралы. *Сабан* қазақ сөйленістерінде соқа мағынасын сақтаған, *ат сабаны* атқа жегілетін соқа дегенді білдіреді (Қаратөбе). *Соқа* мағынасында түрік, татар тілдерінде бары Л.Будаговта (Будагов, 1,695), түркі тілдерінің бәрінде кездесетіні В.Радловта (Радлов, 4, 404) айтылады, бұл сөзден қазақ сөйленістерінде *сабаныш* – (соқашы, соқа айдаушы) және *сабан айдау* (жер жырту) туынды сөздері пайда болған (Қ-Орда, Арал), туынды мағынасы да түркі тілдерінде бар, мысалы, *сабанчи* (Тат.-рус.сл., 1950,206). Орыс тілінің жергілікті ерекшеліктері қатарына жатады, сөздіктер оның орыс крестьяндары тіліне көрші түркі тілдерінен ауысқанын көрсеткен: *сабань*, *сабанишник* (Даль, 4,126); *сабан* (тюрк. *Saban*) (Ушаков, 4, 18). Сөздің түркі тілдеріне кең таралғаны және сөзжасамға ұйытқы болуы оның жалпытүркілік сөздік қорға тән екендігін танытады.

Мақтаарал, Қызылқұм аудандарында қолданылатын *амаиш* атауын да М.Қашқари сөздігінен көруге болады: *амаиш* – соқа, мойынтұрық, егіншілік құрал-жабдығы деген түсінік берілген (Қашқари, 1,81). *Ағаштіс*, *қолтіс* атауларындағы сөз мағынасының ауысуына *тіс* түрі себеп болып тұр, “тістің” кесу семасы ұқсатуға негіз деуге болады. *Ағаштісте* – ағаштан жасалғандығы, *қолтісте* - қолмен ұстап жүру семалары бар. Егіншілік құрал-жабдығына байланысты аталған этнодиалектизмдер түркілердің көшпелі тұрмыстан отырықшылыққа ауыса бастаған кезеңінен мәлімет береді. Ежелгі түркілер егіншілік құралдарын ойлап тауып, өздері пайдаланумен қатар көрші халықтарға да тарақан, ал *бүйрек*, *кеусен* (Қырмандағы астықты қызылдағанда сұраушыларға ырым ретінде берілетін бидай), *сабантой* сияқты атаулар – егіншілік мәдениеті дамуына орай қалыптасқан салттың бір көрінісі.

Халық тұрмысында күнделікті қажетті құралдардың қатарына от жағумен байланысты заттарды жатқызуға болады, негізінен, бұлардың аймақтарда айтылуында айырмашылығы бар, сәйкесті диалектизмдер жүйесін құрайды. *Шымшуыр*, *жәмке*, *жіптік*, *шаттауық*, *мәстемір*, *әтішкір* – шоқ қысқыш, шоқ салғыш зат атауларын білдіреді, бұлардың этимологиясы мүмкіндігінше өткен тарауда талданды. Заттардың бәрі де темірден жасалған, түркілердің темірдің сырын білуімен қатар от құдіретін түсіну дәрежесін пайымдатады. *Аттис*, *атауыз*,

жылқыауыз, *балықауыз*, *кемпірауыз*, *сапсалғы* – атаулары қысқыш, шеге суыратын құрал ұғымын білдіреді, күрделі сөздердің жасалуына қызмет және түріне ұқсату себеп болған метафоралану мотиві *тіс*, *тістеу*, *ауыз* ұғымдарына негізделген, оның теңеу заты халық тұрмысында басты қызмет атқарушы жануарлар – *жылқы*, *қой*. Құралдар темірден жасалады, олардың алғашқылары *атауыз*, *жылқыауыз*, *аттіс* деуге болады. *Сапсалғы* – ұсталардың темір қысатын аспабы (*Сапсалғы* ұста дүкенінде ғана болады. *Сапсалғымен* темір қысады (Сем.Абай), екі түбірден (*сап+сал*) және сөзжасам қосымшадан (-ғы) тұратын күрделі атау. Ә.Қайдар *сап* сыңарының он түрлі мағынасын келтіреді, оның ішінде қазір жеке қолданылмайтын “*сапыр<сап+ыр//сапсы-<сап+сы*” тұлғаларындағы “перемешивание, перебалтывание” (Қайдар, 2005, 247) мағынасы да бар. *Сапсалғы* күрделі атауының *сап* сыңары осы “араластыру” мағынасында деуге болады, ал Р.Сыздық (Сыздық, 1994,134) *сал* (*y*) етістігінің Қазтуған (Мен *салмадым* сен *салдың*), Шалкиіз (Жағы түкті жылқы айуан, иесін қайда *жауға салмаған*) Махамбет (Таңдап мінген тұлпарлар, Иесін қайда *жаяу салмаған*) шығармаларында “тастау, қалдырып кету” мағыналарында қолданылып тұрғанын, сөз төркінін қуа келгенде, оның көне түркі-монғол сөзі болып шығатынын және: 1) бір нәрседен құтылу, тастау, қалдырып кету, арылу; 2) бөліну, айырылу; 3) жоғалту, айырылып қалу мағыналарын беретін етістік екенін айтады. Осындағы “бөліну, айырылу” семасы құрал атауын жасауға негіз болған деуге болады. Абай шығармаларында “Біреу малма сапиды, салып иін” деген жолдар кездеседі, *сапсу* – иге салынған теріні асты-үстіне шығарып аударыстыру деп түсіндіріледі, (Абай, 525), бұл мысалда “бөлу, ажыратып алу” семаларын сездіреді. Монғол тілінде *салах* (Мон.-каз.сөз., 1954, 149), қалмақ тілінде *салх* тұлғалы (Рус.-қалм.сл., 1964, 585) сөз “бөліну, ажырау” дегенді білдіреді, яғни *сапсалғы* атауы – “араластыра отырып бөлу алу” уәжі, оған зат есім тудырушы -ғы жұрнағы қосылу арқылы жасалған.

Дөкет/лөкет/лөкір/дүкірт/дүкерт варианттары мен *ләгөр пышақ* күрделі атауының шығу негізі бір саналады. *Дүкірт* – омоним сөз, соның бірі – *өткір пышақ*, екіншісі – *қайшы* (*Дүкертті* әперші, кездеме қыяйын (Алма.,Жам.), ал *дүкірт* варианты “мұрт басатын кішкене қайшы” мағынасында (Мұрт басуға бұл үйден *дүкірт* табылмас па екен? *Лөкет* – пышақ, үлкен пышақ (*Лөкетпен* ет турауға болмайды (Көкш., Еңб.) және *лөкет* – соқаның жүзі (Мына соқаның *лөкетін* таптатып алу керек екен (Қост.,Жан.) *Ләгөр пышақ* – үлкен пышақ (Орал, Жән.). Ә.Нұрмағамбетов сөздің архисемасын якут тілінің “ірі, үлкен, зор” мағынасындағы *ләңкә* сөзінен іздейді де, “өткір” мағына қозғалысының нәтижесі деп қарайды (Нұрмағамбетов, 1985, 30-31). Парсы тілінде *дәһрә* – кескіш, үлкен пышақ (Крат.перс.-рус.-азер.-сл., 1945). Диалектілердегі “өткір пышақ, соқаның жүзі, қайшы, кішкене қайшы” мағыналарына қарағанда, архисема “үлкен” ұғымы емес, “кесу, кескіш” мағынасы деген түсінік жақындау келеді.

Қамыр, нан жаятын құрал Түрікмен, Қарақалпақ қазақтарында – *астақта* (Кенжем, мынау үйдің *астақтасын* әкеле қойшы (Ашх.), Алматы облысында – *нан тақтай*, Таласта – *нан сүргіш* (Сіздің *нан сүргіш* Дүйсеннің үйінде (Тал.), ал оқтау Қостанайдың Жанкелдин ауданында – *нан ағаш* аталады. Нан жаюға қажет екі құрал Шелекте *оқтау-тақтай* қос сөзімен таңбаланған. Атаулардың қайсысында болса да, этимология айқын аңғарылып тұр, бірінші сыңар *ас*-тамақ және *нан*-шикі нан, қамыр, ал екінші сыңар *тақта*, *тақтай* жасалу затын білдіреді. Бұл қазақ этносының егіншілік мәдениетін меңгеру, астық өнімдерін пайдалану әдісін жетілдіргенен көрсетеді.

Жайдақ шам/ жайдақ шыра – батыс диалектісіне тән атаулар/ Дәлізге *жайдақ шыра* жағып қойы (Небид.). *Шам*, *шыра(қ)* түбірлері жалпыхалықтық тілде жеке қолданылады. *Шам* - үй мен өндірісті, көше бойындағы қараңғылықты сейілту үшін жағылатын жасанды жарық (ҚТТС, 10, 122-123), *май шам*, *білте шам*, *соқыр шам* – көне атаулар. *Шырақ* - бөлмені жарық етіп тұратын шырағдан, шам (ҚТТС, 10, 351). *Шам* және *шырақ* сөздері жарық беру мәнінде синонимдік қолданысқа сонымен қатар, *шырақ* сөзінің эксперссивті және этнографиялық (*шырақ жағу*- өлген әруақтарға арнап жағылатын шырағдан) мағынасы жалпыхалыққа тән. *Жайдақ*- тегіс келген жазық, жадағай, жайпақ. (*Жайдақ* арба, *жайдақ* етік, *жайдақ* жер т.б.) (ҚТТС, 3,524). Шамға қатысты алғанда оның мойынсыз, шілтерсіз, шынысыз түрін білдіреді.

б) **Көрпе-жастық, көрпе-төсек атаулары.** *Жорған/ жуырқан* - көрпе мағынасында қазақ диалектілерінің үлкен аймағын қамтиды. Сен өз *жорғаныңды* жамылып жат (Қост.. Об.). Біз далаға жатайық деп едік, екіден *жорған* тастапты (Түрікмен., Таш.). Далада *жорған* жамылмаса , жаурап қалулары мүмкін (Қарак.). Қонақ балаға *жуырқанның* қалыңын бер (Алм., Еңб.). Сөздің *жамылғыш* мағынасы В.В. Радлов (Радлов, III, 425), *йорған* – жамылғыш А.Боровков (Боровков, 162) еңбегінде кездеседі, осыған қарағанда, архисема “жамылу, орану” болуы мүмкін. Мұндай мағына түркі тілдерінің көпшілігінде бар: ұйғырдың тұрфан диалектісінде *йурге*-орау (Малов, УНС, 119), якут тілінде *сөре*-орау (Пекарский, II, 2307) *йөрге* – орау (Радлов,III,449,2044).

Ә.Қайдар “йор” сөзіне *-ге* жұрнағы жалғанып туынды етістік, одан зат есім тудырушы –к жұрнағы “жөргек” туынды зат есімін жасайтынын айтады (ҚТКЭС, 90). Осы деректер арқылы Ә.Нұрмағамбетов *жорған/жуырқан* сөздерінің этимологиясын “*йөр+ге > йорға+н > йорған > жорған* немесе *жуырқан*” деп түсіндіреді (Нұрмағамбетов, 1985, 48). Сонымен *жорған / жорыған/ жуырқанның* архисемасы – “орау, қымтау”, көне түркі сөзі, сондықтан түркі тілдерінің әдеби тілінде, диалектілерінде қолданылады. Хакас-*чорған*, тофалар-*чорһан*, теріден жасалған көрпе (Рясянен, 74, 197); ұйғырдың хотан турфан диалектілерінде – *йотқан* (Малов, УНС, 116,117); тува - *чоорган*, якут – *суорган* (Пекарский, II, 2348), қырғыздың әдеби тілі мен солтүстік сөйленісінде – *жуурқан* [2,45-б.].

Көрпе-төсек, көрпе-жастық тобында енді бір көңіл аударатын сөз – *көпшік*, жастық мағынасында, негізінен, батыс диалектінде қолданылады (*Көпшіктің* тысын ауыстыр (Ырғ.). Балаларға *көпшік* тасташы (Арал). М.Қашқари еңбегінен “*көп, күп*” түбірлі бірнеше сөзді келтіруге болады: *көпсүн*-көрпе, төсек (Қашқари,1,496), *көпшүк* – ердің үстіне жабатын көпшік (Қашқари. 1,538), бұл мысалда көрпе тәрізді жұмсақ жапқыш туралы айтылып тұрғаны аңғарылады, өйткені көрпені жабады немесе төсейді. Осы мағына Шу, Мерке аудандарында – *аткөпчик*, Шелекте – *аткөрпе* күрделі атауларымен беріледі. Сөз мағынасының пайда болуына әсер еткен *көп/күп* түбірлері білдірген “жұмсақ” мағынасы болу керек. М.Қашқари еңбегінде: “жұмсақ, мамық” *кевшек* аталады, *кевшек нең* - жұмсақ нәрсе, жұмсақ тон, соған ұқсас зат; *күвшек ет* – жұмсақ еті, *күвшек етмек* – жақсы қамырдан үлбіреп қабарған нан деген анықтама келтірілген (Қашқари, 1, 539). Деректер тек көрпе, жастық туралы емес, жалпы *жұмсақ* ұғымы туралы екені дәлелдеуді қажет етпейді, сонда көне түркілік *жұмсақ көрпе, жапқыш; жұмсақ ет, нан* мағынасын білдірген *көп/күп* түбірінің *жұмсақ* семасы құс мамығынан жасалған затқа атау болған. *Аткөрпе* мағынасында *көпчүк* қырғыз тілінде (Юдахин, 427), *кепчек* жастық мағынасында чуваш диалектінде (Сергеев, ДСЧЯ, 31) кездеседі. Жалпыхалықтық тілде *көп* түбірінен *көпсі, көпсік, көпсіт, көптір, көпшікте* т.б. сөздері тарап, тура және әр түрлі ауыспалы мағыналарда жұмсалады. *Көпсі*. 1) қопсыды, көтерілді; 2) быржиды, ісінді; 3) көпіршу; 4) бұрқырады, қожыды, борпылдады мағыналары *қамыр көпсіді, қар көпсіп, лай көпсіп, тары көпсіді, мақта көпсіді, шаң, топырақ көпсіді, денесі көпсу* т.б. сияқты бейнелі тіркестер жасайды (ҚТТС, 5, 182-183). Бұлардың бәрінде “жұмсақ” архисемасы сақталуымен қатар үлпілдеу, көпіршіп көтерілу, үлкею, ұлғаю, жеңілдену тәрізді семалар да қосылған. Халық арасында көрпе-жастық, киіз-текемет, жүннен жасалған бұйымдарды күнге жайып *көпсіту* ұғымы бар, яғни заттар күнге кеуіп, жұмсарып, көтеріліп, жанарады. Ендеше қазақ диалектілерінде айтылатын *көпшік, аткөпшік, аткөрпе* атауларының архисемасы – *көп/күп* түбірінен тарайтын “жұмсақ, мамық”, ол жүн, түбіт, құс мамығы ұғымдарынан шығады. Халықтың табиғи материалдың ерекшелігін, қасиетін ерте кезден-ақ білгені байқалады. Халықтың өткен өмірін, тіршілігін сипаттайтын сөздердің диалектілерде сақталуы халықтың мәдени өмірінің жергілікті сипатын танытумен қатар, ұлттық мәдениеттің тұтас бейнесін жасауға мүмкіндік береді. Қазақ тұрмысында шымылдың орны ерекше. Оралдың Қазталовка ауданында *Жаршай* – шымылдық (*Жаршай*ды үйдің қабырғасына жақын ұстайды (Қаз.). *Желтей* – шымылдың желбірі, желбіреуігі (Жамб., Тал.), Орынборда – *жалтылдақ*, екі лексеманың да түбірі бейнелік еліктеу сөздер: *желт, жалп*; жіңішке дауысты (желп) сөзге біршама нәзіктік семантикасын береді. *Қосаға* шымылдың жоғарғы әшекейлі бөлігі (Мына шымылдың *қосағасы* жақсы екен (Аб.). *Желтей, жалтылдақ, қосаға* шымылдың сәндік үшін жасалған бөлігі ғана емес, ол – киіз үй символикасымен ұштас ұғым. Шымылдық киіз үйдің оң жағына құрылады, оң-жақ киіз үйдің сакральді бөлігі, шымылдық - жастық, тазалық, адалдық, ұрпақ жалғастығы, өсіп-өну символы, қазақ ұлтына тән мәдени коннотация көрінісі. Ұлтқа тән мұндай белгілер жөнінде В.Н.Телия “... это в самом общем виде интерпретация деннотативного или образно мотивированного, квазиденнотативного аспектов значения в категориях культуры”, - дейді [3, 214-б.]. *Бақалақ* - шымылдың бау өткізетін балдағы, сырғасы (Шымылдың *бақалағы* жалпақ болса, қосымша көрік береді (Қост., Фед.). *Желтей, жалтылдақ* негізінен, шымылдың жоғарғы, бас жағына салынады, ал *бақай етек* – шымылдың етегі (Шымылдың *бақай етегі* кірлепті, күн жылынысымен жуып ал (Қост., Фед., Семоз.). Шымылдық құру үшін баған орнатылады, баған шымылдың құлатпай ұстап тұру үшін керек. *Бақан/ баған* – көшпелілер тұрмысында символдық мәні жоғары ұғым. Соның бірі – Н.Л.Жуковскаяның пікірінше, өмір мен өлім идеясымен байланысы, “... если юрта осмысляется в мифологии как модель вселенной, то багана – это мировая ось, соединяющая тоно(верх) и землю (низ), проходящая через прошлое – настоящее– будущее пространственно-временного континуума”, дейді [4,22-б.] монғол халқының дәстүрлі мәдениеті жайлы еңбегінде. Осы бақанға сүйеніп құрылатын шымылдық, оның жоғарғы жағы ұғымы (*желтей, жалтылдауық, қосаға*) мен төменгі етек жағының *бақай етек* халық санасында өзіндік таңбаға ие болуы – жер мен көк

(аспан), өмір (тіршілік) мен өлім арасындағы байланыстық, жалғастықтың символы. *Жастағаш/жастағыш/ жастықағаш* – түнде жастанып жататын, күндіз үстіне жүк жинап қоятын өрнек салған әшекейлі ағаш, жүкаяқ, тұрмыста бірнеше қызмет атқарады. Варианттардың бір-бірінен тұлғалық айырмашылығы бар: *жастық+ағаш* күрделі атауында сыңарлар дыбыстық формасын толық сақтаған, ал *жастағаш* тұлғасы ықшамдалуға ұшыраған, *жастағыш* – синтетикалық тәсіл арқылы жасалған сөз (*жаста(н)+ғыш*), диалектілік мағына Орал облысы, Қарақалпақ қазақтарында кездеседі, *жастықағаш* тұлғасы диалектаралық омоним құрайды. *Жүк, жүк жинау* ұғымында көшпелі тұрмысқа тән коннотация жинақталған, жүктің үстіне шықпайды, бақ кетеді, обал болады дейтін тыйым бар әрі жүктің үстіңгі жағына жастық жияды, қазақ жастықты баспайды, аттамайды. Ол да сол бақ-дәулет ұғымымен ұштас. Сонымен бірге шағын ғана мекенге тұрмысқа қажетті заттармен қоса көрпе-жастық бұйымдарын сыйғызып, ретпен әсем жинап қою үлкен талғамды танытады, қазақ тұрмысында төсек-орын күн көтерілгенше шашылып жатпайды, осының бәрі ұрпақ тәрбиесі, қыз тәрбиесінде маңызды, “қыздың жиған жүгіндей” дейтін сүйсіну мәнді ұлттық мәдени коннотациялы тіркестер *жастағаш/жастағыш / жастықағаш* тәрізді қарапайым тұрмыстық заттар арқылы туған.

1. Тұрышев А.Қ. *Мәшһүр Жүсіп шығармалары лексикасының этномәдени негіздері: Филол. ғыл. док. дисс. авторефераты.* – Алматы, 2005.

2. Бакинова Г.Б. *Лексика диалектов киргизского языка в ареальном освещении.* – Фрунзе: Илим, 1990.

3. Телия В.Н. *Русская фразеология. Семантический, прагматический аспекты.* – М.: Языки русской культуры, 1996.

4. Жуковская Л.Н. *Категории и символика традиционной культуры монголов.* – М.: Наука, 1988.

Резюме

В статье рассматриваются вопросы изучения материальной и духовной культуры на материале диалектной лексики казахского языка.

Summary

The article is about indetiganting the material and spiritual cuentare base on the dialectical lexics of Kazakh language.

ИМПЛИЦИТНОЕ ВЫРАЖЕНИЕ ГИПОТЕТИЧЕСКОЙ СЕМАНТИКИ
В ДРЕВНЕРУССКОМ ЯЗЫКЕ

Г.Р.Кадырова -

кандидат филологических наук, доцент КазНПУ имени Абая

В понятие языковой интерпретации смыслового содержания, наряду с другими компонентами А.В.Бондарко включает различие эксплицитного и имплицитного представления смыслового содержания [1, с.2]. По определению ученого, «эксплицитное содержание – явное, непосредственно выраженное тем или языковым средством, имплицитное содержание – специально не выраженное, а лишь подразумеваемое, вытекающее из эксплицитного содержания или из связанной с ним контекстуальной или ситуативной информацией» [1, с.3].

В настоящей статье анализируется имплицитно передаваемое содержание в древнерусском языке на примере гипотетической семантики. Материал для анализа извлекался из письменных памятников древнерусского языка XIV-XVI вв. путем сплошной выборки.

Как показывает проанализированный материал, предположительная семантика имплицитно выражается в сложноподчиненных предложениях с придаточными разных типов.

В наибольшей мере оттенок условно-предположительной семантики присутствует, по нашим наблюдениям, в придаточных времени. Так, союз *егда* в придаточной части, помимо темпоральной семы, соответствующей тождественной семе *тогда* главной части, может включать условно-предположительную сему, идентичную семе *аще*. Такое употребление обнаруживается в сложных конструкциях с временными отношениями предикативных частей, в которых компонент *тогда* в главной части является обязательным. Посредством использования союза *егда*, соотносительного слова *тогда* и глаголов в настоящем постоянном времени говорящий передает следствия, обычно имеющие место при определенных обстоятельствах: *егда по сотворении познание и раскаяние не имеет, тогда убо грех злейший бывает* [ПИГр, 60].

Примечательно, что Т.П. Ломтев трактует придаточные с союзом *егда* как придаточные условные. По мнению ученого, в древнерусском языке происходил процесс передвижения вопросительных предложений вопросительного модального плана с вопросительными наречиями *когда*, *когда бы*, *егда*, *как*, *как бы*, *кабы*, *коли* на позиции придаточных условия; « в связи с этим вопросительные наречия переосмысливаются в условные союзные слова» [2, 538].

Предположительный оттенок значения носят придаточные цели. Как известно, употребление частицы *бы* в препозиции к глаголу-сказуемому в форме перфекта и непосредственно после частицы *да* приводит к утрате частицей *бы* семантического оттенка желательности и формированию в древнерусском языке союза *дабы* с целевым значением. Синкретичными по значению являются придаточные части, включающие сочетание союза *да* со старыми формами сослагательного наклонения: *Молю тя да бых и аз приял святое крещение* [ППЦО, 143]. Особенно четко целевое значение передается графически, в случае слитного написания *дабы*, представляющего собой подчинительный союз с целевым значением: *И такоже подобает ти, дабы былъ еси слова чистаго и тихаго, а глас бы его тлъсть* [ТТ, 544]; *А про то же реку, дабы еси имъль мЪру и вагу дЪломъ своимъ а чествовал бы еси вси вЪтви закона своего* [ТТ, 544]; *Про то же посылай прироженцы земли тех, своей в далекии земли, дабы ти приносили поведание военное, и обычаи царский поистинне, и вЪдали бы вси притчи военны* [ТТ, 578].

Предположительность события может заключать в себе оттенок значения желательности как состояния субъекта действия. С этой целью говорящий использует в высказывании глагол в сослагательном наклонении. Высказывание представляет собой сложноподчиненное предложение, в главной части которого выражается желательность с оттенком условия, необходимо для ее осуществления, а в придаточной – цель, с которой необходимо данное действие. Особенность придаточной части состоит в том, что она представляет собой конструкцию переходного характера, включая компоненты *дабы*, *чтобы*, которые графически уже представляют собой союзы с целевым значением, а семантически – языковые элементы, посредством которых в большей степени передается значение условия, например: *и они бы меня восприяли..., дабы и попечаловался о мнѣ великому князю московскому, дабы и онъ простилъ во всем моемъ злѣ*

[Пов.ТВ, 62]; *Чтобы деи отчина моя посадники псковские и псковичи, только хотите еще въ старины прожить, и вы бы есте две воли мои изволили* [Пов. пск.вз., 368].

Переходный характер процесса десемантизации частицы *бы* и включения ее в состав союза проявляется в тех случаях, когда, наряду с придаточными частями, включающими союз *дабы*, в той же конструкции отмечаются предикативные части, в состав которых входят частица *да* и глагол сослагательного наклонения, например: *Александръ, да разумеи слово сие и помышляй и о сем, дабы еси уподоблялся сотворителю своему всеми вЪицьми своими, да был бы и справитель твой исполненъ духовными и свѣтскими* [ТТ, 558]; *Научи их приносити прошения своя на писанных листех, а присылали бы до тебе людьми, достойными дела сего* [ТТ, 576].

Приведенный иллюстративный материал показывает, что сема предполагаемого условия содержится в главной части конструкции, облигаторным компонентом которой является глагол в повелительном наклонении. Посредством данного глагола передается просьба, совет, требование, выполнение которых является условием для достижения цели. Предположительную семантику в рассматриваемых конструкциях можно выразить так (рисунок 1).

Рисунок 1 – Предположительная семантика в придаточных цели

Приведенные наблюдения представляются нам обоснованными в силу того, что в древнерусском языке спорадически отмечаются сложноподчиненные предложения с придаточной частью, включающей союз *да*, который передает условное значение: *Царь же... послав в Ростов по святого владыку и обща ему дары многы да исцелит (если исцелит) сына его* [ППЦО, 142].

В наших материалах отмечаются также случаи передачи говорящим возможных событий посредством сослагательного наклонения в составе сложных конструкций, в первой части которых изображается потенциально возможный мир с помощью формы будущего времени глагола. Вторая часть конструкции представляет собой косвенный совет, которому, с точки зрения говорящего, необходимо следовать в случае реализации события, излагаемого в первой части конструкции. Перлокутивный эффект достигается в данном случае посредством косвенного выражения как предполагаемого события. Так и побуждения к действию: *и што он учнет тебе от нас говорити, и ты б ему верил* [ПИГр, 264].

Предположительность события с оттенком уступительности может передаваться в сложноподчиненных предложениях с придаточной уступительной частью, в состав которой входит союз *хотя*. Предположительное значение изображаемого события выражается в данных предложениях посредством форм глагола в сослагательном наклонении в придаточной части, а уступительное – придаточной и главной частями, поскольку предполагаемые события, изложенные говорящим в придаточной части, наталкиваются на противоречивые события, изображаемые как будущие реальные в главной части. Таким образом, говорящий передает невозможность трансформации изображаемого виртуального события в реальное. Обобщенно семантику предположительного условия относительно рассматриваемых конструкций можно представить следующим образом (рисунок 2).

Важными языковыми средствами, участвующими в передаче уступительности, наряду с отмеченными выше, являются в данном случае противительные союзы *но*, *а* и противительная интонация: *Хотя бы его нужею выводили ис того дЪла, но преможетъ его искра превышная* [ТТ, 558]; *А хотя бы еси имЪль полны съкровища злата, а не будешь ли имЪти славы добрага от народа, то все ни за что* [ТТ, 546]; *Александръ... хотя бы еси принять много добра таимаго – не стоить за мало непорухомого* [ТТ, 552].

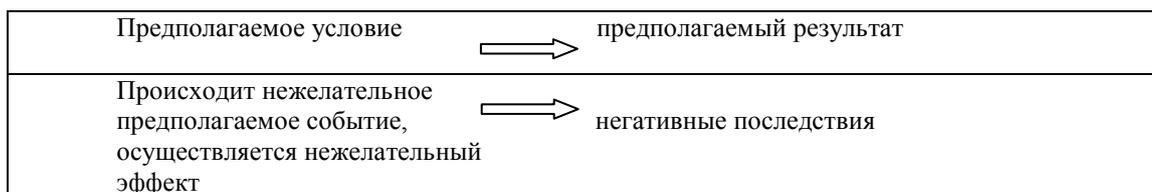

Рисунок 2 – Предположительная семантика в придаточных уступительных

Сослагательное наклонение глагола в сочетании с союзом *а*, расположенным в препозиции, может участвовать в выражении целевого значения придаточной части сложноподчиненного предложения. В этом случае придаточные части в составе с рассматриваемыми сочетаниями употребляются как однородные наряду с придаточными целевыми, включающими союз *дабы*. Союз *а* выражает противительные отношения между однородными придаточными частями и одновременно в сочетании с формой сослагательного наклонения глагола – целевое значение: *Истинная щедрость такоже, дабы оставлять захотѣннѣя неподобный, а не доискивал бы ся тайницѣ тщеславных, а не выкоривал бы, давѣ кому, яко же съ оружиемъ [ТТ, 540]; А был бы тот збыратель твой искусен в вецех, и богат, и не драчливѣ, дабы брал овощь, а не уломил бы вѣтки и не усушил бы кореня [ТТ, 570].*

В отдельных случаях отмечаются варианты построения, включающие тождественный по семантике союзу *дабы* союз *чтобы*: *...их королевские послы рада с нашими послы розговорные речи говаривали и многие приговоры дельвали, чтоб как на обе стороны любо было, а хрестьянская бы кровь невинная напрасно не проливалася, а меж бы государей мир и покой был... [ПИГр, 215].*

В придаточной изъяснительной части с целью изображения никогда не имевших места событий употребляется глагол-сказуемое в форме сослагательного наклонения, в которой компонент *бы* выполняет функцию изъяснительного союза, тождественного по семантике союзу *чтобы*. Использование подобных конструкций позволяет говорящему не только изобразить предполагаемые события, призвать слушающего их представить, но и дать им субъективно-негативную оценку: *А того при предках твоих николи не бывало, что послы идут, а они бы ратью шли... [ПИГр, 220].*

Предположительность в древнерусских сложноподчиненных предложениях достигается за счет использования семы *яко*, сочетающейся в придаточной сравнительной части с семой предполагаемого действия, которое передается посредством глагола-сказуемого в сослагательном наклонении. Как правило, данные конструкции включают модальное слово *убо*, позволяющее говорящему изложить предполагаемый вывод из определенной ситуации: *Подобно бы убо в лѣтѣ един тяжелный ярем носити сим, яко бы всяка тварь... единою лѣтом изнемогают линством [Соч. ЕЕ., 652].*

Как видим, в данном примере употреблена форма настоящего расширенного времени глагола, выражающая в сочетании с частицей *бы* значение сослагательного наклонения. Сравнение, которое описывается в придаточной части конструкции, дает возможность говорящему выразить предполагаемое представление, не являющееся алогичным, уподобляя его излагаемой в главной части реалии. Такие сравнения могут носить обобщающий характер. При этом в качестве глагола-сказуемого используются формы настоящего-будущего расширенного времени глагола: *Яко же убо еже о класе тѣло от сѣмене прозябает, божественѣй силѣ от самого онога се любохитрѣствующи и ни же всѣми тоже есть сѣмени [РДП, 144]; но яко же в класѣ нѣкыи, к нетлѣнию преставляет [РДП, 144].*

Особенность описываемых конструкций состоит в том, что в них реализуется предположительная семантика, передающая то, что может иметь место в действительности. Слушающему же необходимо лишь представить, что то, о чем говорится в придаточной сравнительной части, имеет место. Тогда можно представить как реальный и тот факт или событие, которые излагаются в главной части. О справедливости такого утверждения свидетельствуют отдельные конструкции, отмечаемые в памятниках, которые содержат в придаточной части глагол-сказуемое в прошедшем времени. Это позволяет говорить о сравнимых фактах или событиях как о имевших место в прошлом: *Яко же Авенир на подружие посягну господина своего, тако же убо и ты... равно тому нечестию, беснуяся, сотворяеши [ПИГр, 17].*

Спорадически в исследуемых материалах отмечается сравнительный союз: *Размышляя, аки древний Аврам [ППЦО, 143].*

Понятно, что ведущей семой союза *яко* (аки) является сравнение. И лишь возможный мир, заключенный в сравнении, позволяет квалифицировать ее в определенной степени как гипотетическую сему, что схематически можно изобразить так (рисунок 3).

Предполагаемое условие	⇒	предполагаемый результат
Некоторый факт, событие бывает	⇒	уподобляется другому факту

событию, которые бывают

Рисунок 3 – Предположительная семантика в придаточных сравнения

Сказанное обуславливает то обстоятельство, что описываемые конструкции составляют лишь самую периферию ФСП гипотетичности.

Спорадически в наших материалах отмечается сема *кабы (как бы)*, тождественная по значению семе *яко*, например: *А он пришел кабы некоторой государь [ПИГр, 190]; мы тебя в дальноконья грады, кабы опаляючися, посылали... [ПИГр, 211].*

Союз как в сочетании с глаголом в сослагательном наклонении в составе придаточной части образа действия участвует в древнерусском языке в выражении предположительно-желательного значения. Передача семы предположительности достигается за счет сочетания союза *как* с частицей, употребляемой по отношению к союзу в непосредственной постпозиции. В главной части конструкции желаемое действие, как правило, изображается вне отнесенности к определенному субъекту, а лишь называется.

Функцию называния действия выполняет в этом случае форма инфинитива глагола, а предположительный его характер передается посредством сочетания этой формы с частицей *бы*: *а нам бы миритися межси себя так, как бы дело доброе непорушне утверждалося на добро хрестьянское, а межси нас бы приязнь множилася [ПИГр, 214].* В тождественных по значению конструкциях наблюдается личностное изображение желательного действия. В этом случае используются личные формы глаголов-сказуемых: *Мы ищем того, как бы кровь крестьянская уняти [ПИГр, 223].*

Таким образом, проанализированный материал свидетельствует о разнообразии языковых средств воплощения гипотетической семантики уже в период развития русского языка XIV-XVI вв. Это достигается благодаря заложенным в придаточных предложениях периферийных семах гипотетичности, имплицитующимся в контекстных условиях.

1. Теория функциональной грамматики. Введение. Аспектуальность. Временная локализованность. Таксис. – Л.: Наука, 1987. – 348 с.

2. Ломтев Т.П. Очерки по историческому синтаксису русского языка. – М.: Изд-во МГУ, 1956. – 596 с.

Список проанализированных памятников и их условные сокращения

1. ПИГр – «Послания Ивана Грозного. – Погодинский список. – М.-Л.: АН СССР, 1951. - 715 с.

2. ППЦО – Повесть о Петре, царевиче Ордынском // Древнерусские предания (XI-XVI вв.). – М.: Советская Россия, 1982. – С. 142-150.

3. ТТ – Тайная Тайных // Памятники литературы Древней Руси: Конец XV – первая половина XVI века. – М.: Художественная литература, 1984. – С. 534-590.

4. Пов. ТВ – Повесть о Тимофее Владимирском // Памятники литературы Древней Руси: Конец XV – первая половина XVI века. – М.: Художественная литература, 1984. – С. 58-66.

5. Пов. о пск. вз. – Повесть о Псковском взятии // Памятники литературы Древней Руси: Конец XV – первая половина XVI века. – М.: Художественная литература, 1984. – С. 364-374.

6. Соч. ЕЕ – Сочинения Ермолая Еразма // Памятники литературы Древней Руси: Конец XV – первая половина XVI века. – М.: Художественная литература, 1984. – С. 626-662.

7. РДП – Разговор Души и Плоти // Памятники литературы Древней Руси: Конец XV – первая половина XVI века. – М.: Художественная литература, 1984. – С. 68-150.

8. ФСП – функционально-семантическое поле

Түйін

Мақалада ежелгі орыс тілдегі жорамалданған семантиканың имплицитті түрі қарастырылған.

Summary

The article is devoted to the implicit expression of hypothetical meanings in the Old Russian language.

УДК 801.3

АНТРОПОНИМИКА В СТРУКТУРЕ ФРАЗЕОЛОГИЗМА

Б.Ж. Джумамухамбетова -
Атырауский институт нефти и газа

Антропонимика (гр. *anthrohos* человек + гр. *онопа онопа* имя) – 1) раздел ономастиологии, изучающий собственные имена людей, 2) совокупность собственных имен людей в данном языке.

Изучение фразеологизмов с компонентом-антропонимом дает возможность рассматривать связь языка и культуры в двух аспектах: во-первых, с точки зрения познания культуры и традиции носителя русского языка, во-вторых, с позиции углубления своих познаний в области культуры других народов средствами русского языка.

Объектом нашего исследования являются имена собственные русских художественных текстов. В лингвистике существует такое понимание, как прецедентные онимы / имена – индивидуальные имена, связанные или «с широко известным текстом или с ситуацией, выступающей как прецедентная» /1/.

Имя собственное – один из важных источников метафоризации речи, отражается глобальная лингвистическая закономерность. С точки зрения правил языковой системы, единица ономастики предназначена выражать одно значение – прямое, равное образу референта, то есть ономастикон – это совокупность однозначных слов. Определенный процент однозначных слов принципиально необходим для оптимального функционирования языка, иначе говоря, полисемия в рамках одного слова имеет пределы развития и необходим «запасной банк смыслов».

Ономастика – это своеобразный банк мотивирующих лексем для узуальных метафорических дериватов, одни из которых отражены в академических толковых словарях: альфонс, гамлет, гарпагон, донжуан, донкихот, держиморда, дульцинея, золушка, иудушка, казанова, квазимодо, ловелас, манилов, молчалин, ноздрев, обломов, отелло, печорин, робинзон, скалозуб, тартюф, хлестаков, чичиков и т.п., другие фиксируются различными авторскими словарями: гуливер, мюнхгаузен, базаров, джеймс бонд, калибан, маугли, собакевич, скотинин, тартарен, фамусов, чайльд-гарольд, шерлокхолмс, шехерезада, карлсон, лолита, Луис Альберто, Илья Муромец, Кабаниха, Василий Теркин, Тарас Бульба.

Свойство прецедентных имен собственных особенно важно в риторическом обеспечении публицистики, призванной не просто сообщить читателю о чем-то, но и зарядить его эмоционально, сформировать общественное мнение. Интересна версия образования фразеологизма *поручик Голицын*. Этот фразеологизм непосредственно связан с переоценкой ценностей в идеологической жизни страны, когда поручик Голицын, персонаж популярной песни М.Звездинского, стал трагическим символом русского офицера, волей судьбы оказавшегося в белой гвардии и вынужденного либо покинуть родину, либо погибнуть в бою: «Четвертые сутки пылает станица, /Горит под ногами сырая земля. /Не падайте духом, поручик Голицын, /Корнет Оболенский, седлайте коня».

Так, текст трагедии В.Шекспира *«Гамлет»* (1601), где главному герою является тень его убитого отца, послужил дискурсивной основой шутивому фразеологизму тень отца Гамлета – ‘о человеке, похудевшем, побледневшем после болезни или тяжелых переживаний’.

У русского имени Иван в разных частях света множество родственников (ср. английский Джон, французский Жан, итальянский Джованни, немецкий Йоханнес, шведский Юхан, испанский Хуан и др.), что также нашло отражение в русской фразеологии: например, *Джон Буль* – ‘шутивное прозвище англичанина или наименование Англии’. Джон в Англии – самое распространенное имя, как Иван в России. Буль означает «бык». В начале XVIII в. английский сатирик Дж. Арбетнот назвал Джоном Булем одного из действующих лиц ряда своих обличительных памфлетов. Вскоре имя стало собирательным прозвищем типичного среднего английского буржуа – ‘состоятельного, крепкого физически, но ограниченного, упрямого человека’, а также стало ироническим названием Англии /2/.

Рассмотрим несколько метафорических контекстов с русским именем *Хлестаков*: ‘безудержный хвастун, лгунишка, легкомысленный, пустой человек, беспримерно склонен к самообольщению’ – недаром литературная критика со времен В.Г. Белинского трактует образ Хлестакова как воплощение типичных чиновничьих пороков николаевской эпохи. С другой стороны, он как чиновник абсолютно нетипичен: не выстраивает интриг, не продумывает свое враньё, он врет по вдохновению, а это уже сочинительство, почти творчество. Именно вследствие этой нетипичности он и не был разгадан чиновниками и даже городничим, который «мошенника

над мошенниками обманывал». Хлестаков – «маленький человек», который хочет быть большим и верит, что все решает случай.

Закономерность социальной, общественной типизации русского имени **Иван** проявляется в народном ироническом фразеологизме. Например: шутливое каламбурное выражение возникло на основе народного оборота продавать шаты (шатни), которое, по определению В.И.Даля, обозначает повесничать, слоняясь. В современных говорах Нижегородской области записано выражение, образованное персонификацией глагольного корня шататься, превращением его в фамилию Шаталов с типичным русским именем Иван, где социальная оценка переросла в оценку качеств человека: работать в бригаде **Ваньки Шаталова** – бездельничать, не принимать участие в общественно-полезном труде /3/.

Антропонимы в структуре фразеологизма способны становиться нарицательными названиями предметов и лиц по каким-то признакам. Однако фразеологизмов с компонентом нарицательным существительным, которое восходит к личному имени, не так уж много, например: фразеологизм **валять ваньку** – 1. Поступать не так, как следует, делать глупости. 2. Шутить, дурачиться, притворяться глупым. 3. Обманывать кого-л., хитрить. 4. Оттягивать, тянуть время. 5. Праздно проводить время, бездельничать. Например: 1. «Сорок градусов мороза – это значит в школу не идти. Это значит весь день можно ваньку валять, делать чего хочешь. Фразеологизм ваньку валять реализует в данном примере значение «бездельничать». 2. «...А если будешь со мной ваньку валять, то я тебе гарантирую шесть лет как минимум». Здесь фразеологизм ваньку валять реализует значение «обманывать, хитрить» /4/.

Таким образом, в основании символа, который лежит в основе образования фразеологизма, может находиться инвариантный образ онима. Фразеологическое воплощение этого инвариантного образа в языке и речи связано с его символической интерпретацией, определенной культурными смыслами. Данный символ, с одной стороны, определяется семантикой личного имени в структуре фразеологизма, а с другой – сам обуславливает фразеологическую семантику.

Символика фразеологизмов с компонентом – антропонимом связана с лингвокультурологическим понятием ключевых слов – уникальных для русской культуры ономастических единиц, способных аккумулировать национально-культурную информацию и функционировать как свернутые диахронические национально-культурные тексты.

1. Гудков Д.Б. *Прецедентное имя и проблемы прецедентности.* - М.: ИТДГК «Гнозис», 1997 - С.7.
2. Отин Е.С. *Словарь коннотативных собственных имен.* - Донецк, 2004. - С. 119-207.
3. Караулов Ю.Н. *Русский язык и языковая личность.* - М., 1987. - С.216.
4. Костомаров В.Г. *Прецедентный текст как редуцированный дискурс. Язык как творчество.* - М., 1996. - С.76.

Түйін

Мақалада мәдени біліктіліктің орыс фразеологизмінің ономастикалық компоненттерінің қалыптасуы мен дамуы жөнінде мәселе қаралады.

Summary

This article deals with the question of formation and development of cultural competence in the process of studying Russian idioms with proper name components.

О СПОСОБАХ ВЫРАЖЕНИЯ СЕМАНТИКИ ИНХОАТИВНОСТИ В АНГЛИЙСКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ

Н.В.Курганова -

аспирант кафедры теории и практики английского языка и межкультурной коммуникации
Кыргызско-Российского Славянского университета,
г.Бишкек, Кыргызстан. Тел. 43-44-12, E-mail: linguatmk@mail.ru

Инхоативные глаголы относятся к начинательному способу глагольного действия, который принадлежит к числу наиболее продуктивных в русском языке; он регулярно образуется от обозначений ситуаций, не имеющих ни начальной, ни конечной фазы, например: *зашуметь, зазвенеть, замякуть, забормотать, зашептать, заволноваться, засомневаться, закапризничать, заважничать; заходить (по комнате), забегать, заплясать, задышать* и т. п. [1].

Инхоативный СГД образуется от непереходных глаголов несов. вида с неопределенным значением основ [2, 597]. Значение инхоативности характеризует начало какого-либо действия: *заговорить, заулыбаться, закричать* и т.д.

Инхоативные глаголы образуются приставочным способом, путем присоединения префикса *за-* к основе глагола несовершенного вида, что характеризует данную категорию как словообразовательную.

Одной из главных проблем в английском языке является вопрос о наличии категории СГД как таковой. Видовременные формы глагола образуются чаще всего аналитическим способом с добавлением соответствующих суффиксов, реже – при помощи изменения основы слова.

Рассмотрим на следующих примерах, как может выражаться семантика инхоативности в обоих языках. Одним из лексико-грамматических средств является использование составного сказуемого, где вспомогательный глагол передает значение начала действия, смысловой же глагол может встречаться как в форме инфинитива,

В это время в другой комнате, вероятно упавши, закричал ребенок; Дарья Александровна прислушалась, и лицо ее вдруг смягчилось[3].

At that moment in the next room a child began to cry; probably it had fallen down. Darya Alexandrovna listened, and her face suddenly softened[4], так и причастия:

И Корсунский завальсировал, умеряя шаг, прямо на толпу в левом углу зала, приговаривая: "Pardon, mesdames, pardon, pardon, mesdames" ...[3].

And Korsunsky began waltzing with measured steps straight towards the group in the left corner, continually saying, "Pardon, mesdames, pardon, pardon, mesdames" ...[4].

Использование причастий является одним из основных способов передачи инхоативности: *Она положила, согнувши, левую руку на его плечо, и маленькие ножки в розовых башмаках быстро, легко и мерно задвигались в такт музыки по скользкому паркету* [3].

Bending her left hand, she laid it on his shoulder, and her little feet in their pink slippers began swiftly, lightly, and rhythmically moving over the slippery floor in time to the music [4].

Еще пример:

И опять Гриша подсунул голову под ее руку и прислонился головой к ее платью и засиял гордостью и счастьем [3].

And again Grisha poked his little face under her arm, and nestled with his head on her gown, beaming with pride and happiness [4].

Следует помнить о том, что категория СГД тесно связана с категорией вида и не менее тесно с категорией времени. Форма глаголов инхоативного СГД выражена прошедшим временем, в английском языке используется форма прошедшего времени Past Simple:

"Да, он счастлив и доволен!- подумала она, – а я?! И эта доброта противная, за которую все так любят его и хвалят; я ненавижу эту его доброту", – подумала она. Рот ее сжался, мускул щеки затрясся на правой стороне бледного, нервного лица [3].

"Yes, he is happy and content!" she thought; "while I... And that disgusting good nature, which every one likes him for and praises – I hate that good nature of his," she thought. Her mouth stiffened, the muscles of the cheek contracted on the right side of her pale, nervous face [4].

В данном примере семантику инхоативности передает контекст. Последовательность действий, описанных в ситуации, характеризует начало действия *затрясся (contracted)*.

Другой пример:

Да, Алабин давал обед на стеклянных столах, да, - и столы пели: *Il mio tesoro, и не Il mio tesoro, а что-то лучше, и какие-то маленькие графинчики, и они же женщины*", – вспоминал он. Глаза Степана Аркадьича весело заблестели, и он задумался, улыбаясь [3].

Yes, Alabin was giving a dinner on glass tables, and the tables sang, Il mio Tesoro – not Il miotesoro though, but something better, and there were some sort of little decanters on the table, and they were women, too," he remembered. Stepan Arkadyevitch's eyes twinkled gaily, and he pondered with a smile [4].

В данном примере, как и в предыдущем, без предшествующего контекста невозможно передать инхоативность, и предложения можно было бы перевести как: *Глаза Степана Аркадьевича блестели, и он размышлял.*

Рассмотрим еще несколько примеров, как может выражаться форма *заблестели* в английском языке с использованием контекстуальных средств.

В то время как он подходил к ней, красивые глаза его особенно нежно заблестели, и с чуть заметною счастливою и скромно-торжествующею улыбкой (так показалось Левину), почтительно и осторожно наклонясь над нею, он протянул ей свою небольшую, но широкую руку [3].

As he approached her, his beautiful eyes shone with a specially tender light, and with a faint, happy, and modestly triumphant smile (so it seemed to Levin), bowing carefully and respectfully over her, he held out his small broad hand to her [4].

Степан Аркадьич, знавший уже давно, что Левин был влюблен в его свояченицу Кити, чуть заметно улыбнулся, и глаза его весело заблестели [3].

Stepan Arkadyevitch, who had long known that Levin was in love with his sister-in-law, Kitty, gave a hardly perceptible smile, and his eyes sparkled merrily [4].

Обратим внимание на достаточно разнообразное использование лексических средств: глаголы *twinkle, shine, sparkle*.

Возможности выражения семантики инхоативности различными способами можно увидеть при анализе перевода одних и тех же глаголов, встречающихся в разном контексте. Рассмотрим примеры с глаголом *задуматься*.

Окончив газету, вторую чашку кофе и калач с маслом, он встал, стряхнул крошки калача с жилета и, расправив широкую грудь, радостно улыбнулся, не оттого, чтоб у него на душе было что-нибудь особенно приятное, – радостную улыбку вызвало хорошее пищеварение.

Но эта радостная улыбка сейчас же напомнила ему все, и он задумался [3].

Having finished the paper, a second cup of coffee and a roll and butter, he got up, shaking the crumbs of the roll off his waistcoat; and, squaring his broad chest, he smiled joyously: not because there was anything particularly agreeable in his mind – the joyous smile was evoked by a good digestion.

But this joyous smile at once recalled everything to him, and he grew thoughtful [4].

В данном примере используются лексико-грамматические средства, а именно сочетание глагола с именной частью, в нашем случае прилагательным, которое и передает значение *задуматься*. Употребление такого рода средств довольно часто встречается в английском языке. Еще пример.

Степан Аркадьич задумался [3].

Stepan Arkadyevitch became thoughtful [4].

Рассмотрим следующие два примера с глаголом *ponder*, который можно перевести на русский язык как *размышлять*, т. е. изначально сема начинательности отсутствует, хотя этот глагол довольно часто используется при интерпретации семантики глагола *задуматься*.

Облонский как будто задумался [3].

Oblonsky seemed to ponder [4].

В приведенном выше примере русский вариант отражает значение *размышлять*. Следующий пример.

Увидав уходившую Кити и мать, встречавшую ее на ступеньках, Левин, раскрасневшийся после быстрого движения, остановился и задумался [3].

Catching sight of Kitty going away, and her mother meeting her at the steps, Levin, flushed from his rapid exercise, stood still and pondered a minute [4].

В данном примере прослеживается тесная взаимосвязь всех глаголов, которые являются однородными сказуемыми, выражение последнего *задуматься* невозможно без использования обстоятельства времени *pondered a minute*, что продиктовано условиями контекста. Другой пример:

"Ну так что ж? Ну и ничего. Мне хорошо, и ей хорошо".. И он задумался о том, где ему окончить нынешний вечер [3].

"Well, what then? Oh, nothing. It's good for me, and good for her." And he began wondering where to finish the evening [4].

Мы вновь сталкиваемся с использованием составного сказуемого при передаче семантики инхоативности. Глагол *задуматься* передает значение заинтересованности: *задумался о том, где ему окончить нынешний вечер*, и в данном случае перевод отражает это значение составным сказуемым *began wondering*, что было бы невозможным с использованием глагола *think*. Кроме того выбор герундия *wondering* подчеркивает длительность действия, его протяженность в определенный период времени.

При передаче семантики инхоативности возможно и употребление фразеологических оборотов:

Николай дернул шеей и задумался [3].

Nikolay jerked his neck, and sank into thought [4].

Таким образом мы видим, что в зависимости от контекста семантика начинательности одного и того же глагола может быть передана различными средствами, чаще всего лексико-грамматическими.

Рассмотрим следующие примеры с глаголом *закричать*.

– *Уйдите, уйдите отсюда!* – закричала она еще пронзительнее, – *и не говорите мне про ваши увлечения, про ваши мерзости!* [3].

Go away, go out of the room!" she shrieked still more shrilly, "and don't talk to me of your passion and your loathsomeness." [4].

Использование глагола *shriek* обусловлено контекстом. Сам по себе он может быть переведен на русский язык и просто как *кричать*. Однако в рассматриваемом нами примере действия происходят последовательно, прямая речь разрывается словами автора – *закричала* – что и указывает на начало действия. Аналогичный пример:

– *Вы мне гадки, отвратительны!* – закричала она, горячася все более и более. – *Ваши слезы – вода! Вы никогда не любили меня; в вас нет ни сердца, ни благородства! Вы мне мерзки, гадки, чужой, да, чужой!* – *с болью и злобой произнесла она это ужасное для себя слово чужой* [3].

"You are loathsome to me, repulsive!" she shrieked, getting more and more heated. "Your tears mean nothing! You have never loved me; you have neither heart nor honorable feeling! You are hateful to me, disgusting, a stranger--yes, a complete stranger!" With pain and wrath she uttered the word so terrible to herself – stranger [4].

Использование глагола *shout* (кричать) также во взаимосвязи с прямой речью выражает семантику начинательности.

Николай Щербатский, двоюродный брат Кити, в коротенькой жакетке и узких панталонах, сидел с коньками на ногах на скамейке и, увидав Левина, закричал ему: – А, первый русский конькобежец! Давно ли? Отличный лед, надевайте же коньки [3].

Nikolay Shtcherbatsky, Kitty's cousin, in a short jacket and tight trousers, was sitting on a garden seat with his skates on. Seeing Levin, he shouted to him: "Ah, the first skater in Russia! Been here long? First-rate ice--do put your skates on." [4].

Рассмотрим примеры с глаголом *заговорить*:

– *Длинная история. Я расскажу когда-нибудь*, – *сказал Левин, но сейчас же стал рассказывать*. – *Ну, коротко сказать, я убедился, что никакой земской деятельности нет и быть не может*, – заговорил он, *как будто кто-то сейчас обидел его*, – *с одной стороны, игрушки, играют в парламент, а я ни достаточно молод, ни достаточно стар, чтобы забавляться игрушками; а с другой (он заикнулся) стороны, это – средство для уездной coterie наживать деньжонки* [3].

"It's a long story. I will tell you some time," said Levin, but he began telling him at once. "Well, to put it shortly, I was convinced that nothing was really done by the district councils, or ever could be," he began, as though some one had just insulted him. "On one side it's a plaything; they play at being a parliament, and I'm neither young enough nor old enough to find amusement in playthings; and on the other side" (he stammered) "it's a means for the coterie of the district to make money [4].

Использование при переводе глагола *begin* определяется контекстом, т.е. речь идет о том, что автор начинает рассуждать о волнующей его проблеме.

Наиболее частым переводом глагола *заговорить* является конструкция *begin + talking/speaking*, где *begin* передает сему начинательности, а герундий является носителем основного смыслового значения.

Левин вздохнул. Он вспомнил о брате Николае, и ему стало совестно и больно, и он нахмурился; но Облонский заговорил о таком предмете, который тот час же отвлек его [3].

Levin sighed. He remembered his brother Nikolay, and felt ashamed and sore, and he scowled; but Oblonsky began speaking of a subject which at once drew his attention [4].

Еще пример.

Вронский посмотрел с удивлением на князя своими твердыми глазами и, чуть улыбнувшись, тотчас же заговорил с графиней Нордстон о предстоящем на будущей неделе большом бале [3].

Vronsky looked wonderingly at the prince with his resolute eyes, and, with a faint smile, began immediately talking to Countess Nordston of the great ball that was to come off next week [4].

Другой пример.

Но заметив, что лицо Кити только выражением отчаяния и удивления ответило на ее улыбку, она отвернулась от нее и весело заговорила с другою дамой [3].

But, noticing that Kitty only responded to her smile by a look of despair and amazement, she turned away from her, and began gaily talking to the other lady [4].

Рассмотрев приведенные выше случаи употребления семантики инхоативности, мы можем сделать вывод о том, что наиболее часто при передаче данной семантики с русского языка на английский используются лексико-грамматические средства, грамматический компонент которых, как и сему начинательности, передают глаголы *to begin, to start*. Употребление лексических средств возможно при очень тесной взаимосвязи с контекстуальными средствами как в случае с глаголами *to ponder, to shriek, to shout*. Еще одним способом является использование фразеологических оборотов.

1. Зализняк А.А., Шмелев А.Д. Введение в русскую аспектологию. М., 2000// <http://www.krugosvet.ru/articles/77/1007730/1007730a1.htm> [10.09.08; 09:00].

2. Русская грамматика под ред. Шведовой Н. Ю. Т 1. – М.: Наука, 1980.

3. Толстой Л.Н. Анна Каренинина//http://public-library.narod.ru/Tolstoy_Lev/annak.html [20.08.08; 14:50].

4. Tolstoy, Leo. Anna Karenina//<http://www.readprint.com/work-1431/Leo-Tolstoy> [20.08.08; 14:50].

Түйін

Мақалада орыс тіліндегі етістік әрекетінің бастамашылдық тәсілі қарастырылған. Ағымның тіліндегі ЕӨБ тәсілінің семантикасын талдау келтірілген.

Summary

The article regards the inchoative verbal mode in the Russian language and ways of its semantics representation in English.

УДК 801.3
ОСОБЕННОСТИ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ С КОМПОНЕНТОМ-ТОПОНИМОМ

Б.Ж. Джумамухамбетова -
Атырауский институт нефти и газа

Топонимика, топонимия [гр. *topos* место, местность + *онома*, *опута* имя] – 1) раздел ономазиологии, посвященный изучению географических названий; 2) совокупность графических названий какой-либо определенной территории (Словарь иностранных слов).

Степень активности топонимов в образовании фразеологизмов определяется достаточно представительной группой фразеологических единиц с компонентом-топонимом, например: **было дело под Полтавой** – ‘шутл. Так говорят шутливо или с похвалой, рассказывая о каком-либо происшествии’; **быть в Риме и не видеть Папы** – ‘книжн. Не видеть самого главного где-л., в чем-л.’; **в Багдаде все спокойно** – ‘ирон. О кажущемся спокойствии’; **в Греции все есть** – ‘шутл.-ирон. 1. У нас имеется все (особенно в случаях, когда появляется особая необходимость в чем-л., что есть у говорящего). 2. О человеке, хвастливо претендующем на то, что у него есть все’; **в Европу прорубить окно** – ‘книжн. Установить деловые и культурные связи с европейскими странами’; **в Моздок я больше не езду!** – ‘шутл. Куда-либо больше я ни за что не поеду! (говорится как категорический отказ ехать куда-либо или исполнять что-либо)’; **вниз по матушке по Волге** – ‘прост. 1. Грубо обругать кого-либо, пытаясь отделаться (с глаг. послать). 2. Куда-нибудь подальше (отправлять что-либо, кого-либо, отправиться)’; **как швед под Полтавой [погиб, пропал, сгинул]** – ‘шутл. Попасть в безвыходное положение’ и многие др.

В приведенных выше примерах образный компонент, не совпадая с понятийным ядром, выражен весьма рельефно. Функционально-стилевая маркированность фразеологизмов с компонентом-топонимом поддерживает высокую интенсивность эмоционального проявления оценочного компонента, и данный компонент является дифференциальным значимым в семантической структуре фразеологического значения. Специфика образа находит отражение в самом именовании. Языковой образ как продукт наглядного обобщения и отбора культурно значимых событий и ситуаций особенно важен «для понимания дискурсивной идиоматики: образы отдельных выражений, соприкоснувшись с другими образами дискурса, тут же сливаются в единую целостную и модально окрашенную картину, требующую ассоциативно-вербального воплощения в лаконичном сочетании ключевых для данного дискурса слов-концептов» /1/. Фразеологизмы с компонентом-топонимом могут служить яркой иллюстрацией в подтверждение этой мысли. К примеру, фразеологизм **аркадская идиллия** – ‘книжн., часто ирон. Беспечное, ничем не омраченное существование’. В Древней Греции Аркадией называлась внутренняя область полуострова Пелопоннес – греческое захолустье. Населяли ее пастухи и земледельцы, славившиеся чистотой нравов и гостеприимством. В литературе Аркадия изображалась как счастливая страна, где люди живут безмятежной, беззаботной жизнью. Фразеологизм **афинские вечера (ночи)** – ‘книжн. неодобр. Об оргиях пресыщенных светских людей’ – связан с религиозными культами Деметры и Диониса в Древней Греции. Празднества в их честь проходили в Афинах и других городах по вечерам и затягивались до утра. Постепенно они приняли характер оргий и во II в. до н.э. были запрещены.

Ценностно-смысловое содержание русской идиоматики невозможно без обращения к дискурсивному мышлению человека, которое может осуществляться только посредством сложнейшего механизма взаимодействия языка и речи. Семантическое содержание свободного словосочетания, с которым генетически связан процесс образования фразеологизма, формулируется в процессе структурирования совокупности определенных знаний. Эти знания охватывают любые формы постижения мира, которые начинаются с первых контактов человека с окружающей его средой. Ср. некоторые фразеологизмы библейского происхождения: **египетская тьма** – ‘книжн. неодобр. 1. Беспросветная, устрашающая тьма. 2. Духовная темнота, невежество’ – восходит к библейскому выражению *египетская тьма* (густая тьма, продолжавшаяся три дня) – одна из десяти казней, которыми Бог поразил египтян, чтобы заставить фараона отпустить евреев из Египта. Фразеологизм **идти/пойти на голгофу** – ‘книжн. высок. Следовать путем мучений, страданий (обычно – за справедливое, правое дело)’ – связан с конкретным географическим названием: *Голгофа* – холм в окрестностях Иерусалима, где, по евангельскому мифу, был распят на кресте Иисус Христос. Фразеологизм **иерихонская труба** – ‘книжн. часто ирон. Громкий, трубный голос’ – восходит к библейскому мифу, согласно которому евреи на своем пути из египетского плена в Палестину должны были взять город *Иерихон*, стены которого были так

прочны, что разрушить их не было возможности. Однако от звука священных труб иерихонские стены рухнули сами собой, и благодаря этому чуду город был взят евреями.

Обозначая мир, человек описывал его, в процессе чего рождались новые смыслы. Объективация таких смыслов в языке является результатом аргументации языковой, следствием **дискурсивного** деятельности человека, о которой можно говорить как о деятельности речемыслительной, да еще и осуществляемой в совершенно определенных исторических, культурологических и особых прагматических условиях» /2/. Ср. фразеологизм **язык до Киева доведет** хранит народную память о Киеве как «матери городов русских», древнем центре восточных славян. Русские летописи упоминают о нем с 860 года. После принятия христианства в 988 г. Киев становится и центром духовной жизни, местом, где развиваются книгописание, иконопись, архитектура. Киев был настолько известен, что, по выражению, достаточно было спросить любого встречного, чтобы он указал к нему дорогу. Поэтому сейчас употребляют этот фразеологизм, реализуя значение: 'Распрашивая, можно все найти и узнать. Так говорят, когда не знают адрес или не могут найти кого-либо, но уверены, что, спрашивая у встречных, это можно сделать. Используется, когда хотят ободрить кого-либо, поощрить к началу трудного пути, свершению действия'.

Общение коммуникантов в различных социальных группах генерировало появление фразеологизмов. Так, если проанализировать значение фразеологизма **казанская сирота**, то можно прийти к выводу, что ироническая, пренебрежительная оценка людей, называемых казанской сиротой, не является характеристикой, основанной на индивидуальном отношении к объекту номинации. Такая объективация чувств содержится в семантической структуре фразеологического значения, ядро которого содержит коннотативные семы «плут», «хитрец» и т.п., выражающие негативную оценку, – оказывается устойчивой и общепринятой. Фразеологизм **казанская сирота** напоминает о взятии войсками Ивана Грозного столицы Казанского ханства в октябре 1552 года. Татарские князья-мурзы, стремились приспособиться к новой власти, переходили в христианство и слали царю челобитные, в которых именовали себя «сиротами», жалуясь на свою якобы горькую участь. «Народ это самоуничтожительное наименование превратил во фразеологическую насмешку, которая получила сейчас расширительное значение. Так теперь говорят о людях, прикидывающихся несчастными, беспомощными, обиженными, чтобы разжалобить кого-либо, вызвать сострадание» /3/.

Коммуникативно-прагматические стереотипы в структуре соответствующего культурно-национального пространства объективируются в речемыслительных образованиях, которые являются результатами дискурсивного мышления. Т.М. Николаева определяет **речевые стереотипы** как «отрезок высказывания (или целое высказывание), включенное в контекст, представленный «свободными» компонентами высказывания (высказываниями)» /4/. Характеризует такие единицы устойчивость, воспроизводимость и структурно-семантическая целостность. Например: фразеологизм **китайская стена** – 'непреодолимая преграда; полная изолированность от кого-либо, чего-либо' – восходит к названию колоссальной каменной стены в северном Китае. Было время, когда, достигая десятиметровой высоты и семи метров толщины, она тянулась, защищая Китай от набегов кочевников, на шесть тысяч километров. Фразеологизм **китайские церемонии** употребляется в русском языке со второй половины XIX в. и имеет этимологическую связь с множеством правил этикета и церемониала при дворе китайских императоров. Появилась целая наука о церемониях при дворе. Каждый новый богдыхан заводил дополнительные предписания, поклоны и другие обычаи, доведенные до бессмыслицы. Отсюда – метафорическое переосмысление ситуации, закрепленное в следующем значении: 'шутл.-ирон. Утомительные и ненужные условности; излишние проявления вежливости; бессмысленный этикет'.

Таким образом, фразеологизмы с компонентом-топонимом представляют собой яркий этнокультурный феномен: языковая единица конкретного языка, в частности русского, объективируют результаты как речевого, так и дискурсивного мышления. Например, фразеологизм **американский дядюшка** – 'шутл.-ирон. О неожиданной (обычно финансовой) помощи или человеке, ее оказывающем' – связана с начавшейся в XVI-XVII вв. колонизацией Америки, которая привлекла на континент многих искателей наживы. Некоторые из них действительно оказались удачливыми и, разбогатев, помогали своим терпящим нужду родственникам-европейцам. Выражение у него **американский дядюшка нашелся** стало означать «ему неизвестно с чего повезло». Фразеологизм **валдайским колокольчиком заливать** – 'народн. одобряет. О чьем-л. звонком, заливином смехе' реанимирует факт, когда в городе Валдае (Нижегородской губернии, на середине пути из Петербурга в Москву) валдайские мастера делали известные на всю Россию колокольчики. Фразеологизм **дама из Амстердама** – 'устар. шутл.-

ирон. О женщинах дурной репутации, женщине легкого поведения’ – имеет перифрастическое переосмысление факта, что такие женщины выходят у себя из границ, а к нам прибывают из-за границы. Происхождение фразеологизма *марафонский бег* – ‘бег на очень большое расстояние’ – связывается с названием древнегреческого селения *Марафон*, прославленного победой афинян над персами в 490 г. до н.э. Один из греческих воинов, которому было приказано сообщить народу о победе, пробежал из Марафона в Афины (расстояние 42 км 144 м), а добежав, пал мертвым. Впоследствии, когда в Греции устраивались Олимпийские спортивные игры, марафонский бег считался самым почетным видом состязаний.

Многие русские фразеологизмы обусловлены ценностно-коммуникативной сущностью смыслового пространства культуры. В основе значения фразеологизма с компонентом-топонимом очень часто лежит прототипическая ситуация, связанная с прецедентным высказыванием. Например, фразеологизм *Америка для американцев* – ‘устар. публ. В дела американских континентов нельзя допускать вмешательства’ – восходит к словам президента США Дж. Монро, который в 1823 г. опубликовал те основные принципы, на которых, по его мнению, должна быть основана американская политика. Эти принципы получили название «доктрина Монро». Суть ее заключалась в том, что США не допустят, чтобы в дела стран Южной Америки вмешивался Священный союз европейских монархов, стремившийся после победы над наполеоновской Францией насадить во всем мире покорность ему. Фраза эта понималась так: «Вся Америка – для США». В основе часто употребляющегося фразеологизма *галопом по Европам* – ‘шутл. или ирон. О крайне поверхностном, делаемом в спешке ознакомлении с чем-либо’ – лежит собственно русское выражение. Первоначально – это название статьи поэта А.А. Жарова, опубликованной в «Комсомольской правде» в 1928 г., где автор описывал свою поездку по Европе, а популярность оборота приписывается его употреблению Максимом Горьким. Таким образом, во фразеологизмах с компонентом-топонимом находят отражение национальная, духовная и материальная культура, общественный опыт разных народов.

1. Алефиренко Н.Ф. *Поэтическая энергия слова. Синергетика языка, сознания и культуры.* – М.: *Academia*, 2002. - С. 19.

2. Кубрякова Е.С. *Об установках когнитивной науки и актуальных проблемах когнитивной лингвистики // Вопросы когнитивной лингвистики.* – 2004. - №1. - С. 16.

3. Мокиенко В.М. *Образы русской речи: Историко-этимологические очерки фразеологии.* – СПб.: *Фолио-Пресс*, 1999. - С. 47.

4. Николаева Т.М. *Речевые, коммуникативные и ментальные стереотипы: социолингвистическая дистрибуция // Язык как средство трансляции культуры.* – М., 2000. - С. 114.

Түйін

Мақалада фразеологиялық топонимдердің рухани және мәдени құндылықтарда, қоғамдық тәжірибе белгілерінде көрініс табуына арналған.

Summary

The article is devoted to the idioms with proper name components, in which reselection of national, spiritual, material culture and a social experiment of various nations is found.

ОСОБЕННОСТИ АНКЕТИРОВАНИЯ СОТРУДНИКОВ БАНКОВСКОЙ СФЕРЫ РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН

Д.М.Темирова -

Министерство транспорта и коммуникаций Республики Казахстан, эксперт

Определение состояния языковой ситуации на сегодняшний день в Республике Казахстан сложилось весьма интересное. Взять, например, область банковской сферы деятельности казахстанцев. Здесь мы имеем дело с несколькими показателями, оказывающими непосредственное влияние на языковую ситуацию. Среди таких показателей можно назвать национальность, возраст и даже географическое положение респондентов. Но и у названных критериев нет четкой языковой характеристики, так как не всегда казах владеет казахским, и не во всех регионах Казахстана говорят на русском.

О неоднородности языковой ситуации в нашей республике писали многие ученые, в том числе и Б.Х.Хасанов, Э.Д.Сулейменова, Н.Ж.Шаймерденова, А.Е.Агманова, Р.А.Авакова, О.Б.Алтынбекова, Д.Д.Шайбакова, Б.Ж.Мурзалина. Как пишет Д.Д.Шайбакова, «часто компании друзей бывают смешанными в этническом отношении. А также очень незначительный процент представителей других национальностей владеет казахским языком. Поэтому и в общении с друзьями казахами активно употребляется русский язык».

Значимым фактом признается степень владения русским языком. Кроме того, ценно внимание на возраст и территориальные особенности: наибольшее действие оказывает возраст в Кокчетаве, наименьшее в Кызыл-орде»[1, с. 80]. Анализ влияния возраста на языковой выбор городских казахов убеждает в том, что признак «возраст оказывает немерное воздействие на процесс функционирования русского языка у казахов в городе.[2, с. 40].

Изучение языковых ситуаций в странах с неорганическим языком в качестве средства межэтнического общения или официального языка, пишет Д.Д.Шайбакова, т.е. с коммуникативно-мощным неорганическим языком, убеждает в том, что фактор образования играет самую важную роль в утверждении такого языка. Интеллигенция, получившая образование на неорганическом языке, содействует его удержанию в социолингвистическом пространстве. Но разные профили образования обнаруживают свою степень привязанности к чужому языку. Анализ анкет явно демонстрирует эту картину. «Образование во многом предопределяет приобщение к русскому языку на всех уровнях коммуникации: владение устной и письменной речью, чтение литературы и периодики»[2, с. 53]. Но Д.Д.Шайбакова согласна с предшественниками в том, что признак «образование» следует рассматривать в сочетании с территориальной принадлежностью[1, с. 85].

К региональной языковой норме (вариантообразующему фактору) относит также словообразовательные модели, конструируемые на базе смешения разноязычных морфем. Кроме морфологического способа словообразования, в казахстанском РЯ активен лексико-семантический способ, когда происходит переосмысление лексем стандартного языка. Своеобразие речевой нормы создается актуализацией региональных заимствований. Помимо объективных иноязычных компонентов, используются и субъективные. Их выбор определяется желанием коммуникантов подчеркнуть свою национальную принадлежность, большой экспрессией казахских слов, их семантической релевантностью.

Влияние казахской культуры обнаруживается на коммуникативно-прагматическом уровне в сочетании вербальных и невербальных знаков. Причем, на этом уровне анализа употребления РЯ функционально значимыми являются не только казахские заимствования, но свойства стандартного языка, получающие специфическое осмысление в региональном узусе. Часть из них имеют фиксированную этимологию, т.к. в СМИ есть указания на время и источник.

В Казахстане функционирование русского языка имело и имеет свою специфику. Контакты казахов и русских начались в глубокой древности, во времена Киевской Руси и кочевых тюркских раннефеодальных образований на территории Казахстана. Интенсивное распространение русского языка было обусловлено языковой политикой государства, цель которой состояла в том, чтобы русский язык стал «вторым родным» для нерусских народов СССР. Русский язык открывал путь к образованию и культуре, и многие казахи предпочитали отдавать своих детей в русские школы.

Однако и прежде, и сейчас, когда ситуация существенно изменилась и число казахских школ превышает число русских, оба языка являются обязательными предметами преподавания и входят в перечень дисциплин, включаемых в документ об образовании [3, с. 132,137].

Вот и сегодня прогрессивная политика Президента Республики Казахстан Нурсултана Назарбаева направлена, в первую очередь, на объединение различных народностей, населяющих

Казахстан, в единый сплоченный казахстанский народ, а во вторую очередь, на достижение республикой статуса конкурентоспособного государства и вхождение Казахстана в число 50 развитых стран мира. Н.А.Назарбаев не раз в своих выступлениях подчеркивает необходимость развития в республике трехязычия [4]. Казахский язык нуждается в своем развитии как государственный и уважение к нему, бесспорно, определяет сознательность населения республики и его гражданственность. Русский язык – язык межнационального общения, необходим для поддержания равновесия и согласия в полиэтническом обществе Казахстана. Английский язык – это своего рода инструмент интеграции в мировое экономическое пространство.

Кроме того, в статье 7 Конституции РК говорится: «в Республике Казахстан государственным является казахский язык, в государственных организациях и органах местного самоуправления наравне с казахским официально употребляется русский язык».

Таким образом, совокупность специфических черт системы употребления РЯ в Казахстане свидетельствует о формировании функционального регионального варианта РЯ. Его оценка производится относительно трех типов норм: нормы системы, речевой нормы и коммуникативно-прагматической нормы [1, с. 224].

Отсюда мы видим, что на формирование языковой ситуации в определенной сфере жизнедеятельности человека влияют различные факторы, особенно в них преобладают такие факторы, как территориальные особенности языка, возраст говорящих, их образование и национальность.

Для определения современной языковой ситуации в банковской сфере Казахстана нами были разработаны такие анкеты для опроса банковских служащих, при помощи которых нам удалось бы полно и достаточно подробно установить уровень использования различных языков. Вот список разработанных нами вопросов:

1. Год и место рождения (село, деревня, город, район, область, край, республика);
2. Национальность;
3. Образование (когда и какие учебные заведения окончили);
4. На каком языке учились в школе? Ученая степень, ученое звание (когда присвоены, номера дипломов);
5. На каком языке учились в вузе?
6. Какими иностранными языками и языками народов Казахстана владеете и можете объясняться (владеете свободно)?
7. В банке какого уровня вы работаете?
8. Должность;
9. Какими языками вы пользуетесь в вашей профессиональной деятельности?
10. На каком языке ведется переписка между работниками банка (внутри банка)?
11. На каком языке ведется переписка с другими банками, государственными органами, а также с Парламентом и Правительством Республики Казахстан?
12. Используется ли английский язык в работе вашей профессиональной деятельности (переписка, переговоры, консультации)?
13. Какой язык вы чаще всего используете при работе с юридическими и физическими лицами?
14. На каком языке ведутся заседания в вашем банке?
15. На каком языке работники банка общаются в коллективе?
16. Существуют ли языковые курсы для работников банка? Какие?

Отличительной особенностью вышеприведенных вопросов является их принадлежность к области банковского дела, ведь при их разработке мы старались учесть всевозможные варианты профессионального использования языка сотрудниками банков. Здесь речь идет как об устной форме общения, так и о письменной (документальной) форме.

Наряду с такими факторами, как национальность, возраст, образование, оказывающими влияние на формирование языковой ситуации в обществе, были учтены такие специфические моменты банковской отрасли, как уровень банка и занимаемая респондентом должность, ведь именно от таких вопросов и зависит построение дальнейшего анкетирования. От уровня банка зависит и широта применения языковых коммуникаций. От того, насколько широка деятельность того или иного банка, зависит и поле применения языков: это и деловая переписка, и обслуживание населения (часто представителей разных национальностей), и различные специфические моменты, сопровождающие нормальную работу финансового учреждения. Должность, которую занимает анкетиремый, также весьма важна для изучения, ведь каждая позиция предполагает определенные функции и обязанности, так сказать определенную сферу применения языка банковской терминологии.

Таким образом, на основе составленных анкет была предпринята попытка установления языковой ситуации в современной банковской системе Казахстана посредством анкетирования сотрудников банков различных уровней и территориальных подразделений республики.

1. Шайбакова Д.Д. *Функционирование русского языка в Казахстане: вчера, сегодня, завтра.* – Алматы, 2005.

2. Копыленко М.М. *Основы этнолингвистики.* – Алматы, 1995.

3. Шайбакова Д.Д. *О русском языке в Казахстане / Славянские языки: от прошлого к настоящему.* -Алматы, 2005.

4. *Послание Президента Республики Казахстан Нурсултана Назарбаева народу Казахстана «Новый Казахстан в новом мире».* – Астана, 2007.

Түйін

Бұл мақалада Қазақстанның банк қызметкерлерінің сауалнама жүргізуінің ерекшеліктері қолданылу туралы жазылған.

Summary

This article deal with the results of questionnaires of the workers in banking system of the Republic of Kazakhstan.

АСПЕКТЫ ПЕРЕВОДЧЕСКОЙ СКОРОПИСИ

А.М.Курманғалиева -

Казахский университет международных отношений и мировых языков им. Абылайхана

Психологический аспект переводческой скорописи

По мнению многих исследователей и практиков устного перевода, устный последовательный перевод (УПП) является сложным видом переводческой деятельности, поскольку переводчику в ходе выполнения этой деятельности приходится преодолевать многочисленные трудности, к которым относятся кратковременность восприятия текста, большая нагрузка на память, ограниченность во времени при переключении с одного языка на другой и т.д.

Одним из них является различие типов восприятия (для устного перевода - слуховое, для письменного - зрительное). Так, Ж.Эрбер отмечает, что письменный переводчик нацелен на поиск слова, красивой и корректной формулировки, а устный – за чрезвычайно короткий промежуток времени должен сделать понятным то, что хотел сказать оратор на исходном языке (ИЯ). При этом, по определению Ж.Эрбера, устный переводчик есть *существо нервное*, а порождение текста перевода (ТП) обеспечивается построением и функционированием центральной нервной системы [1]. В связи с этим различаются и требования, предъявляемые к профессиональным качествам устных и письменных переводчиков. Естественно, что оба вида перевода неразрывно связаны с мыслительной деятельностью человека и возможны исключительно в условиях вовлеченности восприятия, внимания, памяти. Однако при выполнении письменного перевода сознание переводчика работает в менее напряженном режиме, поскольку его деятельность происходит в условиях достаточного количества времени как для размышлений, консультаций, отдыха, вспоминания, так и для самонастройки.

Особенности УПП будут более очевидны при его сравнении с другими видами устной переводческой деятельности, а именно с переводом с листа и синхронным переводом. Обозначим, что под УПП мы понимаем вид деятельности устного переводчика, характеризующийся произнесением ТП после окончательного звучания исходного текста (ИТ). Что касается синхронного перевода, то он осуществляется одновременно со слуховым восприятием ИТ и предполагает работу переводчика с использованием специальных технических установок. Перевод с листа - это вид устного перевода без предварительного знакомства с текстом, предлагающим чтение письменного документа на переводящем языке (ПЯ). Основное сходство перечисленных видов, помимо того, что все они являются устным переводом, состоит во временном совмещении выполняемых речемыслительных действий: слушания и говорения при синхронном переводе, чтения и говорения - при переводе с листа, и слушания и письменной фиксации - при УПП.

Именно УПП благодаря переводческой скорописи (ПС) создает благоприятные условия для проникновения в суть переводческой деятельности в силу того, что запись материально отражает внутреннюю программу переводчика, которая при других видах перевода остается скрытой для наблюдения и анализа. С другой стороны, возможно, предположить, что обучение составлению внешней программы переводчика в виде ПС позволит перенести этот опыт и в

другие виды переводческой деятельности, для которых характерно наличие лишь внутренней программы. В связи с этим представляются ценным наблюдения о средствах осмысления при переводе И.А.Зимней [2], которые непосредственно могут быть применимы к ПС и содержат ответ на дискуссионный вопрос о том, на каком языке вести записи.

Из терминала памяти (внутренняя и внешняя программы) информация должна поступить в электронный терминал, реализующий собственно перевод. На данном этапе переводчик, более психологически комфортен, т.к. у него есть подсказка, есть своя программа - созданный текст ПС. Слуховое восприятие сменяется зрительным восприятием, активизируется операция синтеза, обобщения; концентрация внимания направлена на корректное, логическое оформление речи на ПЯ, при этом осуществляется операция сравнения со следами внутренней программы, хранящейся в оперативной памяти. Однако прежде чем сегмент ТП будет произнесен, все указанные выше механизмы декодируют информацию во внутренней речи, таким образом, порождение ТП на основе прочтения ПС сопровождается ее внутренним декодированием.

Лингвистический аспект переводческой скорописи

Необходимость в лингвистической трактовке изучаемого явления определяется тем, что, продукт записи, как зафиксированная информация о конкретной ситуации двуязычной коммуникации, в отличие от системы записи (символов, способов, принципов), есть текст, т.е. *объединенная смысловой связью последовательность знаковых единиц* [4], а его развитие должно соответствовать общим закономерностям, сопровождаться действием общим механизмов порождения текста.

Как известно, теоретической основой анализа текста является лингвистика, а именно ее текстоцентрическое динамическое направление - лингвистика текста. Однако, как отмечает М.Н. Кожина [4], даже в пределах лингвистики на современном этапе нет обще принятого определения текста. Автор выделяет как минимум три основные, наиболее распространенные интерпретации термина: текст как высший уровень языковой системы, т.е. единица языка; текст как явление реального функционирования языка, как единица речи; текст как единица общения [4].

Вышеуказанные трактовки лежат в основе трех глобальных направлений современной лингвистики текста: *структурном* (Л.П. Якубинский, В.Я.Пропп, А.Мартинс, Э.Бенвенист, Л.Теньер, И.И.Ревзин, Ю.Д.Апресян, В.Г. Гак и др.), *функциональном* (А.В. Бондарко, И.Р. Гальперин, И.А.Зимняя, Г.А. Золотова, М.Н. Кожина, О.И. Москальская, Л.П. Мурзип, Л.А. Черняховская и др.), *интерпретационном* (Е.Н. Азнаучеева, Г.И. Богин, С.Ф. Гончаренко, Ю.М. Лотман, Н.Л. Мышкина, А.И. Новиков, Ю.С. Степанов, З.Я.Хованская и др.).

Безусловно, что запись призвана служить выполнению условий коммуникаций, в данном случае - двуязычной коммуникации. Для последовательного переводчика это условие является целью - результатом его деятельности. Однако следует учитывать, что, с одной стороны, запись необходима переводчику как средство для анализа, синтеза и сохранения информации, т.е. является своеобразным актом *аутокоммуникации*, с другой – записывая, переводчик нацелен на порождение ТП, необходимого слушателю, что позволяет нам отнести запись к собственно коммуникации.

Таким образом, запись как продукт переводческой деятельности отвечает основным требованиям текстуальности, следовательно, она является текстом (продуктом речи), причем текстом письменным, но фиксирующим текст устный. С позиции лингвистики текста носителями старой информации, имеющей минимальную коммуникативную нагрузку (темой), являются так называемые повторы, т.е. то, что в любой форме было выражено в предыдущем содержании. Все остальное - рема. По мере развития текста старые границы между темой и ремой смещаются, распахиваются и образуют одно поле темы. Вероятно, что смещение тема-рематических границ наглядно отражается в ПС, благодаря вертикализму и использованию стрелок. Однако практическое соотнесение с актуальным членением требует специального экспериментального исследования. Процесс УПП с учетом порождения определенного текста ПС можно представить следующим образом. Воспринимая *чужой* текст, выраженный эксплицитно, его понимание происходит тогда, когда он имплицитно создается как *свой*. Для переводчика своим текстом является имплицитный текст во внутренней речи и его материализованное отражение в ПС. Оба вида текстов при этом являются результатом компрессии. Далее текст ПС и имплицитный текст из внутренней речи творчески перерабатываются посредством процесса контаминации, разворачиваясь на эксплицитном уровне согласно закону инкорпорирования, в результате чего порождается ТП.

Семиотический аспект переводческой скорописи

Избранный нами в качестве основополагающего принцип многофакторного анализа изучаемого явления требует рассмотрения еще одного звена, замыкающего триединство *мысль-*

речь-знак. Многие исследователи в области устного перевода [5;6;] ассоциируют ПС, прежде всего, с системой индивидуальных (в большей степени) и общепринятых принципов, правил, приемов, символов, каждый из которых является своеобразной кодовой *единицей*, используемой переводчиком в ходе УПП. При этом под кодом мы, вслед за Е.М. Кузичевой, понимаем *совокупность знаков и систему определенных правил, с помощью которых происходит фиксация какой-то информации в целях ее передачи, обработки, запоминания* [7]. Необходимо отметить, что отношение ПС к разряду знаковой системы было впервые осуществлено в исследовании Е.В. Цыганковой. Основываясь, главным образом, на работах Ш.Балли, В.Г.Гака, Л.В.Щербы, посвященных теории знака и значения, Е.В. Цыганкова делает вывод о том, что ПС представляет собой знаковую систему в силу того, что она упорядочена, способствует вскрытию определенных характеристик реальности, обладает иерархической организацией знакоформ, обеспечивает получение информации от каждого знака. [6].

Практически все исследователи, занимающиеся проблемой символа, отмечают, что символ есть образ, наделенный смыслом. По определению Е.В. Шелестюк, чувственный образ как отражение предметов и явлений действительности является источником символа. В определенной ситуации чувственное восприятие сменяется воспоминанием о чувственном образе (в терминологии – гештальтпсихологии- *гештальтом, прототипом*). Когда внутренняя форма образа начинает осознаваться, *образ мыслиться отвлеченно* [8], он становится символом. Е.В. Шелестюк сравнивает этот механизм с психолингвистическим процессом двойного кодирования символов, бессознательное синергетически взаимодействует с сознанием, взаимно преобразуя коды друг друга посредством внутренней речи. [8].

Важным признаком символа является имманентная многозначность [14], которая означает *наличие у него смысловой перспективы, цепочек значений*. Очевидно, что символ *наделен неисчерпаемой многозначностью, семантической перспективой развития в связи с тем, что в нем встречаются две реальности: лингвистическая и нелингвистическая* [9]. Адекватное восприятие символа при его расшифровке возможно лишь в том случае, если известен *договор*, на основании которого он был создан. В этом заключается условность или конвенциональность символа. *Условный договор* о значении индивидуальных символов ПС, как правило, известен только самому переводчику, а присвоение предлагаемых в различных учебных пособиях так называемых *общих символов* будет возможно тогда, когда переводчику станет, ясна связь, ассоциация между данным рисунком - символом и понятиями, которое он может обозначать. В связи с этим важно включение в обучение ПС упражнений, направленных на поиск, изобретение символов и их экспликацию, обсуждение, в том числе и методом *мозговой атаки*.

Целенаправленный поиск символов в различных сферах человеческой деятельности, а также изобретение новых символов будут более плодотворными, если они будут организованы в определенную систему, предполагающую классификацию символов по существенно важным признакам.

1. Злобин А.Н. Когнитивный анализ перевода // Когнитивная семантика: материалы II между. шк.-семинара по когнитивн. лингвистике, 11-14 сент. 2000г.: В 2ч./ Отв.ред. Н.Н. Болдырев. - Тамбов: Изд.-во Тамбов. ун-та, 2000. Ч.1. - С.148-149.
2. Психология перевода: Учебное пособие (для Высших курсов переводчиков) / Сост. И.А.Зимняя, В.И. Ермолович. - М.: МГПИИЯ им. М. Тореца, 1981. - 99с.
3. Языкознание. Большой энциклопедический словарь / Гл. ред. В.Н. Ярцева.- М.: Большая Российская энциклопедия, 1998.- 685 с.
4. Кожина М.Н. Уровни функционального исследования языка (сопричастные стилистике) // Вестник Пермского университета. Вып. 2. Лингвистика.- Пермь, 1996. - С.10-31.
5. Комисаров В.Н. Теоретические основы методики обучения переводу.- М.: Рема, 1997. .
6. Цыганкова Е.В. Использование переводческой скорописи при обучении монологической речи (яз.вуз,фр.яз.): Дис. ...канд.пед.наук. - М.,1989. -159 с.
7. Кузичева Е.М. Смысловые связи текста и их лексические выражения: Автореф.дис. ...канд.филол.наук. - Саратов, 1988. -18с.
8. Шелестюк Е.В. О лингвистическом исследовании символа // Вопросы языкознания.- 1997. - №4. - С.125-142.
9. Сусыкин А.А. Когнитивная детерминированность символа // Когнитивная семантика: материалы II Между. Школы-семинара по когнитивной лингвистике. 11-14 сентябрь 2000. - Тамбов: Изд. Тамбов. ун-та, 2000.- С. 88-89.

Түйін

Бұл мақалада аудармалы тезжазу 3 тұрғыдан қаралады: психологиялық, лингвистикалық және семиотикалық. Бұлардың барлығы қортынды шығаруға мүмкіндік береді. Аудармалы тезжазудың бастаушы сипаттамасы оның қарама-қарсылығы, оны методикалы оқыту кезінде еске алу керек.

Summary

Note taking is considered in 3 aspects: psychological, linguistic, and semiotic. All it allows to make a conclusion that the leading characteristic of note taking is the contrast which we should take into account in the course of working out of methods of teaching.

РЕАЛИЗАЦИЯ ТРЕХЪЯЗЫЧИЯ (КАЗАХСКОГО, РУССКОГО И АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКОВ) В БАНКОВСКОЙ СФЕРЕ КАЗАХСТАНА НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

Д.М.Темирова -

Министерство транспорта и коммуникаций Республики Казахстан, эксперт

Как пишет Д.Д.Шайбакова, одним из ведущих принципов современной антропоцентрической лингвистики является функционализм. Актуальным в последние десятилетия стало изучение функционирования языков в полиэтничном обществе. В качестве исходного в интерпретации функционирования языков принимается понятие «функция», имеющее в лингвистике два основных толкования: функция как роль, назначение языковых единиц в речи и функция как отношение языка к другим явлениям жизни. Именно во втором толковании понятие «функция» применяется в социолингвистике, психолингвистике, культурологии и др.[1, с. 217-218]

Современный мир отличается широким распространением ряда коммуникативно-мощных языков, под которыми понимаются языки, выполняющие функции общения во всех областях общественной жизни: от семейного до межнационального общения. Это, прежде всего, официальные языки ООН (английский, русский, французский, испанский, арабский), а также языки экономически развитых стран (немецкий, итальянский, японский и др.). Причины, способствовавшие выдвиганию этих языков за пределы территории основного этноса, различны. Наиболее значительной признается колонизация европейцами стран Африки, Азии, Океании. Следующей по значимости является причина распада единого государства на несколько самостоятельных стран. И тогда языком межнационального общения может по-прежнему оставаться язык бывшей метрополии. Сосуществуя в едином пространстве, органический и неорганический языки находятся в прямом, непосредственном и непрерывном контакте и функционально распределяются по сферам общения.

Итак, коммуникативно-мощным неорганическим языком является русский язык, который был единым средством общения народов СССР. В силу традиции он остается средством межэтнической коммуникации.[1, с. 219]

Функционирование языка в обществе с развитой политической и социальной структурой требует постоянного регулирования, иначе спонтанные процессы изменения языковой системы, проявляющиеся в первую очередь в изменении лексического состава, в модификации норм произношения, приведут к сложностям в общественной коммуникации - к сбоям в работе средств массовой информации, к проблемам в функционировании институтов государства и публичной политики, к разрушению образования и т.д. Вмешательство государства в этом случае оказывается необходимым. Однако государство в лице своих исполнительных и законодательных органов, а также судебной власти, обеспечивая легитимность и правовые основания языкового регулирования, не может сформулировать его содержание. Собственно содержание регулирования, его принципы, разрабатываются с непосредственным участием лингвистов.

Изучение взаимодействия языка и общества относится к числу основных задач социолингвистики. Принято различать два аспекта социолингвистических исследований - влияние социальной структуры общества на язык и язык как фактор влияния на общество. В первом случае в центре внимания стоят проблемы связи языковых форм с социальной стратификацией. Конец XX века ознаменовался новым взглядом на язык. Именно в это время Казахстан стал независимым государством, а независимость породила языковой суверенитет. На платформе суверенитета в последние десятилетия прошлого века на первый план вышел вопрос функционирования языка. И он явился заказом для науки о языке нового тысячелетия. В поисках путей его решения должны вестись наиболее новаторские исследования средствами социальной лингвистики,

психолингвистики и когнитивной лингвистики. Перспектива изучения языков в контексте их функционирования в казахстанском ареале - именно в их социально-лингвистическом, психолингвистическом освещении [2, с. 3].

Республика Казахстан - суверенное государство, имеющее и языковой суверенитет. «И всяк суший в ней язык» функционирует в самых различных сферах - начиная с семейно-бытовой и заканчивая государственным управлением и межгосударственными сношениями.

Развитие родного языка – вечно фундаментальная проблема каждого этноса, которого хотя бы интуитивно не интересовала судьба языка, творцом которого бы он был. И забота о судьбе языка вызвана социальной потребностью этноса. Осознанная социумом потребность в языке выступает как его языковой интерес [2, с. 3]. Для развития и укрепления государственного языка разработана Государственная программа функционирования и развития языков на 2001-2010 годы, утвержденная Указом Президента Республики Казахстан от 7 февраля 2001 года.

И если в предыдущие годы можно было наблюдать вялотекущую реализацию языковой политики, то в последние годы этот механизм заработал особенно активно. Как показывают социологические исследования, число желающих освоить государственный язык растет с каждым годом.

Задачи государства по отношению к государственному и другим языкам различны. В документах по языковой политике сказано, что государство обязуется обеспечить условия для бесплатного обучения казахскому языку. В официально-деловой сфере должно стать нормой использование казахского языка. Причем в практику необходимо ввести составление документов на казахском языке, а не только перевод с русскоязычного оригинала. Позиции русского языка достаточно прочны, он используется повсеместно, а казахский язык нуждается в поддержке, считают некоторые политологи [3, с.21].

За годы независимости в Казахстане выросло новое поколение казахстанцев, ориентированное на иные, чем в советский период, ценности, участвующее в формировании новой языковой ситуации. Тем не менее, большинство исследователей в области политологии, социологии социолингвистики признают тот факт, что, хотя за государственным языком в Казахстане законодательно закреплены функции языка межнационального общения, но *de facto* русский язык, функционирующий в соответствии с законодательством наравне с государственным, по-прежнему сохраняет свои позиции как язык межэтнического взаимодействия.

Однако не только казахский и русский языки на сегодняшний день являются инструментами общения полинационального общества суверенного Казахстана, но и английский язык прогрессивно занимает свою нишу.

В Посланиях Президента Республики Казахстан Нурсултана Назарбаева народу Казахстана подчеркивается стратегическая важность развития этих трех языков. Стремление Казахстана к мировой интеграции в экономике и других сферах влечет сегодня необходимость овладения передовыми технологиями, которое было бы совершенно непостижимым без знания английского языка. Ресурсы Интернет-сайтов, передовой зарубежный опыт находится в свободном доступе исключительно на английском языке.

Говоря о языковой ситуации в банковской сфере Казахстана, нельзя не упомянуть факт зависимости банковской терминологии от ее истоков. Так как мировая экономика и банковская деятельность берут свое начало в западных странах (США, Великобритания и др.), то отсюда и терминология английского языка в деятельности банков является операционной, необходимой для эффективного развития этой области человеческих отношений.

Нами было проведено исследование проблемы употребления трех «остевых» языков в банковской сфере. Казахский язык, имея статус государственного языка, не только предписан законом для обязательного применения его в договорах и другой документации банков, но и является инструментом общения сотрудников банка с его клиентами. Последними могут быть люди преклонного возраста казахской национальности, а также оралманы, приехавшие из-за границы и не владеющие русским языком, а лишь казахским и языком страны, в которой они ранее проживали. Широко распространено использование русского языка в банках республики. Именно на этом языке ведутся внутрибанковские совещания, планерки, инструктаж сотрудников банка, консультации русскоязычной клиентуры. Русский язык наравне с казахским языком используется при составлении банковских документов, делопроизводства.

На основе анкетных данных было выявлено, что русский язык является на сегодняшний день преобладающим инструментом общения в деятельности банков республики по сравнению с казахским и английским языками. На наш взгляд, это объясняется тем, что большинство работников банка, хотя и являются представителями казахской национальности (около 80 %

опрошенных), однако первым и родным языком считают русский, ибо это поколение людей, выросших под известным советским девизом: «Я русский бы выучил только за то, что им разговаривал Ленин». Это люди казахской национальности, выросшие в больших городах Казахстана, получившие высшее образование не только в Казахстане, но и в России и даже в дальнем зарубежье. Также расположение самих банковских учреждений предполагает все более русскоязычный контингент клиентуры банков. Например, как пишет А.Г.Конакбаев, «многие банки и их головные офисы сконцентрированы в Алматы, Астане, Караганде и других крупных промышленных центрах республики» [4, с. 18], что и объясняет употребление сотрудниками банков русского языка при общении с клиентами и ведении деловой переписки. Наличие у казахстанских банков иностранных инвесторов также усиливает значение русского и английского языков.

Как справедливо замечает О.Б.Алтынбекова, эффективность дальнейшей реализации языковой политики в Республике Казахстан в рамках Государственной программы функционирования и развития языков на 2001-2010 гг. невозможна без понимания реальной лингвистической ситуации в стране и основанного на этом языкового планирования с учетом фактической роли и социально-коммуникативных функций казахского, русского и английского языков в языковом пространстве Казахстана [5, с. 10].

Такая языковая политика и языковая ситуация вполне закономерны, так как государственные институты, объективно учитывая исторические реалии, региональные особенности этнического состава населения республики и другие социально-демографические факторы, проводят в области языка политику либерального языкового плюрализма. Международное сообщество справедливо отмечает, что взвешенная языковая политика в Казахстане способствует межнациональному гражданскому согласию, сохранению стабильности и мира в государстве, а также общенациональной консолидации и интеграции.

В связи с этим исключительную актуальность приобретает необходимость комплексного и всестороннего исследования реального функционирования не только государственного, но и русского, и английского языков на современном этапе развития банковской системы Казахстана.

1. Шайбакова Д.Д. *Функционирование русского языка в Казахстане: вчера, сегодня, завтра.* – Алматы, 2005.

2. Хасанулы Б. *Языки народов Казахстана: от молчания к стратегии развития (социопсихолингвистические аспекты).* - Алматы: Арда, 2007.

3. Шайбакова Д.Д. *Мультикультурализм и языковая ситуация в современном Казахстане / СМИ как инструмент формирования общественного мнения.*-Алматы, 2005.

4. Конакбаев А.Г. *Проблемы развития банковской системы Казахстана на современном этапе.* // *Банки Казахстана.* – 2007. - № 4.

5. Алтынбекова О.Б. *Этноязыковые процессы в Казахстане: Монография.* – Алматы: Экономика, 2006.

Түйін

Мақалада қазіргі кезеңде Қазақстанның банк саласында үш тілдерді (қазақ, орыс және ағылшын) қолдану зерттеу жасалынған.

Summary

In this article author researched from the using of the Kazakh, Russian and English languages in banking system of the Kazakhstan on the modern stage.

ИНТЕРФЕРЕНЦИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА ПРИ ПЕРЕВОДЕ С АНГЛИЙСКОГО НА КАЗАХСКИЙ ЯЗЫК

Ж.Р.Тойшиманова -

магистрант 2-го года обучения КазУМОиМЯ им. Абылай хана

На современном этапе развития общества экономические и культурные контакты между различными странами становятся все более и более важными и частыми. В этих условиях более интенсивно развиваются и языковые контакты, приводящие к возникновению промежуточных языковых систем, характеризующихся особыми чертами.

Языковой контакт – речевое общение между двумя и более языковыми коллективами.

Двуязычие (билингвизм) – владение двумя языками и попеременное их использование в зависимости от условий речевого общения, а носители двуязычия – двуязычные индивиды (билингвы).

С точки зрения Л. В. Щербы есть два типа сосуществования языков в индивиде:

1. Оба языка образуют две отдельные системы ассоциаций, не имеющие между собой контакта. Оба языка образуют в данном случае две автономные области в мышлении лиц, ставших двуязычными. При этом лицо, являющееся двуязычным, не может автоматически переключаться с одного языка на другой, поэтому перевод представляет для него трудность.

2. Два языка образуют в уме лишь одну систему ассоциаций, где любой элемент имеет свой непосредственный эквивалент в другом языке, так что перевод не представляет затруднения [1, с.40].

Второй вариант представляет благоприятную почву для смешения языков.

При рассмотрении проблем двуязычия практически неизбежно появляется вопрос об интерференции, которая почти неизменно присутствует в речи лиц, владеющих двумя языками. В языкознании интерференция наряду с двуязычием входит в круг основных проблем языковых контактов. В лингвистическую литературу термин «интерференция» был введен учеными Пражского Лингвистического кружка. Однако широкое применение термин получил лишь после выхода в свет монографии У. Вайнрайха «Языковые контакты» [2, с.22], которая была первой публикацией Нью-Йоркского Лингвистического кружка.

Интерференция – нарушение билингвом правил соотношения контактирующих языков, которое проявляется в его речи в отклонении от нормы. Причины явлений интерференции можно в большинстве случаев определить лингвистическими методами: сравнив фонетические или грамматические системы двух языков и определив их различия, обычно получают список потенциальных форм интерференции, возможных в данной контактной ситуации. Нередко заимствование лексики можно объяснить, исследуя те пункты, в которых словарь проявляет свое несоответствие потребностям культурного окружения, в котором происходит языковой контакт. Однако не все потенциальные формы интерференции действительно реализуются. Точная картина воздействия двуязычия на речь индивида меняется в зависимости от множества факторов, причем некоторые из них можно считать экстралингвистическими, так как они находятся вне структурных различий данных языков или даже вне их лингвистических несоответствий. Полное описание интерференции в контактной ситуации, отражающее распространение, устойчивость и исчезновение отдельных явлений интерференции, возможно только в том случае, когда учитываются экстралингвистические факторы.

По Вайнрайху, из двух языковых систем, взаимодействующих в речи человека, одна является первичной по отношению к другой, изученной или изучаемой позднее. Первичная система рассматривается как источник интерференции. В формировании так называемого двуязычия большую роль играет аналогия, когда способы обозначения и построения высказываний в другом языке интуитивно предполагаются идентичными родному языку, и говорящий неосознанно стремится к их уподоблению.

В современной лингвистической литературе прослеживается тенденция различать явления отрицательной (традиционная точка зрения) и положительной (новый взгляд) интерференции. В работах разных авторов подобное терминологическое противопоставление осуществляется по-разному: прямая и косвенная (Розенцвейг), явная и скрытая. Тем не менее, внимание лингвистов сосредоточено, главным образом, на явлении отрицательной интерференции, ее прогнозировании, исследовании и предупреждении,

поскольку «отрицательный языковой материал» (термин Л. В. Щербы) в речи билингва создает известные препятствия при общении, особенно при переводе.

Межъязыковые идентификации происходят, когда говорящий приравнивает единицы одного языка к единицам другого ввиду их сходства по форме, по дистрибуции, или тому и другому. В случае полной симметрии контактирующих языков, когда высказывания, порождаемые системой первого языка, случайно оказываются соответствующими правилам и нормам другого языка, возможен так называемый положительный перенос, то есть совпадение норм обоих языков. По мнению А.Е. Карлинского доминирование одного языка на территории одного государства в условиях двуязычия населения зависит от функциональной нагрузки языков. То есть язык на котором ведется делопроизводство, то язык можно считать доминирующим [3, с.28]. Исторически сложилось так, что русский и казахский языки являются контактными на протяжении многих лет и на территории

Казахстана русский язык был функционально загруженным языком.

В нашем государстве официально признанными являются три языка: казахский, русский, английский. В связи с политикой триязычия необходимость перевода ряда деловых документов с английского напрямую на казахский язык без языка - посредника (русского языка) возросла, так как перевод с участием языка - посредника не всегда полностью отражает мысль исходного текста в переводящем языке. Вступление Казахстана в различные международные организации стало причиной ведению активной переписки посредством деловой документации. Пристальное внимание сейчас уделяется официально-деловому стилю казахского языка, так как в текстах официально-делового стиля все слова должны трактоваться однозначно.

При переводе с английского языка на казахский влияние русского языка, в силу ряда факторов, может привести к буквализму. Но при переводе контрактов, с учетом стиля, негативное влияние русского языка сказывается на лексическом уровне, так как в текстах официально-делового стиля все слова должны трактоваться однозначно. Лексическая интерференция представляет собой «расхождение в семантической структуре и сочетаемости соотносительных пар двух языков». При лексической интерференции морфемы, способы образования морфем и других единиц отождествляются с единицами второго языка.

А.Е.Карлинский называет следующие причины лексической интерференции:

1. Полисемия, которая является потенциальным источником лексической интерференции, так как двуязычный индивид использует многозначные слова в Я2, основываясь на опыте употребления данных слов в Я1. Семантика многозначных слов зачастую не совпадает в контактирующих языках.

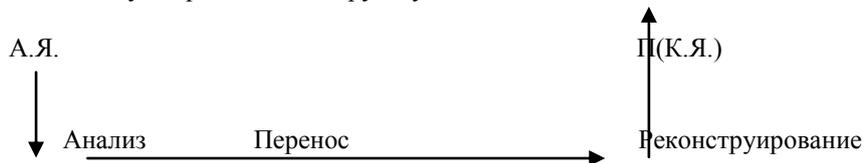
2. Различные правила сочетаемости слов в двух языках также становятся основной причиной лексической интерференции. Билингв, руководствуясь правилами моделирования сочетания слов в первом языке, нарушает правила сочетаемости слов во втором языке.

3. Недодифференциация лексических значений.

4. Субституция значений, т.е. «вставка целых элементов» из второго языка.

5. Различные методы словообразования двух языков [3, с.275].

А.Д. Швейцер предлагает модель [4, с.279], в которой процесс перевода распадается на три этапа: анализ, перенос и реконструирование. Под анализом имеется в виду восприятие или осмысление исходного сообщения, а под реконструированием – синтез или порождение соответствующего высказывания на языке перевода. Понятие переноса требует более глубокого проникновения в суть предлагаемой трехступенчатой схемы.

где, А.Я. - английский язык, П(К.Я.) – переводной казахский язык.

“В данном случае переводчик уподобляется путешественнику, который, вместо того чтобы переправиться на другой берег в бурном или глубоком месте, отходит в сторону вверх или вниз для переправы и, наконец, обходным путем достигает намеченной точки на другом берегу реки,” – писал о “таком обходном маневре” А.Д. Швейцер.

1. Щерба Л.В. *Избранные работы по языкознанию и фонетике. Т.1. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1958.*
2. Вайнрайх У. *Языковые контакты: Состояние и проблема исследования. – Киев, 1979.*
3. Карлинский А.Е. *Основы теории взаимодействия языков и проблема интерференции: Дисс. ... докт. филол. наук. - Алма-Ата, 1980. – 350с.*
4. Швейцер А.Д. *Перевод и лингвистика. – М.: Военное изд-во министерства обороны СССР, 1973. – 279 с.*

Түйін

Бұл мақалада билингвизм және ағылшын тілінен қазақ тіліне аударма жасаған кездегі орыс тілінің ықпалы жайлы жазылған. Сонымен қатар лексикалық интерференцияның себептері көрсетілген.

Summary

This article is devoted to bilingualism and the interference of Russian language during the translation from English into Kazakh language. The reasons of lexical interference are described as well.

ПРОБЛЕМЫ НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНОЙ СПЕЦИФИКИ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ

А.Е.Рахимова -

магистрант 2 курса КазУМОиМЯ им. Абылай хана

Проблема национально - культурного своеобразия фразеологической системы языка в настоящее время является предметом исследования многих лингвистов. В последнее время, повышенное внимание к данной теме обусловлено общим всплеском интереса к проблеме языка и культуры. Изучение национально-культурной специфики фразеологизмов традиционно проводится в плане ее выражения. Национально-культурным компонентом, в большинстве случаев, выступает входящая в состав фразеологизма безэквивалентная лексика, в которой содержится географическая, историческая и культурно-бытовая соотнесенность.

Культура - это своеобразная историческая память народа. И язык, благодаря его куммулятивной функции, хранит ее, обеспечивая диалог поколений не только прошлого и настоящего, но и настоящего и будущего. Развиваясь по законам духа, язык по мысли В. фон Гумбольдта, является своеобразным “промежуточным миром”, находящимся между народом и окружающей действительностью, определяя собой особенности мировоззрения народа, его психический склад, образ мыслей, философию, науку, искусство и литературу [1: 71].

Каждая культура имеет свою языковую систему. В различных научных направлениях встречается множество определений языка, но все они сходятся в главном: язык не существует вне культуры, это один из важнейших ее компонентов, форма проявления культурно-специфической человеческой деятельности.

Из всех уровней языковой структуры наиболее тесная и яркая связь языка и культуры проявляется на уровне фразеологии. Именно во фразеологизмах наиболее часто отражается видение мира, национальная культура, обычаи и верования, фантазия и история народа. Изучение фразеологии позволяет глубже проникнуть в далекое прошлое не только языка, но и истории, и культуры его носителей; а также способствует более глубокому пониманию сложной и разнообразной природы устойчивых сочетаний слов.

Попытка раскрыть и описать национально-культурную специфику фразеологизмов тесно смыкается с проблемами исследования человеческого сознания, мышления, восприятия мира и путей его осознания, отраженных в языке. Все, что говорится человеком, проходит когнитивную обработку – интерпретацию через систему этнолингвистической информации. Взгляд на мир осуществляется через знаки культуры, ее стереотипы, символы, эталоны: значение языкового знака тем самым соотносится с культурно-национальной системой мировидения, воплощенной в знаках культуры. Р.Х.Хайруллина отмечает: “Система образов, закрепленных в национальной фразеологии и отражающих склад ума народа, носителя языка, связана с материальной, социальной и духовной культурой языковой общности. А потому, говоря о путях формирования фразеологического значения, следует говорить о процессах порождения смысла фразеологического оборота как микротекста и способах его расшифровки (понимания). Средством воплощения национально-культурной специфики во фразеологическом обороте является его образное основание (в том числе включающее в себя и культурно маркированные реалии), а

способом указания на эту специфику - интерпретация образного основания в знаковом “культурно-национальном пространстве” данной языковой общности” [2: 225]. В.А.Маслова указывает на тесную связь фразеологических единиц с фоновыми знаниями носителя языка, с культурно-историческими традициями народа, говорящего на данном языке. По ее мнению, фразеологические сочетания приписывают объектам признаки, которые ассоциируются с определенной картиной мира, выражают свое отношение к ним и дают им свою оценку [3].

В последнее время все большее внимание лингвистов привлекают сопоставительные исследования. Обращение к межъязыковому анализу помогает лучше понять закономерности и особенности функционирования изучаемых языковых фактов, позволяет не только глубже проникнуть в структуру наблюдаемых явлений чужого языка, но и полнее осмыслить идиотические особенности своего родного языка. Национально-культурное своеобразие и особенности семантики любого языка особенно ярко и наиболее ощутимо проявляются в области фразеологии. Фразеологические единицы одного языка, как правило, не находят готовых и полных соответствий среди фразеологизмов других языков. Трудности перевода привели к тому, что сопоставительное изучение фразеологии весьма актуально.

Сопоставительное изучение фразеологических единиц дает возможность выявить сходства и различия в двух языках. При раскрытии значения фразеологических единиц, помимо адекватного перевода общего содержания оригинала, необходимо учитывать эмоциональные и стилистические особенности фразеологических единиц, поскольку фразеология двух языков развивалась в разных культурно-исторических условиях. Специфика фразеологических единиц русского и английского языков проявляется на всех уровнях языковой системы: морфологическом, лексическом, синтаксическом и стилистическом. Все это обусловлено особенностями грамматического и синтаксического строя сопоставляемых языков и не влияет на полноту эквивалентности фразеологических единиц. Вместе с тем различия фразеологических единиц связаны с особенностями оформления мысли у разных народов через грамматические категории, которые имеются в сопоставляемых языках и ведут к частичной эквивалентности.

Национально-культурная специфика фразеологизмов может проявляться на трех уровнях:

- 1) в совокупном фразеологическом значении, 2) в значении отдельных лексических компонентов, 3) в прямом значении свободного словосочетания, которое было образно переосмыслено.

1. Национально-культурная специфика фразеологизмов в совокупном фразеологическом значении связана с безэквивалентными фразеологическими единицами, которые существуют в любом языке. Это явление объясняется избирательностью фразеологической номинации народов – носителей языков. В то же время концепты, передающие семантику безэквивалентных фразеологических единиц, присутствуют в языковой картине мира данного народа. Поэтому семантика безэквивалентных единиц передается с помощью лексических единиц или словосочетаний, которые при передаче на другой язык также передаются с помощью отдельных лексем или набора лексем, дескриптивного перевода или калькирования, когда образ, на основе которого построен фразеологизм исходного языка, понятен представителям языка рецептора.

И в русском, и в английском языках имеются подобные фразеологизмы, которые не столь многочисленны, как фразеологические единицы, имеющие фразеологические соответствия в виде эквивалентов или аналогов в другом языке. В качестве примеров таких фразеологизмов можно назвать следующие единицы: дать шпоры - spur on; бедный родственник - a poor relation, i.e. a humble person who depends on others; go nuts - рехнуться; hit the high spots - говорить о главном; обращать внимание на самое существенное.

2. Фразеологические единицы, имеющие в своем компонентном составе национально-культурный компонент, являются немногочисленными в обоих языках. Маркированность национальной специфики создается наличием специфических для данного народа слов, входящих в состав фразеологических единиц, “это либо обозначения каких-либо реалий, известных только носителям одной нации или нескольким нациям, связанным общностью культуры или религии, а также своеобразные топонимы, антропонимы, гидронимы, характерные для какой-то одной страны” [4: 67].

Примером в русском языке является устаревший фразеологизм Вяземская лавра с неодобрительной эмосемой и значением ‘притон, место, где собираются люди, ведущие безнравственный образ жизни’. Происхождение фразеологизма связывают с фамилией князя Вяземского, дом которого в Петербурге пользовался дурной славой, был известен как притон людей, ведущих безнравственный образ жизни. Экспрессия оборота – в соединении конкретного имени с переосмысленным словом лавра “большой мужской монастырь, находившийся в ведении синода”. Отсюда – ироническая окраска выражения” [5: 328-239]. Английский антропоним входит в состав фразеологической единицы from John o’Groat’s to Land’s End - с севера до юга (или с юга

до севера) Англии, с одного конца страны до другого. Этимологическая справка дает нам следующее объяснение: "Джон-о' Гротс – крайняя северная точка Великобритании, названная по имени Яна Грота, выходца из Голландии, поселившегося у северной оконечности Шотландии при Иакове IV (1473-1513)" [6: 417].

3. Национальная специфика фразеологизма может отражать историю народа, своеобразные традиции, обычаи, его характер, изначально заложенные в его прототипе.

Например, фразеологическая единица сам себя высекала (ироническая) – о человеке, нарвавшемся на неприятность, которую сам себе учинил, причинившем себе вред своими словами или действиями, является собственно русским оборотом, возникшим в середине XIX в. "Является переосмыслением слов Городничего в комедии Н.В.Гоголя "Ревизор" (1836). Городничий, отвечая на жалобу незаконно высеченной властями унтер-офицерской вдовы, оправдывается абсурдным утверждением, что она сама себя высекала" [5: 105].

Национально маркированным является английский фразеологизм *have kissed the blarney stone (the Blarney Stone)* - быть льстецом. Фразеологизм основан на старинном предании, согласно которому тот, кто поцелует камень, находящийся в ирландском замке Бларни, обретает способность льстить [6: 725]. Фразеологизмы в сопоставляемых языках могут иметь одинаковое значение, однако основываться на разных образах, имеющих ярко выраженный национальный характер. Типичным примером подобного явления являются ФЕ *ездить в Тулу со своим самоваром* и *carry coals to Newcastle*, включающие в свой состав также национально-специфические топонимы.

В то же время нельзя преувеличивать роль национально-культурного компонента во фразеологической картине мира. Во фразеологических системах русского и английского языков существует значительное количество интернационализмов, а также фразеологизмов, связанных с общечеловеческим знанием о свойствах реального мира. Отличия в их образной основе объясняются "не столько их культурным своеобразием, сколько несовпадением техники вторичной номинации в разных языках" [3: 84]. Культура каждого народа имеет совершенно разные основы формирования. Поэтому хотелось бы отметить, что при изучении языка с целью перевода необходимо уделять большое внимание именно аспектам истории, культуры. Поскольку без знания каких-либо особенностей невозможно адекватно перевести ни одну фразеологическую единицу. В. фон Гумбольдт указывает: "Все люди говорят как бы одним языком и в тоже время у каждого человека свой язык... Язык дает живо чувствовать каждому человеку, что он не более как частица целого человечества. Вместе с тем, только в речи индивида слова получают окончательную определенность, речь есть лучшее средство достижения объективной мысли, с ее помощью люди добиваются достаточного для их практической деятельности взаимопонимания" [1: 75].

Так, язык любого народа закрепляет в себе историческую память слова. Благодаря этой памяти можно изучать природу конфликтов, различные ситуации, эмоции и чувства человека и т. д., одним словом, как фразеологизмы воспроизводят характерологические черты народного менталитета.

1. Гируцкий А.А. *Общее языкознание: Учебное пособие для студентов вузов/ А.А. Гируцкий.* - Мн., 2001. - С.71-75.

2. Хайруллина Р.Х. *Фразеология как микротекст: порождение смысла// Исследования по семантике: Межвузовский сборник в честь доктора филологических наук, профессора Л.М. Васильева. Вып. 21/ Отв. ред. Р.М.Гайсина.* - Уфа, 2001. - С. 224-229.

3. Маслова В.А. *Лингвокультурология: Учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений / В.А.Маслова.* - М.: Академия, 2001.- 208 с.

4. Селифонова Е.Д. *Этнокультурный аспект отражения картины мира (на примере русских и английских фразеологизмов с моносемными компонентами) / Е.Д.Селифонова // Фразеология и межкультурная коммуникация.* - Тула: Изд-во ТГПУ им. Л.Н.Толстого, 2002.- Ч.2.- С.65-68.

5. Бирих А.К. *Словарь русской фразеологии. Историко-этимологический справочник / А.К.Бирих, В.М.Мокиенко, Л.И.Степанова.* - СПб.: Фолио-Пресс, 1998.- 704 с.

6. Кунин А.В. *Англо-русский фразеологический словарь.* - 4-е изд. / А.В.Кунин.- М.: Рус. язык, 1984.- 944 с.

Түйін

Бұл мақалада тілдердегі фразеологиялық бірліктердің ұлттық-мәдени ерекшеліктері туралы айтылады.

Summary

This article devoted to the problem of national-cultural specific of phraseological units in the languages.

**ОТРАЖЕНИЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ КАРТИНЫ МИРА ВО ФРАЗЕОЛОГИЗМАХ
С СЕМАНТИЧЕСКИМ КОМПОНЕНТОМ «ВРЕМЯ»
(на материале русского и английского языков)**

В.Н.Семенюк –

магистрант 1 курса, КазНПУ имени Абая, Алматы

В данной статье рассматриваются типы фразеологизмов с семантическим компонентом «время» и проблемы перевода таких фразеологизмов с английского языка на русский и с русского на английский.

Благоприятные условия для исследования фразеологических систем различных языков создала усилившаяся в последние десятилетия тенденция к изучению языка как средства коммуникации, неразрывно связанного с особенностями национальной культуры носителя языка. Этот процесс сопровождается становлением таких отраслей языкознания как: лингвострановедение, этнолингвистика, лингвокультурология, этнопсихо-лингвистика и т.д. На необходимость и важность сопоставленного подхода к изучению фразеологии различных языков неоднократно указывали многие известные лингвисты (В.В. Виноградов, Р.А. Будагов, М. М. Копыленко, А.Е. Тажимуротов и др.), представившие не только развернутые дефиниции понятия «фразеологизм», но и классификации фразеологизмов на основе ведущих характерных признаков. Так, например, по мнению В.В. Виноградова, фразеологизм – это «целостная единица, идиома, устойчивое сочетание слов, которое характеризуется постоянным лексическим составом, грамматическим строением и известным носителям данного языка значением (в большинстве случаев – переносно-образным), не выводимым из значения составляющих фразеологизм компонентов [1, 453]. А.В. Кунин определяет ФЕ (фразеологическую единицу) как «устойчивое сочетание слов с осложнённой семантикой, не образующееся по порождающим структурно-семантическим моделям переменных словосочетаний» [4, 257].

Большинством авторов характерными особенностями фразеологизмов признаются: воспроизводимость, сложность и постоянство состава, семантическая неделимость. Эти свойства проявляются у фразеологизмов любого естественного языка, в том числе – русского и английского, и определяют особенности перевода ФЕ с одного языка на другой.

Воспроизводимость фразеологизма заключается в том, что в отличие от свободных словосочетаний, которые строятся нами непосредственно в речи, фразеологизмы употребляются в готовом виде, такими, какими они закрепились в языке, какими их удерживает наша память. Так, например, сказав “ a bosom ” /грудь, душа, сердце/, англичанин обязательно произнесет “ friend “ /друг/ (не *pal* /приятель, сотоварищ), воспроизводя закрепившуюся в английском языке фразеологическую единицу a bosom friend /сердечный друг/.

Фразеологизмы всегда сложны по составу, они образуются соединением нескольких компонентов, имеющих, как правило, отдельное ударение, но не сохраняющих при этом значение самостоятельных слов. Например: *Hold one's hand* /воздержаться от чего-либо/; *Honest to God!* = *Видит Бог!*

Фразеологизмы семантически неделимы, они имеют обычно нерасчлененное значение, которое можно выразить одним словом: *Lose one's head* = *растеряться*; *Lose one's heart* = *влюбиться*; *Make a poor mouth* = *прибедняться*.

Правда, эта особенность свойственна не всем фразеологизмам. Есть и такие ФЕ, которые приравниваются к целому описательному выражению. Например: *Have a green thumb* = *золотые руки* (о садоводах); *Have all one's goods in the shop window* = *выставлять напоказ*; *Have a lot on the ball* = *быть очень способным*. Как правило, такие фразеологизмы возникают в результате образного переосмысления свободных словосочетаний.

Фразеологизмы в отличие от свободных словосочетаний характеризует постоянство состава. Тот или иной компонент фразеологизма нельзя заменить близким по значению словом, в то время, как свободные словосочетания легко допускают такую замену. Например, вместо *a ladies' man* (= *дамский угодник, ловелас*) нельзя сказать *a gentlemen' women*. Вместо *lady luck* (= *госпожа удача*) не употребляется *man luck*. Между тем как свободные словосочетания позволяют замену компонентов: *To read/write/ a book / a novel/ a story/.*

Однако некоторые фразеологизмы имеют варианты: *With all one's heart* /от всего сердца/; *With all one's soul* /от всей души/.

Тем не менее, существование вариантов не означает, что в этих фразеологизмах можно произвольно обновлять состав. Это свидетельствует о предсказуемости компонентов фразеологизмов. Большинству фразеологизмов свойственна непроницаемость структуры: в их состав нельзя произвольно включать какие-либо элементы. Так, в состав фразеологизма *Lares and penates* (= *домашний очаг*) нельзя ввести дополнительный компонент *Very lares and penates*. Исключение составляют фразеологизмы, которые допускают вставку некоторых уточняющих слов. Например: *To learn one's lesson* = *извлечь урок*; *To learn good lesson from something* = *извлечь урок из чего-либо*.

Структурной особенностью отдельных фразеологизмов является наличие у них усеченной формы наряду с полной. Так, в английском языке употребляются полная и усеченная формы ФЕ *A friend in need is a friend indeed* (= *друг познается в беде*) и *A friend in need* (= *закадычный друг*).

Сокращение состава фразеологизма в подобных случаях объясняется стремлением к экономии речевых средств, но иногда приводит к полному переосмыслению и изменению значения фразеологизма.

Фразеологизмам присуща устойчивость грамматической формы их компонентов: каждый член фразеологического сочетания воспроизводится в определенной грамматической форме, которую нельзя произвольно изменять, т.е. нельзя заменять формы множественного числа единственным и наоборот, сравнительные степени имени прилагательного и так далее. Лишь в особых случаях возможны вариации грамматических форм в составе отдельных фразеологизмов. Например: *To gather up the thread (s)* (= *возобновить какое-либо дело*); *To get into deep water* (= *попасть в затруднительное положение*).

Для большинства фразеологизмов характерен строго закрепленный порядок слов. Например: *A lay figure* (манекен) не *figure lay*.

В то же время фразеологизмы глагольного типа, то есть состоящие из глагола и зависящих от него слов, допускают перестановку компонентов. Неоднородность структуры ряда фразеологизмов объясняется тем, что фразеология объединяет довольно пестрый языковой материал, причем границы некоторых фразеологических единиц очерчены недостаточно определенно. [4,157] В связи с этим возникают различные сложности при переводе данной категории фразеологизмов

Вообще, перевод фразеологизмов с семантическим компонентом «время» представляет значительную трудность, не существует готовых рецептов для перевода подобных фразеологизмов. Поэтому необходимо детальное исследование различных групп фразеологизмов и разработки методов их перевода. Проблема перевода данной категории фразеологизмов, заключается в том, что люди разных народов по-разному относятся и воспринимают понятие о времени. Оно может включать в себя: временное пространство (время суток, сезоны, период времени, жизни); возраст – молодой, старый, устаревший - к явлению, и т.д.

Англичане склонны к конкретизации временного понятия, к его точному обозначению, в отличие от русских, которые допускают неточности, обобщения, отсутствие рамок временного пространства и т.д.

Рассматривая специфику семантики фразеологизмов путем сопоставления фразеологических единиц разных языков, можно отметить, что наряду с семантически абсолютно тождественными, достаточно часто встречаются такие, у которых совпадают значения всего выражения, например: Старость – не радость. *Old age is no joy* [7, 105]. *Out of the mouth of babes comes the truth.* (данный фразеологизм берет начало из Библии). Устами младенца глаголет истина. [9,894]

Калиф на час = *Caliph for an hour* (данный фразеологизм из арабского фольклора) [3,81]; *Appetite comes while (or in? while) eating* = *Аппетит приходит во время еды* [4,381]; *Идти в ногу со временем* = *Be in step with the times* [7,377]; *Time is money* = *Время – деньги* [9,1037]; *Время – лучший лекарь* = *Time is the best healer.* и другие. [7,98] а также избранный для переноса образ, но не совпадают какие-то детали, например: *До гробовой доски* /*Till one's death*/ [6,78]; *Very old/ С бородой* [4,835]; *Есть еще порох в пороховницах*/ *There is still life in the old dog yet* [2,501]; *I'll forgot my age and do it/ Тряхнуть стариной* [9,255].

Разнообразие структурно-грамматических типов, богатство значений, многочисленность фразеологических единиц с семантическим компонентом «время» дают возможность говорить о значимости этого фразеологического гнезда в разряде фразеологии и в языке в целом.

Таким образом, для того, чтобы достичь высокого уровня перевода, необходимо предварительно познакомиться с национально-культурной семантикой переводимого

языка. Известно, что национально-культурная семантика присутствует на всех уровнях языка. Во фразеологизмах она проявилась очень ярко.

Общеизвестно, что переводу уделено не мало внимания в теоретических работах, в каждом пособии по переводу художественной литературы, во многих публикациях по теории фразеологии и сопоставительной лингвистике (Жуков В.П. «Семантика фразеологических переводов», Шанский Н.М. «Фразеология современного русского языка», Копыленко М.М., Попова З.Д. «Очерки по общей фразеологии» и т.д.) Связанные с этим проблемы рассматриваются по-разному, рекомендуются различные приемы перевода, такие как:

- *фразеологический перевод*. Фразеологический перевод предполагает использование в тексте перевода устойчивых единиц различной степени близости между единицей Иностранного языка (ИЯ) и соответствующей единицей Переводного языка (ПЯ)- от полного и абсолютного эквивалента до приблизительного фразеологического соответствия.

Например:

Don't count your chickens before they hatch /Цыплят по осени считают [9,277];

Делу время, потехе час /*Business before pleasure*/[Also: 'Business first, pleasure afterwards'];
Appetite приходит во время еды[8,154]/*Appetite comes with (or in, while) eating*/.

- *Нефразеологический перевод*. Нефразеологический перевод как показывает само название, передает ФВ при помощи лексических, а не фразеологических средств ПЯ. К нему прибегают обычно, лишь убедившись, что ни одним из фразеологических эквивалентов или аналогов воспользоваться нельзя. Такой перевод, учитывая даже компенсационные возможности контекста, трудно назвать полноценным: всегда есть некоторые потери (образность, экспрессивность, коннотации, афористичность, оттенки значений), что и заставляет переводчиков обращаться к нему только в случае крайней необходимости.

Например: *Времен царя Гороха/Something being very old*[8,208];

(Расту; выздоравливать) Не по дням, а по часам/ To grow or to recover swiftly/. [the phrase «расти не по дням, а по часам» has entered the Russian language from the tale of Tsar Saltan by A.S.Pushkin, rus. poet: «И растет ребенок не по дням, а по часам».]

- *контекстуальный перевод* или *выборочный перевод*. Говоря о приемах перевода Фразеологических единиц (ФЕ) и выборе между ними, остается оговорить еще два понятия: контекстуальный перевод и выборочный перевод.

В применении контекстуального перевода к фразеологии А.В. Кунин [4] пользуется термином «обертональный перевод, а Я.И. Рецкер [5] – «контекстуальная замена».

Чаще всего о контекстуальном переводе мы вспоминаем, конечно, при отсутствии эквивалентов и аналогов – когда фразеологизм приходится передавать нефразеологическими средствами.

Например:

Кормить кого-либо завтраками: Uses ironically to mean: to promise “it will be done tomorrow”:

1) To give somebody (or feed somebody with) empty promises; to put something on ice (or on the back burner, on hold)

2) To say “we’ll catch birds tomorrow. (Contrast: С.ф. *не откладывай на завтра то, что можно сделать сегодня.*) С.ф. *семь верст до небес; не вешать лапшу на уши; обещанного три года ждут.*[7,206]

Днем с огнем не найти. (Не сыскать) что-либо, кого-либо: Something or someone is not available, hard or impossible to find. [The phrase came from the legend about Giogenes (412? – 323 B.C.), Greek philosopher, who was looking for a man during the day using a lantern, but didn't find him]. To look for something with a light in broad daylight. [7,153]

При выборе учитываются все показатели исходной ФЕ и, не в последнюю очередь, ее стиль и колорит; иногда именно стилистическое несоответствие или наличие колорита не допускает в перевод, казалось бы, самую подходящую единицу.[3,47]

Но однозначного, стандартного, одного на все случаи решения здесь быть не может. В различных ситуациях может потребоваться разный подход. Именно поэтому практически невозможно заменить человека - машиной, компьютером. Компьютер не может ощутить себя частью той культуры, языке представителей которой написан тот или иной текст, не сможет вжиться в него, выдать единственно возможный и в тоже время неповторимый вариант. Человек и только человек способен интегрировать в свое мышление всю громадную совокупность норм, правил, обычаев чужой культуры, одним словом реалий, и изложить чужие мысли также ясно и свежо, как они были высказаны, используя при этом все могущество и богатство языка, на котором говорит он сам.

1. Виноградов В.В. Русский язык. - М.: Наука, 1972. – 639 с.
2. Жуков В.П. Семантика фразеологических оборотов. – М.: Просвещение. – 1978. – 159 с.
3. Шанский Н.М. Фразеология современного русского языка. – М.: Высшая школа, 1985. – 160с.
4. Кунин А.В. Фразеология современного английского языка. – М.: Международные отношения, 1996.
5. Рецкер Я.И. Теория перевода и переводческая практика/Я.И. Рецкер. – М.: Наука, 1974. – 451с.

Список использованных словарей

6. Т.В. Пархамович «1000 русских и 1000 английских идиом: словарь, 4 изд. , 2003.-128 с.
7. С.С. Кузьмин Русско-английский фразеологический словарь переводчика. – М., 2001. – 776 с.
- 8.Кунин А. В. Англо-русский фразеологический словарь. – М.: Государственное издательство иностранных и национальных словарей, 1955. – 1455 с.
9. Oxford advanced Learner's Dictionary of Current English. – Oxford: Oxford University Press, 2003. – 1545 p.

Түйін

Бұл мақалада "уақыт" семантикалық құрамдас бөлігі бар фразеологизмдер мен аталған фразеологизмдерді орыс тілінен ағылшын тіліне және ағылшын тілінен орыс тіліне эквиваленті аударманы қамтамасыз ететін аударма қабылдауын қарастырылады.

Summary

In this article the phraseological units with the "time" semantic component and methods of translations providing for an equivalent translation of these phraseological units from Russian into English and from English into Russian languages are considered.

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

МИР ПРИРОДЫ И ЧЕЛОВЕКА В РОМАНЕ АЙГУЛЬ КЕМЕЛЬБАЕВОЙ «БАШНЯ»

С.Д.Сейденова –
к.филол.н., доцент АТУ

Взаимодействие человека и природы – одна из ключевых проблем современности. Писатели мира не только выступают борцами за сохранение природы, но и стараются предвидеть проблемы их взаимоотношений в будущем. Кризис экологии духовной, культ потребительства нашли специфическое преломление в романе казахской писательницы Айгуль Кемельбаевой «Башня» («Мұнара», 2002).

Роман «Башня» состоит из двух частей: потребительская цивилизация, изображенная в первой части («Няня»), противопоставляется естественному миру природы во второй («Последний тигр»). Во второй части романа «Последний тигр» автор погружает читателей в лоно природы. Главная героиня Айжан словно растворяется в авторе-рассказчике, автор-повествователь выступает на первый план.

В «Последнем тигре» явственно выражается созвучие вдохновения автора с миром природы. Писательница словно предугадала таинственную основу всей жизни, — природной и человеческой, — основу, на которой зиждется и смысл космического процесса, и судьба человеческой души, и вся история человечества. Она подчиняет ее разумным законам, постепенно воплощая в ней идеальное содержание бытия, давая первозданной природной жизни смысл и красоту. Во второй части романа особенно заметны лиризм и трагизм, придающие произведению глубину, полноту жизни, правдивость и притягательность. Авторская оценка движения времени и судьбы героев проникнута искренним чувством соучастия. Писательница использует фактологический материал и предпочитает называть подлинные имена героев, имеющие родственные корни с автором. Это придает повествованию больше искренности и позволяет автору-рассказчику полнее раскрыть собственный внутренний мир. Автор повествует о трагической участи ее родных, ставших жертвами советской тоталитарной системы. Дед по отцовской линии, сосланный в Магадан, не выжил, оставив после себя молодую жену с двухлетним сыном. Они также не сумели выстоять против тяжелого удара судьбы. В памяти остался только образ дедушки по матери, промышлявшего охотой в родных местах. Благодаря

увлекательным и интересным рассказам матери и живому любознательному уму ее слушательницы, образ охотника был ею воссоздан.

В изображении образов животных и человека в романе использован прием художественного параллелизма. Основная идея второй части книги сфокусирована вокруг главного образа-лейтмотива - образа тигра.

По признанию автора, тигр не имеет прямого отношения к охотнику Абдухамиту, прозванному Тарбак, он является своеобразным духовным символом писательницы: «Жолбарыс бейнесін енді жарық дүниеге кіндігімді кескенде жазушы болып туу маңдайыма жазылып қойған соң суретші ретінде өзім ойлап таптым. Оның шешемнің аңшы атасына еш қатысы жоқ. Негізгі идеяның бірі - жолбарыс. Асылында ол да менің рухани болмысымның бейдауа нышаны» [1, 88].

Писательница использует противопоставление как способ типизации, ведущий к возвышению образов до уровня художественных символов. Тем самым в повествование вводится глубинная перспектива. Образы носят философскую сверхзадачу. Так писательница отсылает читателей к более глубокому постижению смысла названия второй части. Как известно, тигр — это самый грозный азиатский хищник. С ним связано много легенд и преданий. Тигр символизирует бесстрашие и силу. Восточная философия отводит тигру роль защитника от злых духов, болезней. Тигр никогда не нападает зря. Благоразумие в сочетании с мужеством — сильнейшее его оружие. Издревле на Востоке тигра считали магическим, сверхъестественным существом. Был даже создан культ тигра. Тигра почитали как бога — хозяина гор и пещер, как посредника между Небом и Землей. В литературе он выступает защитником справедливости, мудрости, а иногда - пылкой любви. Тигр любит обозревать красоту своих владений. Жизнь в стае не для него, он предпочитает уединение.

Противником тигра является кабан. Кабан — животное, символизирующее жестокость. Он выступает в качестве персонификации греха, похоти и обжорства. Если на Востоке тигра считают священным животным, то отведать мяса кабана — греховное занятие. Как видно, образно-ассоциативная система книги очерчена этническим мировосприятием.

Кроме того, в образной системе романа широко используются устойчивые системы эпитетов, метафор, сравнений, характерных для национального сознания и образа автора.

Природа в романе уникальна. Интерес к родному краю, уважение и любовь к его природе, пытливые изучение повадков животных и птиц превращают вторую часть романа в энциклопедию жизни фауны. Автор избегает мифологизации природы. Тем не менее, восприятие природы как царства гармонии и добра, чистоты и непорочности явно присутствует.

Обращаясь к истории родовой ветви, писательница погружает читателей в далекие времена вселенской гармонии и покоя. В романе изображена уединенная, совершенно безлюдная, богатая разнообразной дичью местность Кундызды, где проводил всю свою жизнь охотник Тарбак: «Кундызды Тарбақтың кіндік кескен ата қонысы еді, тоғайдан үріккен елік те, сайдан калқып қашқан бұлан да, аулақта үрген түлкі де Тарбақтыкі еді. Шөбі майда, суы бал, аң-құсы жырттылып айрылатын, кішігірім өзен-сулары кундызға бай жер...» [1,98].

Портретная характеристика охотника выдает в нем самобытную, цельную личность: «Тарбак ұзын бойлы, ақ сары дөңгелек жүзді, қыр мұрынды, келбетті кісі. Шоқша сақалына аздап ақ кірген, жаз басынан тақиясы түспейді, қыс тақияны тымақтың ішінен қабаттап киеді. Оның үйірлеп жылқы айдаған қыр шонжарларынан, текті атадан шыққанын бітім-тұлғасы ерекше танытып қояды...Тарбак - заты ақ жүрек, қайырымды, бірақ бетің бар, жүзің бар деп жасқанбайтын, тік мінез, тәуекелшіл адам» [1,102]. Характер охотника передан лаконично: «Мейірбандығы мен мәрттігі тосыннан лақ еткізетін жомарт пейілінен көрінеді. Өзіне молда қарсы сөйлемейтін, Құраннан жатқа біледі, мұсылманшылық салтқа адал. Тарбақтың сүйікті кәсібі - аңшылық. Өзі қырық жыл өтсе де Қазан төңкерісін қабылдамаған ескішіл қазақтың бірі, ақ патша тағына қайта отыратындай сыртқы тіршілікке марғау адам» [1,103].

Отличает охотника Тарбака душевная щедрость — его родовая черта. Гостеприимству его нет равных, так как любимое занятие Тарбака - созвать всех родичей в гости и накормить их вдоволь. Появление тигра в родных местах охотник воспринял как хорошую весть, ведь в последнее время тигр стал жертвой “бездумного потребительства и трусливой жестокости” [1,101]. Он убежден в том, что судьба человечества неразрывно связана с существованием природы. «Бірақ тоғайын құртқан қасиетсіз мекеннен жолбарыстың ұрпағы қоса құрып келеді. Алыбы жоғалған ел түбі ергежейліге айналар», - философски заключает герой. Он навсегда сохранил в себе свежесть восприятия окружающего мира, глубину и искренность в отношении к природе.

Язык романа отличается глубокой поэтичностью, внутренняя взволнованность и лиризм повествовательной манеры сближают их с народной поэзией. Лирическое начало проявляется в

художественно-выразительных средствах авторской речи, в иносказательных приемах и фигурах поэтического синтаксиса.

Главным объектом изображения в «Последнем тигре» является мир природы в соотношении с человеческой жизнью. Картины природы художница соразмеряет с человеческими интересами, порывами, надеждами, раздумьями, стремлениями. Такую же роль играют и образы птиц: «Далада туып, сол далада өлетін қаз дауысты қазақ құс жолындағы мәңгілік сағынышты, мынау жұмбағы мол жасыл көл тәрізді бұлдыр мекенді, қауырсыны өсіп жетілген дегдар әлем бейнесін өле-өлгенше көкірегімен аңсай береді, аңсай береді. Сол себептен болар, аңшы атамекеннен бақ кыып, адасып ауып кетпейді [1,162]. Идея единения человека и природы особенно выражена в данном отрывке. Мышление писательницы образное, субъективное и ассоциативное.

Вторая часть романа напоминает путешествие в лоно природы с целью обрести собственное, изначально целостное “я”, утраченное под тлетворным воздействием “потребительской цивилизации”. Это духовное путешествие А.Кемельбаева тесно связывает с природой края, проводит и характеризует через него.

Природа в «Последнем тигре» является непосредственным предметом. Естественная жизнь животного мира (тигров, косуль, архаров, кабанов и др.) противопоставляется современной потребительской цивилизации, описанной в первой части романа. Художник философской ориентации, Айгуль Кемельбаева обозначает контуры реальности между искусственным и естественным, гуманным и бездумно-потребительским. Это своего рода призыв к истинному бытию – к изначальной цельности собственной натуры, к первозданности естественного окружения. Жестокому, бездушному отношению к животным, автор противопоставляет традиции и духовные ценности родного народа. Она убеждена, что нарушение их влечет за собой неминуемое наказание: «Аңшы арқарды көп ауласа да бұл аңның мүйізінің бітеу ұшын төңкеріп, ыдыс қылып, қорқырап аққан қанын құйып ішіп көрген жоқ. Бұл қазақтың салтында жоқ, ал көне дәстүрді бұзған адам оңбайды. Арқарлар қарағайдай мүйізін жерге қадап тыныстайтын өлкеде жер сілкінгеннен аулақ. Бір-бірімен матасқан құпия тіршіліктің жазмышында қылдай ақау болмауға тиіс. Себебі, батпағы құрғап, бақасы құрыса, сол құтсыз мекеннен аққұтандар қоса жоғалмақ. Кінә мен жаза қосарлы» [1,134].

Писательницу отличает не только общенациональное, но и индивидуалистическое специфическое видение природного мира. Чувство восхищения и искреннего удивления вызывают повадки животных и птиц. Архары и горные козлы ловко скачут по каменистым склонам гор, неся на себе тяжелые ветвистые рога. Дятел легко и ловко перемещается по стволу дерева вверх и вниз. Животные и птицы наделены непростыми на первый взгляд обязанностями. К примеру, дятлы – природные санитары, архары и горные козлы поддерживают равновесие на земле и тем самым спасают все живое от землетрясения. Писательница обращает внимание на то, что животные обеспокоены сохранением вселенской гармонии.

Основная философская мысль романа состоит в постижении смысла жизни – через восприятие природы, природных начал бытия. Автор как последний тигр, стремится обозначить свою территорию, защитить от посягательств бездушного внешнего мира.

Живой мир выступает в тесном соседстве со смертью, загубленными человеком жизнями: нелепая смерть борзых охотника Тарбака из-за людской зависти и жестокости. Важно отметить, что борзые в романе представлены не только рядом с человеком, не попутно, а в переплетении судеб.

Нравственные основы личности человека определяются его взаимоотношением с миром природы: животными и птицами, звездами и растениями. Душа охотника раскрывается через отношение к природе.

Книга служит формированию нравственных основ экологической культуры и пробуждения чувства национального самосознания.

Роман призван помочь человеку увидеть красоту мира, грани бытия, скрытые от обычного взгляда. Авторское сознание выступило как соединение разума и чувств, знаний и эмоций. Народные традиции бережного, уважительного отношения к окружающему миру восходят к фольклору: человек не отделяет себя от природы и не ставит себя над ней. Они предостерегают от заблуждений, побуждают к раздумьям, убеждают в суетности, мелочности житейских забот.

Особая роль в раскрытии авторского замысла принадлежит тигру. Это образ-символ, воплощающий глубинную связь человека и природы. Он наравне с охотником является хозяином леса и гор, но он, скрываясь от человеческих глаз, незримо охраняет свои уголья.

Роман А.Кемельбаевой «Башня» дает возможность не только узнать природу, но и почувствовать ее, эмоционально погрузиться в мир природы, ощутить единство с ней, осознать ответственность за ее сохранность.

Вторая часть романа отличается яркостью и разнообразием красок в описаниях охоты и тонкостью наблюдений над повадками зверей и птиц. Охотничья тема предоставляет писательнице неограниченные возможности и для пейзажно-лирического жанра, и для психологического портрета, и для обобщений социального порядка. Писательница имеет непререкаемый талант наблюдения и описания. Красочно описание национальной природы и охоты, частично, быта и людей. Произведение написано свободным, легким и образным языком, насыщено проникновенным лирическим чувством.

Помимо художественной и познавательной ценности, «Башня» Кемельбаевой имеет также ценность мемуарного источника. Действие в ней очерчено определенной местностью (Арка), а действующие лица взяты из жизни.

В основу романа положены действительные события, собственные наблюдения и впечатления автора. Писательница владеет энциклопедическими знаниями о жизни зверей и птиц. Мы узнаем о повадках животных (тигр, барс, леопард, кабан, косуля, архар и др.) и птиц (горная куропатка, дятел, дикий гусь и др.), о значении леса для человека и о том, как охотник бережно относится к его обитателям, почему нельзя нарушать закон, завещанный предками. Все это создает интеллектуальный и психологический “климат” произведения.

Известно, жизнь природы идет по своим мудрым глубинным законам. «Последний тигр» вобрал в себя раздумья о жизни, о выборе пути.

Автор-повествователь – лирик: по интенсивности чувства, по лирической напряженности интонации, по истинной любви к родным местам, к традициям родного народа, а главное, по возвышенному благородству духа, силе темперамента, презирающего самодостаточность.

Память о родных становится своеобразной связью между поколениями, носителями национального мировоззрения: «Менталитеттен адам өлмей ажырай алмайды, мен кешегі адыршақ кең далада жылқы мінген көшпенді халықтың ұрпағымын, сондықтан менің қанымда жайбасарлық пен асығыс-қапылысты жақтыртпау бар. Ата-бабамыз айтқандай, шынымен, асыққан - шайтанның ісі. Ұлттық дүниетанымыма жат болған соң шығар, тарлықтан сұмдық қорқамын».

В описании природы писательница подмечает ее мельчайшие черточки, оттенки, настроения. Такой прием позволяет автору постепенно открывать красоту окружающего мира. Автор-повествователь легко растворяется в природе, создавая на земле ощущение божественного мира. Она созерцает природу активно, точно подмечая каждую деталь: силу ветра, возраст деревьев, запах растений, характеры и настроение обитателей леса и гор.

Писательница стремится за видимым покровом угадать великую тайну человеческой природы. Сердце художницы открыто для узнавания природы как части самого себя. Вскользь проглядывает мысль о хрупкости жизни, о беспомощности природы, безвозмездно дарящей радость всему сущему.

Во второй части романа осуществляется намеренный “уход” писательницы от алчного, бездушного мира людей в мир Природы. Несмотря на то, что в романе не происходит явного столкновения и сопоставления между человеком и природой, ясно очерчена мысль автора о жестокости, губительности цивилизованного мира. Само название второй части - «Последний тигр» - предупреждает о безвозвратности и исчезновении гармонии в мире вследствие равнодушного отношения к природе – колыбели жизни. Айгуль Кемельбаева, противопоставляя живую природу материальной цивилизации, посвящает им две контрастные части под названиями «Няня» и «Последний тигр». Углубляясь в сущность человека-охотника, автор дает понять, что все самое существенное, духовное заложено самой природой. Писательница утверждает, что от самого человека зависит, какой путь он выберет. Постоянные заглядывания в потаенные глубины собственной души, рефлексии героини Айжан не дают опуститься ей до неуважения к себе, позволяя оставаться человеком в высшем смысле.

Роман «Башня» можно назвать “духовной автобиографией” писательницы, в которой художественно отразились ее жизненные принципы. В нем подняты вечные темы: человек, природа, искусство, литература, философия, история и современность. В образе автора-повествователя присутствует ярко выраженная мировоззренческая основа: убежденность в подлинной ценности силы духа и внутренней силы человека. В романе «Башня» отразилось понимание человеческой жизни как части природы, в которой человек участвует помимо своей воли, и высшей красоты действительности в художественном творчестве.

Автор воссоздает национальную картину мира, попутно решая проблему глобализации человеческого общества. Образную систему мировоззрения писательницы отличают национально ориентированные концепты пространства и времени, явлений природы, а также общечеловеческие нравственные и эмоциональные концепты. И, как пишет Айгуль Кемельбаева, “у писателя нет

другой судьбы, кроме как запершись в своей башне из слоновой кости, продолжать творить и творить”.

1. Кемелбаева А. Мұнара: Роман. – Алматы: «Сорос-Казахстан» қоры, 2003. – 149 б.

Түйін

Аталған мақалада әйгілі жазушы, публицист, эссеист Айгүл Кемелбаеваның «Мұнара» атты романындағы адам және табиғат әлемі қарастырылады.

Summary

The article is devoted to the world of human and nature in the novel “The tower” written by a famous writer, publicist, essayist Aygul Kemelbayeva.

ОТ «ДНЕВНИКОВОЙ ПОЭЗИИ» К «ЧИСТОЙ ПРОЗЕ»:
ОБ ИСТОРИЧЕСКОМ СМЫСЛЕ ТВОРЧЕСТВА М.Ю. ЛЕРМОНТОВА

Л.И.Абдуллина –

к. филол. н., доцент ВКГУ им. С. Аманжолова (г. Усть-Каменогорск)

«Исторический смысл творчества Лермонтова прояснен еще очень недостаточно» /1, 181/ - так написал Б.Н.Эйхенбаум, один из лучших исследователей творчества поэта. И это утверждение, высказанное в 1939 году, справедливо и сегодня.

В лермонтоведении исповедальность, «дневниковость» лирики поэта воспринимаются как характерные стилевые свойства, одновременно присущие его прозе и драматургии. Эволюция поэтической мысли Лермонтова проецируется, прежде всего, на романтическую поэму как повесть человеческой жизни, «сокровенную жизнь сердца» – источник романтизма для современников поэта. Очевидное преобладание лиро-эпических форм позволяет проследить процесс взаимопроникновения двух словесных стихий в его творческой манере.

«Родственная» связь поэзии и прозы проступает и в смешении жанров и стилей, и в использовании разных ритмических приемов, и, наконец, в одновременной работе художника над поэтическими и прозаическими текстами (неоконченные романы «Вадим» – 1833-1834гг, «Княгиня Лиговская» – 1836г.), что, в свою очередь, свидетельствует об осознании Лермонтовым своего истинного поэтического назначения. Обращение к «поэзии мысли», к кавказской теме, к разным жанровым формам, переходы от лирики к поэмам, от поэм к драме, от драмы к роману, действительно, повторяет творческую эволюцию его предшественника А.С. Пушкина, но в еще большей степени отражает магистральный путь формирования отечественной прозы. Отход от абстрактно-философской и субъективно-лирической тематики юношеского периода 1836-1837гг. приводит Лермонтова к новым темам и жанрам, к новому языку, наконец, к новой системе художественных средств и приемов.

Пробуя разные жанровые формы, используя риторические обороты наряду с разговорной интонацией, поэт пытается не столько вырваться из плена собственной лирики, сколько преодолеть «груз поэтических традиций», «вывести» поэзию «из состояния пушкинского равновесия» /1,409/. В 1840-м году В.Г.Белинский в статье «Взгляд на русскую литературу» писал, что Лермонтов, только заявив о своем появлении как «поэт с большими надеждами», «вдруг является с повестью «Бэла», написанною в прозе»/2,288/. Критик отметил лирическую природу таланта Лермонтова, при этом категорически признавая равновеликость его дарования:«Лермонтов и в прозе является равным себе, как и в стихах» /2, 290/. Оценка авторитетного критика пушкинской эпохи отражает, прежде всего, восприятие произведений начинающего поэта современниками, и это делает, на наш взгляд, неубедительным заявление Б.Эйхенбаума, что в отличие от «спокойных переходов» Пушкина от одних поэтических форм и жанров к другим, и от стиха к прозе» Лермонтов «лихорадочно бросается от одних форм к другим, делая опыты сразу и в лирике, и в поэме, и в драме (в стихах и в прозе), и в повести». Белинский фиксирует одновременность (1838г. – первые стихи и поэма «Песня про ...купца Калашникова», 1839г. – первые повести-части будущего романа «Герой нашего времени») и, еще раз подчеркнем, равновеликость поэтических и прозаических опытов молодого литератора.

Лермонтов использует разнообразные стихотворные, в том числе ранее не популярные ритмы, в частности трехдольные размеры балладной поэзии, пятистопный ямб без цезуры с мужскими рифмами, многочисленные резкие разрывы строк – благодаря этому стиховая речь наполняется повествовательными оттенками, интонацией непосредственного разговора, стих начинает звучать как ритмизованная проза. Двусложные размеры также *превращают* поэтическую речь в совершенно прозаическое повествование, благодаря увеличению количества стоп в строке, так, к примеру, пятистопный хорей в стихотворениях «Выхожу один я на дорогу...» (1841г.) и «Утес» (1841г.). Поэт непосредственно в тексте стихотворения «1831-го июня 11 дня» (1831г.), в последней строфе, дает однозначное объяснение «неслучайности» подобных приемов. Оказывается, не все «красоты» и «картины» легко «перенести» на бумагу в виде стихов:

мысль сильна,
Когда размером слов не стеснена,
Когда свободна как игра детей,
Как арфы звук в молчании ночей! /3, 127/.

Становится очевидным, что не только поздние стихи поэта, как заявляет известный лермонтовед Д.Е.Максимов, «наполняются движущейся предметной действительностью» /4, 119/. Новеллистический характер лирических сюжетов к 1840-м годам расширяет рамки интимной лирики за счет нового поэтического языка, лишённого прежнего напряженной романтической патетики: «Расстались мы, но твой портрет...», «Кто б ни был ты, печальный мой сосед...», «Я не хочу, чтоб свет узнал...», «На буйном пиршестве задумчив он сидел...» и др.. Стихотворения «Три пальмы», «Дары Терека», «И скучно и грустно», «Завещание» (1840г.). Стих предстает как «безыскусственный рассказ» в своей «нагой простоте», в разговорной обыденности, почти бытовой непосредственности:

Наедине с тобою, брат,
Хотел бы я побыть:
На свете мало, говорят,
Мне остается жить!
Поедешь скоро ты домой:
Смотри ж... Да что? Моей судьбой,
Сказать по правде, очень
Никто не озабочен / 3, 301/

Первые четыре строки приведенного отрывка соответствуют романтическому канону, тем контрастнее появление второго катрена, в котором и рифма сбивается с перекрестной на парную, и высокая лексика («брат – говорят», «побыть – жить») заменена бытовой («домой», «озабочен»), и книжная грамматика и синтаксис переходят в разговорную прерывистость, подчеркнутую самоиронию.

Ирония постепенно начинает занимать приоритетные позиции в поэзии и, особенно, в прозе Лермонтова как новый прием поэтики. В 1835-1836 гг. Лермонтов пишет «нравственную поэму» «Сашка», нарочитая нравственность которой заключается в описании любовных «похождений» своего героя. Он открыто ведет свою игру с читателем, предварительно уведомив, что «нынче я не тот уж, как бывало», в первой же строфе заверяет, что не собирается писать в угоду веку, который «жалок и смешон» в ожидании рассказов «про темные волнения души» /3, 406/. Автор своим героем избирает «добраго малого», и его условленность с читателем – «Читатель знает, что я с ним шучу» – придает ему уверенность: «И потому моя спокойна совесть» /3, 446/. Игровой контекст игры придает двусмысленность финалу поэмы:

Я кончил...
Есть всему граница –
Наполеонам, бурям и войнам,
Тем более терпенью и...стихам,
Которые давно уж не звучали
И вдруг с пера бог знает как упали!.. /3, 456/

Так обыгрывается сам принцип написания либо прозы в зависимости от тематической заданности. Ирония в качестве поэтического приема призвана сломать стереотипы восприятия литературного текста вне зависимости от способа его оформления. Двумя годами позже, в 1838 году, Лермонтов пишет еще одну поэму в ироничной манере. Бытовая, нравоописательная поэма «Тамбовская казначейша», литературную основу которой нетрудно обнаружить в пушкинских образцах: «Евгений Онегин», «Домик в

Коломне», «Повести Белкина», «Путешествие в Арзрум», создается декларативно «Онегина размером». Жанровая определенность – «повесть в стихах» – не сводится к литературной полемике с врагами Пушкина и к верности великому образцу. В поэме, рассказывающей о том, как старый муж-казначей проигрывает свою жену ловеласу штаб-ротмистру Гарину, шутка, ирония выступают основным стилистическим и композиционным приемом, в отдельных местах переходя в пародию на романтический стиль ранних произведений самого автора:

О, если б мог он, в молнию одет,
Одним ударом весь разрушить свет!..
(Но, к счастью для вас, читатель милый,
Он не был одарен подобной силой) /3, 430/.

В «Сказке для детей» (1840г.) поэт со всей серьезностью подводит черту под юношескими опытами и образами и выражает готовность перейти к новой художественной вере: «Кипя огнем и силой юных лет, /Я прежде пел про демона иного: /То был безумный, страстный, детский бред... / Преследовал мой разум много лет.../Но я расставшись с прочими мечтами, /И от него отделился – стихами /3, 552/. Выбор слова «отделился» неслучаен: поэт отдает дань романтическому миру «тайных страстей», облакая их соответствующим слогом, – впереди новые темы и новый поэтический язык.

Поэт обозначает свой переход к другому стилю и к другой проблематике не только в названных поэмах, но и в стихотворениях, например, в послании 1841 года «Из альбома С.Н.Карамзиной», поэт заверяет, что теперь, когда он «постиг» таинство романтических образов, «красоты их безобразной», ему

...наскучил их несвязный
И оглушающий язык /3, 311/

Так зрелый Лермонтов определил выбор поэтики, далекой от «безобразной красоты» и «оглушающего языка» французского романтизма, пафосом которого была проникнута его ранняя поэзия, и теперь он готов променять его на «тихий разговор».

В рассматриваемом контексте заслуживает отдельного внимания стихотворение Лермонтова «Журналист, читатель и писатель» (1840г.), написанное перед самым выходом в свет «Героя нашего времени», и потому воспринимаемое как предисловие или комментарий к роману. Подчеркнутая апелляция к пушкинскому программному стихотворному выступлению «Разговор книгопродавца с поэтом» делает очевидной принципиальное отличие «лермонтовского» варианта. «Поэт совсем другой эпохи», Лермонтов вводит в диалог новых «действующих лиц»: журналиста и читателя, разрушая романтическую камерность темы «поэта и поэзии» включением в разговор о поэзии всех участников творческого процесса.

Именно иронический эпиграф – «Поэты похожи на медведей, которые кормятся тем, что сосут свою лапу» – придает стихотворению, по справедливому замечанию Ю.М. Лотмана, характер «поэтической декларации» /5, 530/. Почти открытый намек на то, что поэты «высасывают из пальца» свою поэзию, переключается с позицией Читателя, говорящего о жалком состоянии русской словесности и требующего перемен. Читатель упрекает писателей в том, что их сочинения не имеют ничего общего с жизнью, очевидно, что его заключительные слова, близкие автору, – центральная мысль стихотворения:

Когда же на Руси бесплодной,
Расставшись с ложной мишурой,
Мысль обретет язык простой
И страсти голос благородный? /3, 281/

Осознанно отводя себе роль судьи – «Судья безвестный и случайный», – Лермонтов со всей определенностью высказывает свою авторскую позицию:

Тогда пишу. Диктует совесть,
Пером сердитый водит ум.../3, 280-283/

Эти «злобные мысли», о которых говорил А.И. Герцен, утверждая, что Лермонтов не мог «спастись в лиризме» /6, 73/, находят словесное подтверждение в стихотворении «Не верь себе» (1839г.), где поэт «берет под подозрение» само вдохновение:

Как язвы, бойся вдохновенья...

«Вдохновение» – основа прежней лирики, представляющей «родник, сладких звуков полный». И дело не в том, что толпе безразличны страдания и волненья поэта – нет, это не привычная романтическая антитеза «поэт и толпа». Поэт осознает, что романтическая лирика не найдет отклика у «измятых» «тяжелой пыткой» реальной жизни людей: для них

«смешон твой плач и твой укор». Лира такого поэта издает «напев заученный», а сам поэт выглядит «как разрумяненный трагический актер, / Махающий мечом картонным...» /3, 256/. Это не отрицание поэзии вообще, а недоверие к *такому* лиризму:

Стихом размеренным и словом ледяным
Не передашь ты их значенья...

Поэт находит спасение и настоящее вдохновение в единстве поэтической и прозаической стихии. Новая поэтизация прежних тем за счет освобождения от авторского «я» – в нарочитой простоте языка, в спокойной прозаической интонации, в отсутствии «заученных» поэтических образов и сравнений. Вот отчего так проникновенно звучат монологи Печорина, повторяющие мотивы и темы «Паруса» и «Думы», которые, в свою очередь, создают лирическую мелодию и обнаруживают лирическую природу романа «Герой нашего времени». Лирика, имеющая характер дневниковых записей, и дневник героя, звучащий как лирическое откровение, передают единство, целостность художественного мира поэта.

В обзоре русской литературы за 1842 г. В.Г.Белинский объявил о смерти «нашего доброго и невинного романтизма» и о решительном переходе к прозе: «Явился Лермонтов с стихами и с прозою – и в его стихах и прозе была уже чистая проза!» /7, 103/. Под словами «чистая проза» восторженный критик имеет в виду настоящую прозу жизни в противовес напыщенной и далекой от реальной действительности романтической прозы, от которой устал читатель.

Образцами подлинной поэзии, в которой писатели другой литературной эпохи увидели для себя источник «чистой прозы», можно считать стихотворение «Бородино», отзвуки которого слышны в романе «Война и мир» Л.Н. Толстого; послание-повествование о кровавом сражении в Чечне, в котором участвовал сам автор, «Валерик», предвосхищает толстовские «Севастопольские рассказы». На лирическом фоне стихотворений 1840-1841 гг. неоконченный отрывок «Штосс» представляет читателю Лермонтова в роли психоаналитика. Опыт психологического анализа, приобретенный в ходе работы над романом «Герой нашего времени» поэт использует для раскрытия механизма душевной жизни своего героя и тем самым иллюстрирует открытия литератора в русле художественных исканий своего времени.

Исторический смысл творчества М.Ю. Лермонтова был адекватно воспринят последующими поколениями русских поэтов: А.А. Ахматова, отмечает универсальную природу его поэтического дара, которому «была подвластна не только магия лирического слова, но и проза»: «в каждой вещи разрушает миф о том, что проза – достояние лишь зрелого возраста» /8, 181/.

Органическое единство и внутренняя гармония прозы и поэзии, взаимодополняя друг друга, составляют цельность творческой позиции и уникальность художественного мира М.Ю. Лермонтова.

1. Эйхенбаум Б.М. О поэзии. – Л.: Сов. писатель, 1969.
2. Белинский В.Г. Взгляд на русскую литературу. – М.: Современник, 1982.
3. Лермонтов М.Ю. Избранные произведения в двух томах. Т.1. Стихотворения и поэмы. – М.: «Художественная литература», 1973.
4. Максимов Д.Е. Поэзия Лермонтова (идейно-художественное своеобразие лирики Лермонтова) /Азбукин В.Н., Коновалов В.Н. Русская литература XIXв.: Хрестоматия литературоведческих материалов. – М.: Просвещение, 1984.
5. Лотман Ю.М. О поэтах и поэзии. – СПб.: «Искусство – СПб», 1999.
6. Герцен А.И. Собрание сочинений в тридцати томах. Том седьмой. О развитии революционных идей в России. Произведения 1851-1852 годов. - М.: Издательство Академии Наук СССР, 1956.
7. Белинский В.Г. Русская литература в 1842 году. В.Г.Белинский. Собрание сочинений в трех томах. Т. II ОГИЗ, ГИХЛ. - М., 1948.
8. Ахматова А.А. Сочинения: в 2-х т. Т.1. – М.: Художественная литература, 1986.

Түйін

Мақалада қарасөз бен поэзияның ішкі байланысы және бірлігі көрсетілген. Олар бір-бірін толықтырып, М. Ю. Лермонтов шығармасының творчестволық қырын және әдеби ерекшелігін баса көрсетеді.

Summary

The organic unity and internal harmony of poetry and prose are shown in the article. They complete each other and form the wholeness of the one author's creative attitude and the uniqueness of Lermontov's artistic world.

ПРОИЗВЕДЕНИЯ ПОЛЬ ДЕ КОКА В КРУГЕ ЧТЕНИЯ ПЕРСОНАЖЕЙ Ф.ДОСТОЕВСКОГО

И.Еленгеева–

аспирант КазНПУ им.Абая, докторант PhD, университет г. Лиможа (Франция)

Если условно разделить литературную карьеру Ф.М.Достоевского на два периода, до каторги и после, то можно заметить, что в первый период имя Поль де Кока упоминается в романе «Бедные люди» (1846) и рассказе «Чужая жена и муж под кроватью» (1848). В романе в письмах о Поль де Коке высказывается Макар Девушкин. Тратя все свои деньги на доставление маленьких радостей Вареньке Доброселовой, среди которых самым ценным являются книги, Макар все же отказывается принести ей роман Поль де Кока: «Книжечк пришлю, непременно пришлю... Ходит здесь по рукам Поль-де-Кока одно сочинение, только Поль-де-Кока-то вам, маточка, и не будет... Ни-ни! Для вас Поль-де-Кок не годится. Говорят про него, маточка, что он всех критиков петербургских в благородное негодование приводит» [1, 58].

В рассказе «Чужая жена и муж под кроватью». Шабрин Иван Андреич, «господин в енотах» [1, 80] ревнивый муж, пытается «поймать свою жену» [1, 464] на измене. Думая разузнать что-либо у «молодого человека в бекеше» [1, 459] ревнивый муж так объясняет причину из-за которой он беспокоит молодого человека: «Я говорю, одна дама благородного поведения, то-есть легкого содержания, — извините, я так сбиваюсь, точно про литературу какую говорю; вот — выдумали, что Поль-де-Кок легкого содержания, а вся беда от Поль-де-Кока-то-с... вот...» [1, 463].

На основе высказываний персонажей Ф.М.Достоевского о Поль де Коке в произведениях первого периода можно заключить, что читатели Поль де Кока в его представлении относятся к двум категориям: молодых замужних девушек и литературных критиков. Первая категория воспринимает роман достаточно серьезно, потому что доходит до осуществления на практике того, что написано в романе. Вторая категория, напротив, считает такое чтение извращающим и согласна вообще его запретить. Персонаж Макар Девушкин не относится ни к одной из двух категорий, но предпочитает оставаться консерватором и разделять мнения критиков, сам не зная почему.

Во второй период творчества первое высказывание, содержащее имя Поль де Кока, появится в романе «Село Степанчиково и его обитатели» (1859). Описывая занятия Фомы Фомича Опискина, местного деспота, устроившегося в имении полковника Егора Ильича Ростанева, племянник полковника Сергей Александрович, выступающий в роли рассказчика, сообщает между прочим: «Я же, впоследствии, не один раз, заставлял Фому за Поль де-Коком, которого он прятал при людях куда-нибудь подальше» [2, 183].

Алексей Иванович в «Игроке» признается: «Странно, для того, чтобы хоть чем-нибудь заняться, я беру в здешней паршивой библиотеке для чтения романы Поль де-Кока (в немецком переводе!), которых я почти терпеть не могу, но читаю их и — дивлюсь на себя, точно я боюсь серьезною книгою или каким-нибудь серьезным занятием разрушить обаяние только что минувшего» [3, 608].

Высказывание, содержащее имя Поль де Кока, из романа «Идиот» принадлежит Аглае, самой младшей из трех дочерей генерала Епанчина. Уставшая быть маленькой, а также «генеральской дочкою», Аглая хочет сбежать из дома, чтобы наконец «совершенно изменить свое социальное положение», и «заняться воспитанием» [4, 130]. Чтобы доказать, что она взрослая, Аглая прибегает к Поль де Коку: «А я им тут прямо отрезала, что я уже все понимаю, все слова, то я уже не маленькая, что я еще два года назад нарочно два романа Поль-де-Кока прочла, чтобы про все узнать. Матап как услышала, чуть в обморок не упала» [4, 131]. Это высказывание Аглаи подобно тем, которые употреблял персонаж из «Чужой жены и мужа под кроватью», но имеет еще один нюанс, который, впрочем, — палка о двух концах. «Учебное пособие» о том, как обмануть мужа становится «универсальным учебником жизни», универсальность которого определена количественно — двумя. Реакция генеральши Епанчиной на такой универсализм означает что «все» содержит в большинстве то, чего лучше бы вообще не знать. Соединяя это восприятие с упреками Варвары Степановны, можно сказать, что первое знакомство с романом Поль де Кока - необходимость, перечитывание же — губительно.

Последним упоминанием своего имени, Поль де Кок обязан Дмитрию Карамазову, старшему брату из последнего романа Достоевского «Братья Карамазовы» (1880). Исповедуясь в своих амурных приключениях, Дмитрий, рассказав те, которые по его мнению были только дебютами начинающего, дает им следующую характеристику: «Ты краснеешь, у тебя глаза сверкнули. Довольно с тебя этой грязи. И все это еще только так, цветочки польдекоковские, хотя жестокое насекомое уже росло, уже разрасталось в душе» [5, 101]. Еще один упрек Поль де Коку в том, что ему не хватает патетики.

Персонажи романов Достоевского второго периода увлечены чтением романов Поль де Кока. Им больше незачем ссылаться на литературных критиков, чтобы высказать свое мнение о прочитанном. Набросав портреты читателей Поль де Кока в произведениях Достоевского, мы тщетно искали следы того, какие именно романы они читали. Какой томик, с каким заглавием прятал в своем кармашке Степан Трофимович Верховенский? Два романа с каким заглавием прочитала Аглая Епанчина? Как мы видим, из приведенных выше цитат, упоминающих имя Поль де Кока, они не ссылаются ни на какой-то определенный роман, ни на какую-то определенную сцену в романе Поль де Кока, ни на какого-нибудь определенного персонажа. Стиль упоминаний не дает никакой информации о том, читал ли вообще Поль де Кока Ф.Достоевский или он писал о нем, ссылаясь на достоверный источник — критика Белинского.

Исследователи творчества Ф.Достоевского также не упоминают Поль де Кока как источника подражаний или заимствований. Правда, в своем высказывании о влиянии сюжетов из романов французских писателей на явление карнавализации у Достоевского, М.М. Бахтин указывает в скобках и имя Поль де Кока [6].

В «Дневнике 1867 года» А.Г. Достоевской от 25/13 июля упоминается размолвка мужем, которая вышла из-за романов Поль де Кока: «Потом, во весь вечер, у нас только и дело что происходили какие-то непонятные ссоры, которые сейчас и оканчивались. Так, Федя мне сказал что-то про роман, который я читала (Поль де Кока), сказал, чтоб я бросила читать эту дрянь» [7, 167]. Издатели списка собственной библиотеки Достоевского предполагают, что в ней находились разрозненные тома романов Поль де Кока [8, 161]. Какие это были тома? Мы можем только предполагать. С.В.Житомирская, подготовившая издание «Дневника 1867 года» А.Г.Достоевской, в ссылке второй книги под номером 20 делает такое предположение: «Поль де Кок (1794-1871) — французский писатель. Речь, вероятно, идет об упоминавшемся ранее А.Г.Достоевской самом популярном из его романов «Mon voisin Raymond» [7]. Где ранее упоминала А.Г.Достоевская этот роман Поль де Кока, С.В.Житомирская ссылку не дает. К этому роману мы еще вернемся. Проанализируем некоторые обнаруженные элементы сходства.

Четвертая глава рассказа «Вечный муж» (1870) носит название идентичное одному из романов Поль де Кока - «Жена, муж и любовник» (1829). В этом романе по меньшей мере в пяти главах, с десятой по четырнадцатую, интрига завязана на ошибочном толковании героем поведения объекта его вожделений. Месье Дэлини, выполняя поручения мадам Люсеваль: принять предложения отужинать у мадам де Ремонд, выслушивать любовной истории Нини и Адольфа, расценивает их как проявление явного расположения и даже возможно любви, в то время как Огустин, предмет его воздыханий, выведывает таким образом любовные похождения своего неверного мужа [9, 245]. Как известно, роман Достоевского «Подросток», практически весь построен на подобном мотиве: Аркадий Долгорукий постоянно ошибочно интерпретирует происходящие с ним события. А сцена, в которой он принял за «назначенное свидание» комиссию от Катерины Николаевны Ахмаковой поставить в известность Татьяну Павловну о своем к ней прибытии в три часа, — сродни иллюзиям Поля Дэлини.

В другом романе Поль де Кока «Месье Дюпон», главный герой истолковывает в свою пользу самые незначительные изменения в поведении Евгении, на которой он собирается жениться, в то время, как они вызваны присутствием Адольфа. Это переключается с поведением Ивана Петровича из «Униженных и оскорбленных».

Название «Вечный муж» указывает на другой роман Поль де Кока «Вечный жених» (в русском переводе). Герой этого романа, месье Жирардьер, ищет себе супругу среди молодых девушек, с которыми он пускается в «невинные игры» [10, 25], в которых безжалостные девчонки будут насмехаться над ним, как насмехаются над Павлом Павловичем Трусоцким барышни Захлебнины. Герой «Вечного мужа» в свою очередь тоже будет играть в «невинные игры» — прятки и пословицы, чтобы завоевать сердце своей будущей супруги Нади, которой еще только 15 лет, как и младшей Сесилии Ляпусэт, которую предпочтет Теофиль Жирардьер из трех дочерей своего друга [10, 66]. Собака мадам Грандвилэн, другого персонажа из «Вечного жениха», названа Азор, как и Азорка, верный спутник Жеримия Смита из «Униженных и оскорбленных». Интересно, что во французском переводе «Униженных и оскорбленных» Азорка становится

Азором. Эта собака является причиной отказа в сватовстве месье Жирардьеру, в то время как Алеша, персонаж из «Униженных и оскорбленных», «подмазался к княгине К.» [11, 104] расположив к себе Мими, «старую, гадкую, самую мерзкую сабочонку» от которой княгиня «без ума» [11, 107].

В романе «Месье Дюпон или молодая девушка и ее служанка» (1835), о котором мы уже упоминали выше, есть такая характеристика: «У мадам Бернар дочь пятнадцати лет, которую она одевает так как будто ей восемь, чтобы она оставалась ребенком» [12, 8-9]. Это напоминает слова, брошенные по поводу Юлии Михайловны, Лембке Варварой Петровной Ставрогиной из «Бесов»: «Ей тогда двадцать пять лет уже было, а ее все как девочку в коротеньком платьице вывозили» [13, 57]. Присутствует также звуковое сходство между именем обольстительницы Адольфа Зэли, персонажа романа «Месье Дюпон», и именем персонажа новеллы Ратазьева Зюлейка, фрагмент которой Макар Девушкин переписывает в своем письме Вареньке Доброселовой из романа «Бедные люди», а также с одним из имен мадмуазель Бланш, Зэльма из романа «Игрок».

Несколько слов о романе указанном С.В.Житомирской. Главный герой и рассказчик романа Поль де Кока «Мой сосед Раймон» (14) носит фамилию Дорсана, которая напоминает по своему звучанию фамилию Алексея Владимировича Дарзана, друга князя Сережи из «Подростка». Есть еще одно сходство, но другого плана. Мы узнаем имя героя, ведущего рассказ от первого лица в седьмой главе на шестьдесят восьмой странице романа, уже после того, как видели его в действии. Такая манера характерна и для «Игрока», «Бесов» и «Села Степанчикова и его обитателей».

На еще одно сходство нам указала Karen Haddad-Wotling. В своей статье «Дорогое белое шелковое платье. «Мадам Бовари» в «Идиоте» Достоевского» она задается вопросом, почему именно имя Густав, «появляется как обобщающее имя любовника» [15, 304] в «типичном треугольнике, образованном «мабишь», «брибри» и Гюставом, то есть женой, мужем и любовником», о чем Достоевский пишет в «Зимних записках о летних впечатлениях». Можно предположить, что это тоже наследие Поль де Кока из его романа «Гюстав», главный герой которого оспаривает славу Дон Жуана.

Одним из нововведений Поль де Кока являлось использования речи и наречий простолудин и безграмотных гризеток, что придавало живость диалогам и вызывало смех у читателя. Именно поэтому Поль де Кока называли писателем гризеток и провинциалок. Ф. Достоевского тоже осуждали за его стиль, на что он ответил раз и навсегда, в письме от 1 февраля 1846 года к брату Михаилу: «Во всем они привыкли видеть рожу сочинителя; я же моей не показывал. А им и невдогад, что говорит Девушкин, а не я, и что Девушкин иначе и говорить не может [16, 350].

Всё вышеизложенное позволяет утверждать, что Ф.Достоевский был читателем Поль де Кока и персонажей своих романов тоже сделал его читателями.

Такое двойное восприятие романов французского писателя второго сорта, писателем-читателем Ф.Достоевским и его персонажами-читателями открывают завесу в творческую мастерскую Ф.Достоевского писателя, который, культивируя среди своих персонажей стереотип, созданный на основе критических статей Белинского, использует и заимствует из романов Поля де Кока имена для своих персонажей и идеи для второстепенных сцен, ситуаций, структурных и композиционных построений.

1. Достоевский Ф.М. Повести и рассказы. - Париж: Утца-Press. Т. 1.
2. Достоевский Ф.М. Село Степанчиково и его обитатели. Повести и рассказы. - Париж: Утца-Press.
3. Достоевский Ф.М. Повести и рассказы. - Париж: Утца-Press. Т. 2.
4. Достоевский Ф.М. Идиот. - Париж: Утца-Press. Т. 2.
5. Достоевский Ф.М. Братья Карамазовы. Пол.соб.соч. - Л., 1976.
6. Бахтин М. Проблемы поэтики Достоевского. - М., 1972.
7. Достоевская А.Г. Дневник 1867 года. - М., 1993. Книга 2.
8. Библиотека Ф.М.Достоевского. - Санкт-Петербург, 2005.
9. Paul de Kock La Femme, le mari et l'amant, Paris, Gustave Barba, 1835.
10. Paul de Kock Un Homme à marier, Paris, Gustave Barba, 1835.
11. Достоевский Ф.М. Униженные и оскорбленные. Париж, 1945.
12. Paul de Kock M. Dupont, ou la jeune fille et sa bonne, Paris, Gustave Barba, 1835.
13. Достоевский Ф.М. Бесы. Соб.соч. в 15-ти томах. Л., 1990. Т. 7.
14. Paul de Kock Mon voisin Raymond, Paris, Gustave Barba, 1835.
15. Karen Haddad-Wotling Une riche robe de soie blanche. Madame Bovary dans L'Idiot

de Dostoïevski in Revue de littérature comparée, № 3, 2004, (pp. 301-310).

16. Цит. по кн.: Бахтин М.М. Проблемы поэтики Достоевского. - М., 1972.

Түйін

Сонымен бірге мақалада Достоевский кейіпкерлерінің Поль де Кок кейіпкерлерінің аттарының үндестігі және Поль де Кок романының құрылысына анықтама берілген.

Summary

The article attempts to determine Paul de Kock's novels, the reader of which was writer Dostoyevsky, on the basis of sound similarities of names of Dostoyevsky's characters to names of Paul de Kock's ones and similitude of secondary scenes and situations and structural and compositional constructions.

АВТОРСКОЕ СОЗНАНИЕ И ОСОБЕННОСТИ ЕГО ВОПЛОЩЕНИЯ В РОМАНЕ-ДИЛОГИИ МУХТАРА МАГАУИНА «Я»

С.Д.Сейденова –
к.филол.н., доцент АТУ

Автобиографический роман известного казахского писателя М.Магауина «Я», вышел в свет в 1998 году. Роман представляет собой дилогию, состоящую из двух, объединенных одной сюжетно-пространственной канвой, книг. Первая книга («Шытырман немесе жазушының жан азабы», 1996) посвящена становлению писателя и написана в форме эссе. Вторая книга («Қия жолдар немесе ғылымдағы машақат», 1998) рассказывает о нелегком пути писателя-исследователя и вобрала в себя жанр мемуарного романа – романа-воспоминание.

Роман-дилогия «Я», написанный в форме мемуаров, в плане историческом повествует о процессе становления и развития казахской литературы в советский период, охватывающий вторую половину XX века. Кроме того, в книге дается представление о формировании жизненных принципов, творческой манеры, индивидуального стиля писателя. Имея за спиной бесценный багаж знаний, мастерства и опыта, Магауин в романе проводит своего рода инвентаризацию собственных мыслей, творческих замыслов, ведет скрупулезный отчет за каждый год, за каждый день. Вместе с тем, автобиографическое произведение М.Магауина «Я» представляет собой философские раздумья писателя о смысле бытия, поиски решения нравственно-этических и эстетических вопросов, встречающихся на пути формирования творческой личности. Так авторское сознание писателя проступает в романе как совокупность размышлений над загадкой собственного "я". Принципы авторского самовоплощения в повествовании-исповеди проявились в едином авторском "я", что, в свою очередь, отражает цельность авторской личности.

Анализ размышлений автора-Магауина имеет важное значение в определении образа автора. Как известно, «проблема автора» в мемуарной дилогии связана с особенностями форм, средств и способов выражения авторского сознания. Потому изучение и сопоставление жизненных фактов, писательских записей и наблюдений в значительных временных рамках позволяет проследить формирование авторского сознания. Образ автора в дилогии постоянно трансформируется: в его действиях, поступках и раздумьях отражаются этапы жизни авторской личности, его творческие успехи и поражения, личные радости и горести. Так постепенно формируется образ лирического героя, который соотносится в известной степени с авторской личностью, но не идентичен ей.

В романе-дилогии образ автора представлен в авторе-рассказчике, субъективном, ироничном. Но неизменна сущность личности писателя в трудные моменты жизни. Самоотверженность – заметная черта Мухтара Магауина. По собственному признанию автора, писательство для него отмечено печатью высокой духовности и благородства. Об этом свидетельствует глубокое уважение художника к творчеству вообще и привязанность к выстраданным душой собственным произведениям. В связи с этим можно отметить тщательную подготовку автора к писанию как священнодействию. Это и отбор пера (автор пользуется только чернилами и пером, не признавая авторучки), и качество бумаги, и ритуал очищения пространства, в границах которого будет совершаться «священнописание».

Писатель откровенен и искренен в своей исповеди. Параллельно с трепетным отношением к сочинительству автор нередко прибегает к ироническим, снисходительным характеристикам некоторых своих произведений, как невыразительность, недостаточная актуальность проблемы и т.п. Как человек, чутко воспринимающий и глубоко постигающий сути изменений в окружающем его мире, Магауин далек от слепой идеализации собственных творческих возможностей, своего «безвозвратно ушедшего времени». В созданных автором художественных образах отражена глубокая конфликтность жизни советской страны. Хотя исповедальная ситуация позволяет говорить о себе только самое необходимое, автор-рассказчик ведет монолог, на который не ожидается ответа, непреднамеренно, именно так произносится неторопливый отчет о прожитом. Авторское исповедание в лирической прозе тем более сближается с настоящей исповедью, чем более отделен от авторской личности лирический герой. Предельная душевная открытость, иногда эмоционально-экспрессивная, присутствующая в дилогии М.Магауина, относится, без сомнения, к душевному опыту автора (воспоминания о молодости, студенчестве, творческие порывы и отчаяния писателя-исследователя, мысли об основе государственности и смысле бытия и мн.др.).

Известно, что читательское представление об эпохе ассоциируется с личностью

художника и складывается из непосредственных его впечатлений. В романе-дилогии «Я» М. Магауин сумел передать колорит эпохи и обнажил социально-политические противоречия советского времени. Еще будучи молодым, герой в лице автора-рассказчика переживает конфликт честолюбия и чести, но ему удается достойно выдержать испытание исторического времени. Исключительная настойчивость и одержимость, безудержная устремленность к знаниям формируют характер молодого писателя. Он не остается в стороне от социально-политических конфликтов исторического времени, его занимает прежде всего отдельная личность, ее нравственно-психологический облик. В этом плане показателен художественный образ загадочной исторической личности, не раскрытой до конца во всемирной историографии, - Оразмухамбета Онданулы. Печальна судьба наследника казахского престола, содержавшегося заложником в царском дворце. Символично, свою «Азбуку казахской истории», в которой приводятся сведения о периоде правления казахских ханов, исследователь определяет как «плач» [1,7].

В романе «Я» внутренняя независимость и свобода чувств присутствуют и явно ощутимы в эпизодах, связанных с выбором жизненного пути и борьбой за идеалы. Субъективность не во вред объективности, лиризм, смешанный с романтизмом, яркое выражение авторского «я» - особенность стиля Мухтара Магауина. В книге «Я» явственно прослеживается мысль автора о бесконечности процесса познания, о необходимости самопожертвования ради постижения истины. Мотив кратковременности земного времени – один из самых пронзительных в дилогии писателя. Потому Магауин призывает неустанно трудиться в поте лица, не отчаиваться ни при каких обстоятельствах. По признанию писателя, только вера в возможность счастливого поворота судьбы, в милость Всевышнего помогала писателю сносить людскую несправедливость и муки творчества. Жизненные невзгоды и житейские трудности – потому обычные явления жизни, требующие необыкновенного терпения и стойкости духа, обладают для него внутренней достоверностью. Не опускаясь до морального дидактизма, религиозной проповеди, автор в томлениях и муках героев, в их неудержимых порывах к совершенству видит доказательства принципиальной возможности для человека устроить собственную жизнь правдиво, достойно и радостно.

Мухтару Магауину чуждо самовластие “человеческого Я” - проявление холодного и разрушительного индивидуализма. Ему так же чужды покорность и смирение судьбе. Иллюзорность, призрачность, хрупкость человеческого существования – источники постоянной внутренней тревоги писателя.

Тирания тоталитарного времени, которую так остро ощущал писатель, оказалась не властна над его творчеством. Время, выпавшее на юность писателя – это время тотального идеологического господства идей марксизма-ленинизма. В погоне за строительством иллюзорного нового общества и формированием нового человека-коллективиста оно предало забвению реального человека с богатой внутренней душой. Индивидуализм был представлен как своего рода бунт против обезчеловечивания тоталитарной системой. Так называемая “хрущевская оттепель” внесла свежую струю в прописанную сверху, номенклатурную литературную жизнь и дала мощный толчок пробуждению национального сознания. Мухтар Магауин стал одним из зачинателей на пути национального пробуждения. Первые работы писателя были посвящены истории средневековой казахской поэзии («Алдаспан», «Кобыз сарыны»), что было сродни подвигу. В те времена решиться на это было нелегко. Произведения, изображающие современников, исторических личностей, события в казахской степи XVI-XVII веков («Аласапыран»), размышления писателя об истории и будущем государства («Жармак») говорят о приверженности личности Магауина к общенациональным идеалам. Так творчество писателя по сей день находится на гребне мощного потока пробуждения исторической памяти и национального сознания. Безусловно, за индивидуальным мировоззрением художника стоит осмысление общечеловеческих наблюдений и рассуждений.

Становление авторского сознания художника совпало со временем зарождения национального самосознания, сохранения этнического лица казахского народа. Первое произведение писателя (роман «Голубое марево») было написано более 30 лет назад, в 1972 году. Его герой Едиге Жаныбеков -аспирант-востоковед. Можно предположить, что писатель, сам в свое время обучавшийся в аспирантуре, вложил в роман частички личной биографии.

Стилю писателя свойственны точность и правдивость, сочетание исследовательской мысли и яркого художественного слова, порой экспрессивного. Художественные приемы автора отличаются своеобразием и позволяют художнику донести главный смысл душевных переживаний героя. Внутренним переживаниям автора-рассказчика в романе чужда вялость, аморфность, неопределенность, - напротив, они полны живой силы и остроты, каждое мгновение для него – насыщенная смыслом реальность. В романе «Я» присутствует авторское исповедание

как принцип изображения внутренней жизни героя. Авторское “я” в романе ошутимо и способно отделить себя “нынешнего” от “прежнего”; происходит переосмысление пройденного. “Прежний”, молодой Магауин становится для автора романа 90-х годов - зрелого Магауина - героем давно происходивших событий, “другим”, развивающимся, а не “я”. В рассказе о себе “прежнем” писатель подробно останавливается на бытовых обстоятельствах; это связывается в сюжеты с некоторым логическим завершением, а образ, уже отдаленный от автора, получает определенную формальную законченность. К примеру, так случилось в эпизодах, повествующих о первоначальном замысле и создании первых произведений, о студенческих годах и т.д. Использование глаголов настоящего времени делает изображение моментально представляемым, что создает дополнительные условия для формирования читательского представления об авторе.

Жанровая форма повествования позволяет применить прием “критики о себе”, где авторская цель - построение своего литературного образа. Способ ведения полемики, характер общения с читателем, решительность, бескомпромиссность, в то же время свободное движение мысли, поток сознания - вот распространенные приемы эмоционального воздействия на публику, что однозначно сказывается на читательском впечатлении об авторе и в историко-литературной ретроспективе особенно. Здесь повествовательное “я” - прямое самовыражение, где логика рассуждения заставляет читателя проникнуться духом времени.

Воссоздавая хронологию реального времени, автор делится впечатлениями о пережитом. При этом он допускает перестановку фактов, поэтизирует ситуации. Воспоминания не избавляют лирического героя от описательности, панорамности и документальности, не позволяя оторваться от “эпоса”. Так использованный автором прием воспоминаний придает художественному времени эпический размах, определяет контуры исторической реальности. Роман «Я» изобилует художественными вставными элементами, которые способствуют возникновению особого типа авторского сознания. Писатель стремится вписать отдельного человека, воссозданного в его естественной обстановке с органически присущими ему качествами в глобальную систему современного мироздания. Сложная многоуровневая сюжетно-композиционная структура романа становится способом выражения авторского национального самосознания. Лирические отступления о судьбе нового суверенного государства, о распаде Советского Союза, об участии независимых стран, о былом и будущем выдают серьезную, глубоко переживающую личность писателя-гражданина.

Мастерством психологического анализа, реалистическим изображением общественных противоречий отмечен роман «Я». Гниющие на земле яблоки в осеннем саду Праги напоминают художнику задуманные давно, но по каким-то причинам не увидевшие свет произведения. Грусть в описании запущенного сада и старинных необжитых замков бывших дворян, оставленных на произвол судьбы очередной политической кампанией, перекликается с душевным состоянием автора-рассказчика и придает лирический тон эпизоду. Находящийся далеко от родины писатель размышляет о проблемах нивелировки индивидуального сознания, утраты личности, растворяющейся в бездуховном меркантилизме. Время, выпавшее на долю писателя, требует совершенной сосредоточенности духовных и физических сил, вдохновенности мысли и деяния, широкого и трезвого взгляда, быстрого соображения и деловитости. Потому его переживаниям чужда вялость, аморфность, неопределенность, - напротив, они полны живой силы и остроты, каждое мгновение для него – насыщенная смыслом реальность.

Роману «Я» присуща особая интонация, неповторимые ритмы, острая экспрессивность. Он представляет собой своеобразный гармонический синтез романтического наполнения, связанного с мироощущением личности нового времени, и строго классического исполнения, устремленность к идеалу, чувство вечности, интерес к незаурядным личностям и четкость в сочетании слов, т.е. «простой и точный психологический эмпиризм». В книге «Я» прослежены сложные взаимоотношения личности и мира, характерные для литературы XX века. Действительность, “пропущенная” через авторское сознание, есть авторская концепция действительности или авторская интерпретация действительности. Автор в постижении действительности использует накопленные знания, языковой запас, учитывает литературную традицию и создает свой образный мир, отталкиваясь от традиции. Интерпретирующая энергия автора преобразует воспринимаемую действительность в художественные пространственно-временные модели. Воспринимаемое сознание, т.е. читатель, осуществляет “раскодирование” полученной информации и переводит впечатления в сферу конкретно-жизненных представлений.

Появление книги «Я», посвященной не только автобиографическим фактам жизни писателя, но и конкретному историческому времени – советскому периоду, стало актуальным литературным событием, так как совпало с периодом переосмысления и переоценки прошлого. Однако не только социально-политический и социально-исторический фактор обусловили

значимость романа, но и ее специфичность – индивидуализированное сознание автора, философская глубина в постижении национальной сути и художественное своеобразие книги.

Роман можно отнести и к классическим типам мемуарного повествования. Автобиографический герой Магауина не лишен самостоятельности, он выступает объектом авторского сознания, несет оценочную функцию, является субъектом по отношению к другим персонажам. В нем не нарушены пространственно-временные соотношения, что характерно для мемуаров. Системность поэтического мира М.Магауина, верность одним и тем же жизненным и эстетическим принципам обусловили появление мемуарной диалогии. «Я» Мухтара Магауина – это своеобразный сплав автобиографии и мемуарного романа, в центре которого стоит авторское сознание. Авторское сознание обуславливает своеобразие жанрового характера “воспоминаний”, степень выраженности авторского присутствия, определяет дистанцию между объектами повествования и автором. Таким образом, авторское сознание – главное действующее лицо мемуарного повествования М.Магауина. В структуре романного авторского “я” воспроизводится идея абсолютной независимости творческой личности, находящейся при этом в отношениях непримиримого конфликта, абсолютного антагонизма с окружающей действительностью.

Несмотря на это, позиция романного автора структурно воплощает в себе идею сопричастности всякой, в том числе и авторской, индивидуальности миру всеобщего человеческого бытия.

Важно отметить, что лирическое “я” автора романа, при всем своем индивидуальном своеобразии и неповторимости, всегда внутренне организовано как “мы”, подразумевает неизменную причастность личности вечным закономерностям всеобщего бытия и находит в ней свое индивидуальное воплощение. В структуре сознания лирического субъекта романного повествования реализуется, таким образом, основной эстетико-философский принцип, определяющий специфику авторского способа видения мира, а именно: осознание собственного “я” как части всеобщего процесса духовно-практического бытия.

1. Магауин М. Шығармалар жинағы: Он үш томдық. 1960-2002 жж. - Алматы: Қағанат FMO баспасы, 2002 – 6-том.

Түйін

Аталған мақалада әйгілі жазушы Мұхтар Мағауиннің «Мен» атты роман-диалогиясындағы авторлық сананың ерекшеліктері зерттеледі.

Summary

In the article it is investigated author’s consciousness features of the novel “I am” written by a famous writer Mukhtar Magayin.

ПАЛИТРА ОПИСАНИЯ ВОЙНЫ И БЫТА В РОМАНЕ «БЕЛАЯ ГВАРДИЯ» М.БУЛГАКОВА

О.Ю.Загинайко –

докторант Института магистратуры и докторантуры КазНПУ им.Абая (г.Алматы)

Роман «Белая гвардия» интересен для анализа цветовой палитры художественного текста уже изначальной, заданной в названии, неоднозначной семантикой цветоименования, имеющей историко-политический аспект. Следует учесть, что в качестве возможных заглавий для романа М.Булгаков предполагал «Полночный крест» и «Белый крест». Роман состоит из трех частей, мы выявили цветоименования согласно структурной композиции произведения. Была определена частотность употребления шести спектров (черный, белый, красный, желтый, синий, зеленый), которая дала наглядное представление о цветовой палитре романа.

Цветовая палитра «Белой гвардии» М.Булгакова

Цветовой спектр	Часть 1	Часть 2	Часть 3
-----------------	---------	---------	---------

Черный	103	64	140
Белый	88	34	74
Красный	58	36	69
Желтый	70	34	42
Синий	40	15	40
Зеленый	19	3	20

Во всех частях романа преобладают цветоименования черного спектра, далее по убыванию – белый, красный. Желтый спектр ненамного уступает по частотности употребления красному, даже в первой части значительно доминирует. Менее всего представлена сине-зеленая гамма цветов. Таким образом, в цветовой палитре романа наиболее частотны черно-бело-красные цвета. Исследователи отмечают, что эти цвета свойственны произведениям большинства писателей /1,227/. Данные предпочтения можно объяснить наибольшей контрастностью и многозначностью этих цветов, восходящих к мифологическому трехцветию, первичному по происхождению и более других цветов спектра связанному с жизненно важными сферами.

В использовании цветоименований наибольшая выразительность достигается не столько за счет количества и частоты употребления цветов и оттенков, сколько с помощью своеобразия их сочетаний друг с другом и образным строем.

В романе разграничены внутренний мир (дом семьи Турбинных) и внешний мир (военные действия). В обоих пространствах цветовые характеристики соотносены с компонентами художественного мира: образами, художественным временем и пространством. Каждого писателя отличают свои цветоприоритеты. В романе М.Булгакова «Белая гвардия» цветообразный строй распределился по следующим тематическим группам: мир людей (одежда), предметный мир, время, пространство. Приведем эти сведения в табличном виде.

Цветообразность «Белой гвардии» М.Булгакова

1.1 Тематические группы	ЧЕРНЫЙ	БЕЛЫЙ	КРАСНЫЙ	ЖЕЛТЫЙ	СИНИЙ	ЗЕЛЕНый
Мир людей	91	83	72	45	31	4
Одежда	74	20	18	26	20	10
Предметный мир	75	51	33	55	17	20
Время	7	10	1	2	-	-
Пространство	28	7	7	1	10	-

Мир людей. Для характеристики человека наиболее употребимыми оказались цвета черного, белого и красного спектров, менее всего встречается зеленый цвет, который если и используется автором, то только для передачи пограничного психического состояния, потери сознания или крайней степени ужаса: «Придя домой, держась за стенки и *зеленая*, Николка все-таки улыбнулся, чтобы не испугать Елену...»; «и перед глазами у него (Турбина) *позеленело*... Тот обернулся и впал в состояние ужаса».

Из черного спектра в описании людей чаще используются черные, серые и темные цвета. Черный цвет глаз обычно нейтрален, иногда вместе с цветом глаз подчеркивается какая-либо черта характера - «*черные* упорные глаза», а для передачи психического состояния Булгаков использует неологизм «глаза ее *черно-испуганны*». В портретных характеристиках мужчин обязательно указывается цвет усов, бороды, бакен и степень их ухоженности: «*Поседевшая* инеем бархатка подстриженных усов»; «Его лицо, выкормленное и гладко выбритое, украшалось *черными*, подстриженными по-американски усиками».

Чувство страха вызывает черный цвет при упоминании толпы, массы народа: «по Владимирской улице *чернела* и ползла толпа»; «в *черном* месиве»; «*черным* морем разливались по соборному двору»; «разрезав *черную* реку народа»; «*черным-черно* разливался по соборному двору народушко».

При описании военных групп **черный, темные и серые цвета указывают не только на цвет формы, но и на характер движения: «двух дивизий черных колониальных войск»; «прибытие черных войск в Одессу»; «пришли в Город серыми шеренгами немцы»; «по всем дорогам зачернело, зашевелилось, захрустело». Вообще скопление людей в романе имеет агрессивное начало.**

Желтый спектр представлен тремя частотными цветами: желтый, рыжий и золотой. Семантика желтого цвета чаще болезненная и отталкивающая: «пожелтевшие зубы», «желтые пальцы», «желтые ключицы», «желтоватое тело».

У рыжего и золотого цветов амбивалентные значения употребляются в равных пропорциях. Позитивная семантика желтого и золотого связана с образом Елены, негативная – соотносится с предателем-дворником Нероном, продажной блондинкой и Василисой, в портретной характеристике которого часто упоминаются золотые коронки.

«Золотой» и «золотистый» имеют стилистические различия с качественным значением – подлинности и подделки.

В первой части романа встречается в основном позитивный желтый спектр: «рыжеватая (золотая) Елена», «рыжебородый Валентин»; вторая часть насыщена негативной семантикой желтого: «золотистая блондинка», «рыжий дворник»; в третьей части оба значения уравновешены: «желтые пальцы», «пожелтевшие зубы» и «Еленка рыжая», «Елена солнечно улыбаясь».

Отличительной чертой цветописи Булгакова является то, что одна и та же цветовая характеристика может относиться к противоположным героям: «Николкины голубые глаза», «голубоглазый Карась», «Жилин-вахмистр, глядя прямо в глаза взором голубым», «голубые глаза Василисы». В этих случаях цвет выполняет не просто номинативную функцию, он создает настроение: «Сияние вокруг Жилина стало голубым, и необъяснимая радость наполнила сердце спящего»; «успокоительнее всего на Елену действовал укладистый маленький голубоглазый Карась».

М.Булгаков не останавливается на одной семантике цвета, делая ее «цветовой» чертой персонажа. Напротив, он стремится активизировать противоположные значения, усложняя тем самым смысловую нагрузку и цвета и образа.

Нами подсчитывались как цветообозначения слова «белогвардеец»/ «красногвардеец» и, соответственно, - «белые»/«красные». В словах-терминах цвета имеют исторические корни. Красный восходит к красной гвоздике французской революции, символизирующей восставший народ. Белый цвет считался цветом сторонников законного правопорядка. Впервые отличительным знаком белой гвардии были белые нарукавные повязки у буржуазной милиции, созданной в Финляндии в 1906 году для борьбы с революционным движением. Эти значения нашли свою преемственность в России в годы гражданской войны /2/. Позже красный стал символом целой эпохи Советской власти, а за белым закрепилось значение буржуазной силы.

Одежда, одяние составляют часть характеристики человеческого мира, по одежде определяется образ жизни, социальный статус, цветовые предпочтения в одежде говорят о психическом состоянии владельца, типе личности и темпераменте.

Цвет одежды в романе «Белая гвардия» почти наполовину черно-серый. Это «серые шинели» и «черные штатские пальто». Часто цвет одежды выступает как перифраз, заменяющий название человека или группы людей: «И хлынут серые», «серый человек», «два серых» (солдаты), «две черные фигуры», «некто в сером» и т.д.

В романе «некто в сером» - это и Троцкий, и Петлюра. Вспомним - в сером был и Воланд: «Он был в дорогом сером костюме, в заграничных, в цвет костюма, туфлях. Серый берет он лихо заломил на ухо» /3,9-10/. Серый цвет в одежде у М.Булгакова имеет дьявольское начало, поэтому, возможно, не только констатацией является настойчивое подчеркивание автором серого цвета в форме всех участников военных действий: красноармейцы - это «серые разрозненные полки, которые пришли откуда-то из лесов, с равнины, ведущей к Москве», немцы «пришли в Город серыми шеренгами», а украинские солдаты не имеют сапог, зато имеют «широкие шаровары, выглядывающие из-под солдатских серых шинелей».

Яркие пятна в одежде – это военные аксессуары: «погоны с белыми нашивками», «серебряные пуговицы», «шапки с малиновым верхом», «синие рейтузы», «цветные зеленые петлицы», «с красными звездами на папах». Детальнейшее описание военной формы противоборствующих сторон максимально передает атмосферу войны, где нет места теплым житейским цветам.

Лишь две небольшие цветочные детали в одежде имеют индивидуально-личностную характеристику. Первый – это темно-красный театральный капор, передающий семейную драму Елены. Именно он становится символом блестящего брака «между красивой, рыжей, золотой Еленой и генерального штаба карьеристом, брак с капорами, с духами, со шпорами, и облегченный, без детей». Их брак, как капор, «обветшал, быстро и странно, в один последний год, и сборки осеклись и потускнели, и потерялись ленты». И капору Елена выговаривает то, что не смогла сказать мужу: «Знаешь, Сережа, нет у меня к тебе уважения, - значительно сказала она красному капору и подняла палец... Капор с интересом слушал, и щеки его осветились жирным красным светом».

Вторая деталь - это нелепые *желтые* отвороты в одежде Лариосика. Они подчеркивают его непосредственность, неловкость и вносят комическую струю в темную обреченность дома Турбиных.

Предметный мир романа делится на две основные группы: предметы семьи Турбиных, напоминающие о прошлой жизни (бронзовый подсвечник, розовая лампа, синий сервиз, зеленая лампа и другие), и предметы войны (черные штыки, серые шашки, бронепоезд – серая неуклюжая черепаха, желтые гробы, черный револьвер, желтое седло и т.д.), перечень последних возрастает с каждой частью. Символом границы между этими мирами, выполняющим функцию оберега, становятся «кремовые шторы»: «Жарко, уютно, *кремовые* шторы задернуты»; «сразу распахнулась *кремовая* штора»; «наши израненные души ищут покоя вот именно за такими *кремовыми* шторами»; «именно за *кремовыми* шторами и жить».

Время. М.Булгаков фиксирует, определяет в цвете и время суток («*серый* непроницаемый день», «*белое* утро»), и времена года, дает цветоопределения месяцам («*белый* мохнатый декабрь», «август пришел *светлый* и пыльный», «*светлым* сентябрьским вечером», «*солнечное* и грозное лето», «наливной *золотистый* август») и характеру времени, эпохи («*кровавые* годы», «Турбин стал умирать днем... День этот был мутноват, *бел...*»).

Пространство. В пространственном отношении просматриваются оппозиции верх-низ, внутреннее-внешнее. Верх – небесная сфера, безграничная и яркая: «начинал *синеть* покров над городом»; «кругом, над двором анатомического театра, была ночь, снег, и звезды крестами, и *белый* Млечный путь»; «весь морозный мир *синим* шелком неба»; «Последняя ночь расцвела... Похоже было, что в неизмеримой высоте за этим *синим* пологом».

Низ, пространство Города, обычно четко ограничено и мрачно: «огромное *черное* пятно – Город»; «на *черной* безлюдной улице»; «*черные* подвальные коридоры»; «*темные* закоулки». Светлые пятна в городской среде – это чаще яркий искусственный свет или мрачный природный: «*бледный* электрический свет», «*ослепительно-белым* электрическим светом», «*сумрачный* *белесый* свет царил в зале», «(дом) засветился слабенькими *желтенькими* огнями»; «лампы, увитые цыганскими шальями, бросали два света - вниз *белый* электрический, а вбок и вверх - *оранжевый*», «электричество вспыхнуло *ярко-бело* и радостно».

В третьей части темнеет и верхнее пространство: «выше было *черное* небо»; «вслед звезде *черная* даль за Днепром»; «в высь, *черную* и *синюю*»; «поднимался в *черную, мрачную* высь полночный крест Владимира» и т.д.

Светлыми остаются лишь пространства мечты и снов: «Про все забыл (Василиса), почему-то представил себе поляну в лесу, хвойный дух. Эх, эх... знамение, сверкнуло, сверкнуло,... и, как луч в луче, стало подниматься из подземелья в *солнечный* дворик»; «она и появилась... в *небесно-голубом* саду на берегу озера»; «на правой руке какой-то *белый*, сказочный многоярусный сад» (сны Турбина); «а сверчок все пел и пел свою песню, где-то в щели, в *белом* углу за ведром» (сон Петьки).

Следовательно, цветообразность «Белой гвардии» представляет яркую всестороннюю окрашенность мира людей, где в цвете фиксируются внешность, эмоции, психологические портретные черты, одежда, через цвет передается характер отдельной личности и толпы. Предметный мир также связан с человеком и образно-символически передает его душевное состояние и внешние события.

Значение цветовой палитры романа, выраженной мифологическим трехцветием (красный, черный, белый), и семантика цветообразов вариантов заглавия «Белый крест» и «Полночный крест», полностью раскрываются в заключительных строках романа: «Над Днепром с грешной и *окровавленной* и *снежной* земли поднимался в *черную, мрачную* высь полночный крест Владимира. Издали казалось, что поперечная перекладина исчезла - слилась с вертикалью, и от этого крест превратился в угрожающий острый меч».

Но он не страшен. Все пройдет. Страдания, муки, *кровь*, голод и мор. Меч исчезнет, а вот звезды останутся, когда и тени наших тел и дел не останется на земле. Нет ни одного

человека, который бы этого не знал. Так почему же мы не хотим обратить свой взгляд на них? Почему?».

Булгаковская позиция в изображении гражданской войны близка философии ненасилия И.Канта и Л.Толстого («непротивление злу насилием»). Символическое значение трехцветия романа проходит через мифологическую интерпретацию, вбирает политическое значение и приходит к библейской символике, усиленной семантикой образа креста.

Образы меча и креста в романе М.Булгакова восходят к словам Евангелия от Матфея: «Не мир я принес вам, но меч». Позднее, в романе «Мастер и Маргарита» парафраз евангельского изречения был вложен в уста первосвященника Иосифа Каифы, убеждающего Понтия Пилата, что Иешуа Га-Ноцри принес иудейскому народу не мир и покой, а смущение, которое подведет его под римские мечи. М.Булгаков утверждает покой и мир как одну из высших этических ценностей.

1. Чернова А. ...Все краски мира, кроме желтой: Опыт пластической характеристики персонажа у Шекспира – М., 1987.
2. Баева М.И. Красный цвет в русской и английской культурах // Русская речь. – №4. – 2004. – С.125-127.
3. Булгаков М. Мастер и Маргарита. – М., 1989.

Түйін

Мақалада Булгаковтың романындағы соғыс және өмір туралы көрнекті түрде жазылған. Мақаланың көрнекілігіне талдау жасау арқылы азамат соғысына деген авторлық көзқарасын шығарманың өзара байланысын атап көрсетті.

Summary

In article colour descriptions of war and a life in Bulgakov's novel are considered. The analysis of colour symbolics has opened intertextual communications and has underlined an author's position in the image of civil war.

ЛЕГЕНДЫ И МИФЫ О ПРОРОКЕ И СВЯТОМ ХИЗРЕ

А.Шинтемирова-

преподаватель кафедры практического русского языка КазНПУ им. Абая

Значительное место в исламской литературе занимают легенды и мифы о пророке Хизре.

Пророк Хизр – фигура одиозная в суфийских источниках. Имя его соответствует арабскому слову «хазир» - некто в зеленом, что совпадает с цветом ислама. Ритуалам суфизма можно научиться не только от непосредственного общения с живым учителем – суфийским шейхом, но и от высшего источника – от Хизра, могущего встретиться на пути. Он вечен, так как испил живую воду. Вдохновляя или спасая встреченных людей, он дарил им хирку – рубище суфия, такая хирка воспринимается как знак прохождения инициации.

Крупный суфийский поэт М.Икбал называл святого Хизра «велемием космоса». Анализируя его работу «Хизр-проповедник», известный пакистанский литературовед И.Баревели пишет, что в диалоге поэта с Хизром «голоса обоих собеседников сливаются, что позволяет назвать произведение в целом монологичным /1,42/. Исследователи образа Хизра сходятся во мнении, что такое «слияние» служит подтверждением идеи: «Хизр – «внутренний голос» человека, причем голос чистый, не замутненный земными страстями. О том же свидетельствует сравнение Хизра с виночерпием, символизирующим в суфизме истинное знание.

Имя этого пророка притягивало внимание известных востоковедов. В.Бартольд в одной из своих работ отмечал, что «Хизр появляется странникам и подвижникам чаще всего в образе старика, подвергал их испытанию и выводил на прямой путь « /2, 59/. Те же самые факты и выводы имеются в трудах других ученых, в частности Е.Э.Бертельса. /3/.

«Хизр живет на отдаленном острове, наделен способностью летать по воздуху, путешествуя по миру. Он покровительствует плывущим по морю, спасает от происков джиннов, оберегает от краж и пожаров» /4/. Сам факт встречи с Хизром признается чудом. Известна следующая история, произошедшая с хорасанским шейхом Абу Саидом ибн Аби-л –Хайром (967-1049 гг.). Однажды кто-то рассказал ему о мистике, способном ходить по воде, и Аби-л-Хайр сказал: «Это умеют делать и лягушки, и всякая водная дичь!». А когда собеседник продолжил: «А такой-то летает по воздуху,» - он ответил: «Так поступают и птицы, и насекомые!». Когда же

собеседник поведал ему, что кто-то перебрался из одного города в другой всего за одну минуту, он отпарировал: «Подумаешь, Сатана перелетает в одно мгновение с Востока на Запад!». В другой раз его спросили, какие чудеса числятся за неким суфием, он возмутился и ответил: «Разве не величайшее чудо, что мясник вступил на мистический Путь, что он беседует с Хизром?» /4, 170/.

В одном из своих трудов гениальный теоретик суфизма Ибн Араби повествует о том, как однажды в ранней молодости он поспорил со своим наставником Абул Хасаном ал-Уруани, не разделив его доводов относительно того, кого Пророк Мухаммед облагодетельствовал своим явлением. Ибн Араби покинул учителя, так и оставшись при своем мнении. Через некоторое время ему встретился незнакомец, который неожиданно воскликнул: «Верь своему учителю!» Ибн Араби решил вернуться, чтобы признать свою неправоту. Шейх, увидев его, сразу понял, зачем он вернулся, и сказал: «Неужели к тебе должен был явиться Хизр, чтобы ты поверил словам учителя?» Маститый теософ Ибн Араби, первым сформировавший все основные идеи и теории суфизма, уверял, что позже еще несколько раз виделся с Хизром».

Хизр является человеку и во сне. Суфийский поэт Дж.Руми изложил в одной из своих поэм историю человека, смущенного Сатаной:

«Его сердце было разбито, и он лег спать,
Во сне он увидел
Хизра среди зеленой листвы,
Который говорил: «Послушай! Ты перестал
Восхвалять Бога:
Почему ты раскаиваешься в том,
Что зывал к Нему?»
Он ответил: «Ни одного. «Вот Я»
Не приходит мне в ответ;
Я боюсь, что отвергнут от Двери».
Сказал Хизр: «Неправда, Господь говорит:
«Твое Аллах» -
Это Мое «Вот Я», а твои мольбы, печаль и
рвение
Это Мой посланник к тебе /4, 135/.

Анализируя представления степняков о Хизре, С.Каскабасов отмечает, что Кыдыр-благодетель, даритель счастья и богатства. Но он незряч и невидим. Чтобы получить от него блага или помощь, надо увидеть его или же нужно быть видимым им. Для этого необходимо зажечь костер, лампу или что-нибудь другое – лишь бы был свет. И Кыдыр придет на свет, явится в образе старца, странника или дервиша. Все это очень похоже на обстоятельства появления и встречи человека с аруахом – духом мертвых. Кыдыр бестелесен и слеп, как аруах, он любит белый цвет и является только к белому цвету (свету). А белый цвет считается цветом мертвых. Следовательно, у нас есть все основания считать Кыдыра мусульманизированным духом предков. Мусульманизируясь, он получает черты мусульманских ангелов» /2; 150-151/.

О связи с миром мертвых говорит И.М.Пиотровский. Ссылаясь на древнюю ближневосточную символику, он отмечает, что встречающиеся в истории путешествия Мусы и Хизра «корабль, дом, стена, толкуются как элементы, складывающиеся в образ потустороннего мира и символизирующие загробную жизнь» /6, 112/.

Кыдыр пользуется у казахов особым почтением и любовью. Степняки часто нарекают своих детей именами Кыдыр, Кыдырбай, Кыдыралаи. Увидеть этого святого во сне и взять его за руки – хорошая примета. «Жорытқанда жолын болсын, жолдасын Қыдыр болсын», - традиционное благословение казахов. Кыдыр не только невидим для окружающих, но и сам не видит. Считалось, что святой имел обыкновение утром идти впереди стада баранов, а вечером сзади. Поэтому суеверный казах, встречаясь со стадом баранов, утром объезжал его спереди, а вечером – сзади, стараясь попасть на глаза невидимому святому, один взгляд которого принесет счастье человеку /7, 389/.

Свидетельство о представлениях казахов начала XX века, Г.Потанин пишет: «Когда Кыдыр поднимает свою плеть (а это он делает каждую весну), то «не остается с иголку комка земли, с монету снега». Тогда сходит с земли снег, замерзшая земля оттаивает и появляется зелень. Каждый человек видит Кыдыра три раза в своей жизни, но не узнает его. Он является или под видом нищего, или под видом странника и т.п. Если бы узнать его в это время и попросить счастья, он осчастливит на всю жизнь, но редко кому это удастся».../8,114/

В произведении «Мұнды-Зарлык» Хизр предстает перед нами в окружении сорока аулие, предрекает рождение детей и вообще будущее:

Когда горько плакал,
Бог исполнил его желание.
Приняв образ седого старца,
Явился к нему Хазрет Кыдыр
И сказал: «Вернись, домой, царь,
Женись на красивой девушке
После того, как ты женишься на ней,
Родятся мальчик и девочка. /9, 154/
Будь спутником, Кыдыр-ата,
Поддержите меня, чильтены,
Господь, сделай мой путь удачным.
/9, 64/.

Вещие слова сбываются. Хизр начинает покровительствовать и сыну царя. Когда наступает время и царевичу отправиться в путь, он не оставляет его, и в тяжелую минуту юноше приснился пророк Кыдыр: «...Сынок, встань, - услышал юноша и пошел дальше, словно наполнился силой энергичных людей, обрадовался. /9,179/ В сказке «Дочь хана» Тазша попадает в немилость к правителю города. Его жена – дочь хана, подсказывает ему обратиться к хану и просить того повелеть три дня и три ночи не зажигать в городе огонь. Хан соглашается. Сам же Тазша зажигает огонь, и к нему приходит Кыдыр, и на следующий он становится знатным владельцем большого количества скота.

Л.Климович указывает, что .. Хизр – «владелец живой воды»... Одет он будто бы в зеленое и, по поверью, одного его появления в бесплодной пустыне достаточно, чтобы она зазеленела, покрылась растительностью. /10,158/

Персонаж сказки «Каратал», брошенный вероломными братьями в зиндан, увидел глубокого старца и почтительно его приветствует. Аксакал оказался не кем иным, а самим Хызыр Ильясом, превращается в большую птицу и на себе выносит юношу на поверхность земли. Кыдыр ата связан с живой водой, с зеленым цветом, благодаря ему идут дожди и земля покрывается цветами, он – «дающий сыновей», защитник от джиннов, покровитель путников. С его именем связаны транспереходы, инициации, транспутешествия, способность дарить людям богатство, удачу, счастье, исполнение мольбы и просьбы. Все эти удивительные качества присущи Хизру потому, что принято считать его кораническим пророком и святым, «Хизр, или аль-Хадир в мусульманской мифологии -один из четырех «бессмертных» наряду с Исой, Ильясом и Идрисом, считается потомком Ноя в пятом поколении, проповедник. /11,с237/

М.Пиотровский, анализируя сюжетные линии Корана о Мусе и встреченном им на пути «рабе Аллаха», пишет: «Мудрый спутник пророка остался в Коране безымянным. Предание же затем дало имя ему аль-Хадир. Так назвала мусульманская мифология «таинственный персонаж, символизирующий собой вечность и постоянное обновление природы. Аль-Хадир считается одним из тех людей, которые не умерли даже первой смертью и живыми пребывают в ожидании Судного дня» /6, 112/.

В тюркской среде Центральной Азии облик Хизра наделен новыми элементами. Они особенно прослеживаются в материале, собранном С. Каскабасовым. В этих мифах о Хизре говорится: «Некто видит рассыпавшиеся кости мертвого человека и думает: «Аллах прощает и говорит ему: «Ты уже раз умирал. Теперь будешь жить до конца света. Ты стал Хизром. Будешь оказывать помощь обездоленным и несчастным».

Хизр по разрешению Аллаха 30 лет учит Коран под руководством главного имама Магзама. Устаз умирает, и Хизр еще 25 лет ночует в его могиле и учит Коран. Никем не замеченный, Хизр в образе старца в белой одежде учит детей».

Этот пророк связан с культом предков в тюркском сознании – аруахами. Следующие детали прямо свидетельствуют об этом: появление его при зажжении источника света, склонность к белым одеждам, проживание и появление из могилы, превращение в птицу.

Казахское мифическое сознание обогатило рассказы о Хизре символами и мифологемами: огонь, перевоплощение в птиц и т. д. А самое главное–органично сохранило суфийскую идеологию легенды о Хизре, выработанную многими поколениями мусульманских мыслителей.

Известно, что на протяжении всей жизни святые люди и пророки–хранители и передатчики божественного сакрального знания сопровождали и опекали Иассауи, оказывая ему всяческую помощь.

Ахмет был отмечен особыми знаками внимания со стороны божественных сил. Его посещали и с ним общались в первый год жизни –аруахи, во второй–пророки, в третий–чильтены, в четвертый–пророк Мухаммед и Хизр–Баба/12,41/. Одни из этих святых людей и духовных

существ были связаны с местными доисламскими верованиями, шаманизмом (аруахи, чильтены), другие с исламом и суфизмом. Они подготавливали Ахмета к вступлению на путь служения Аллаху, передавали ему сакральное знание, благословляли и посвящали его.

В «Диуани хикмет» есть эпизод, где 31-летний Иассауи пьет «вино» с святым Хызыр Баба, /12,48/, ведь способ общения со святыми людьми, согласно доисламской традиции у иранцев и тюрок, проходил «путем передачи избраннику символической чаши с вином, либо совместного винопития у шейха». С ними связаны многочисленные проявления божественной любви.

В суфийской доктрине «вино» и «любовное опьянение»—приметная метафора. Но у Иассауи сквозь нее проглядывают старые местные традиции получения сакрального знания.

Образ святого Хизра, заставивший человека вести внутренний диалог с собой, позволил казахам более гармонично воспринимать действительность. Легенды о Кыдыр ата—плод многовекового народного мифопоэтического творчества, выражение постоянной потребности народа в покровителе, благодетеле и помощнике.

1. Пригарин Н.И. *Поэтика творчества Мухамада Икбала.* – М., 1968.
2. Бартольд В. *Ислам.* – Петербург, 1918.
3. Бертельс Е.Э. *Суфизм и суфийская литература.* – М., 1920.
4. Шиммель Анна-Мари. *Мир исламского мистицизма.* – М., 1999.
5. Каскабасов С.А. *Золотая жила.* – Астана, 2000.
6. Пиотровский М. *Коранические сказания.* – М., 1991.
7. Лыкошин Н.С. *Полжизни в Туркестане. Очерки быта туземного населения. Выпуск – Петербург, 1968.*
8. Потанин Г. *Казак–киргизские и алтайские предания.* – Петербург, 1914.
9. *Батырлар жыры. 3 томдық.* – Алматы, 1964.
10. Климович Л.И. *Ислам.* – М., 1965.
11. *Ислам.* – М., 1991.
12. *Қожа Ахмет Иассауи. Хикмет жинақ* – Алматы, 1998.

Түйін

Бұл мақалада Қыдыр ата туралы ағыздар, әңгімелер берілген.

Summary

Legends and myths about the Prophet and the holy Khizri

**МЕТОДИКА ПРЕПОДАВАНИЯ
РУССКОГО ЯЗЫКА И ЛИТЕРАТУРЫ**

УДК.371.3:82-1:301.161.

**ВОСПИТАНИЕ У УЧАЩИХСЯ ПАТРИОТИЗМА ПОСРЕДСТВОМ ИЗУЧЕНИЯ ДРАМЫ
К.МАЛИКОВА И А.КУТТУБАЕВА «ДЖАНЫЛ МЫРЗА»**

С.Т.Батаканова –
Кыргызстан

Изучение в IX классе сюжетно-композиционной структуры драматических произведений необходимо начинать с раскрытия их основных конфликтов. Основной конфликт в драме происходит между храброй девушкой Жаныл и Тулку, Калматай, Манжы. Столкновение между племенами в феодально-патриархальном обществе занимает основное место в сюжете драмы.

К.Маликов и А.Куттубаев написали свою драму «Джаныл» во время Великой Отечественной войны. Драма пробуждала патриотические чувства бойцов, призывала их до последней капли крови воевать с врагом за свой народ и свою землю. В пьесе поднимается проблема межплеменных столкновений, раздробленности кыргызского народа, вопросы о необходимости улучшения общественно-социального положения женщин в феодально-патриархальном обществе и о вреде межплеменных распрей, восхваляется идея справедливости, единства народа. Учащиеся читают по ролям отдельные акты драмы. Учитель распределяет учащимся роли, задает домашнее задание поработать над ролями. Следующие вопросы ученики пишут в тетрадях:

1. Почему ты выбрал ту или иную роль?
2. Какое значение играет твоя роль в пьесе?
3. Как ты представляешь внешность твоего героя, его манеру разговаривать?
4. Каково отношение твоего героя к другим персонажам пьесы?

Учащиеся не могут представлять образ-характер героя без просмотра драмы на сцене. Поэтому обязательно нужно посмотреть в театре спектакль «Джаныл». Но в связи с тем, что сельские школы не имеют такой возможности, учитель может достичь эффективности урока рассказом об актерах, играющих ту или иную роль, показом фотоиллюстраций сцен, прослушиванием отрывков сцен по магнитофону, постановкой пьесы в драматических кружках школы. Заслуженная артистка Кыргызской Республики Н.Мамбетова творчески решила образ Джаныл, другими словами, достоверно передала на сцене достоинство, смелость, решительность девушки-героини. Артистка талантливо показала бесстрашие, отвагу Джаныл при защите своего народа, своей земли, ее любовь и сожаление о неисполненном желании и с высоким мастерством раскрыла ее образ. Необходимо обращать внимание учеников к речевым особенностям персонажей при изучении драматических произведений, так как анализ диалогов, монологов персонажей раскрывает характерные особенности героев, определяет идейное содержание драмы. Образ Джаныл противопоставлен образу Тулку. Раскрытие основных конфликтов драмы осуществляется методом сравнения образов данных героев. Удобно начинать сравнение путем составления следующей таблицы. Условно назовем таблицу «Кто как понимает мужество?».

Джаныл (отрывок)	Тулку (отрывок)
Пока бьется сердце Стань поддержкой народу. Если я позволю пленить своих людей, Если позволю срубить веточку с моей земли, Тогда я не буду Джаныл.	Я не удовлетворюсь, пока полностью не уничтожу лошадей Джаныл, не посрамлю ее джигитов, не поставлю на колени ее свиту, не захвачу народ Джаныл, не отпущу погастись своего коня, не сниму ни разу верхнюю одежду, пока не успокою, отняв лук у Джаныл, приносящей беду, пока не сделаю своей женой эту мерзавку, я отсюда не уеду, не спешусь со своего коня.

Конечно, такой метод закрепляет восприятие учащихся, обеспечивает его глубину и эффективность.

Для того, чтобы учащиеся глубоко уяснили то, что основной конфликт происходит между Джаныл и Тулку, Калматай и Манжы, начинается характеристика - анализ каждого персонажа, носящего данный конфликт. Здесь учитель, чтобы сосредоточить внимание учеников на положительном персонаже Джаныл, спрашивает их, как описывается внешность Джаныл в драме.

Ученики находят в тексте следующее место, где акын описывает внешность Джаныл, и выразительно читают.

«Когда Джаныл смотрит, повернувшись,
Изящно идет и говорит,
У нее голос как у соловья.
Красота у нее несравненная,
Лучезарная как восходящая луна.
Как красный цветок джайлоо,
На лице есть красота.
У девушки-тигрицы
Есть нечеловеческое величие.
Кто может сойтись лицом к лицу
Со знаменитой кыргызской девушкой?»

Ученики говорят, что из этого описания ярко заметны и красота, и мужество Джаныл. Анализ образа Джаныл, раскрытие ее характера необходимо начинать с подобного портретного описания. Так как данное портретное описание служит началом раскрытия мужественного характера Джаныл.

Ознакомившись с описанием внешности Джаныл, читая строки «Кто может сойтись лицом к лицу, со знаменитой кыргызской девушкой?» учащиеся, конечно, задаются вопросом, какие подвиги совершит эта храбрая девушка. Через описание внешности Джаныл драматург постепенно раскрывает и ее внутренний мир. Джаныл – мудрая девушка, умеющая оценить достоинство, хорошие свойства человека. Она недаром при первой же встрече с певцом Тулку сказала: «Тулку мырза, Ваш певец рожден для счастья горного кыргызского народа». Она просит Тулку погостить у ее народа и говорит: «Вы кажетесь мне людьми, достойными того, чтобы мой народ подарил вам шубу с золотым воротником, первого скакуна в округе». Но Тулку, имея дурные помыслы, превратно понял слова Джаныл и угнал ее лошадей, разгромил ее народ. Джаныл любит Тулку, но скрывает свое чистое чувство, сладкие мечты, думы. Для нее достоинство и счастье своего народа важнее всего. «Если Тулку мырза согласится, - говорит Джаныл, - я согласна объединить народы и забыть прошлое». Она хочет жить в дружбе и согласии. Но все случилось не так, как думала Джаныл. Тулку и Учуге оскорбили честь и достоинство Джаныл, задели ее словом. Джаныл в тяжелых условиях, когда нарушено спокойствие народа, оскорблена ее девичья честь, не пожалела даже своего любимого. Девушка-героиня сражалась за территориальную целостность, свободу своего народа и в итоге Тулку погиб из-за своего пустого чванства. «Тулку батыр, каждый обязан постоять за свою честь и моя рука не дрогнула перед человеком, разгромившим мой народ и погибшим от моего меча. Честь выше молодости, горящей как пламя, любви, зажигающей сердце. Я не виновата в том, что постояла за свою честь. Прощай, ставший жертвой надменности, Тулку батыр. За то, что любила, буду помнить прошлое. Прощай, место, где пролилась кровь» - так Джаныл обещает посещать могилу Тулку. Бесстрашие Джаныл, а также ее несчастная любовь раскрываются во время сражения с Тулку батыром и после его смерти. Ученики сравнивают характеры Джаныл и Тулку. Учитель задает ученикам вопрос: как понимают слово «честь» два батыра. Ученики отвечают, что батыры по-разному понимают семантику понятия честь. Если Джаныл понимает под словом честь борьбу за свободу и счастье своего народа, то Тулку - захватить другое племя, господствовать над ним и грабить народ.

С ранней юности Джаныл своей меткостью защищала свой народ, не снимая с пояса колчана, не выпуская лука из рук, бесстрашно сражаясь с врагами и своей стойкостью побеждала все трудности. «Забыв» данный природой девичий характер, не слезала с коня, но не вынесла чванливости любимого и осталась в объятиях несчастной любви. Для Джаныл дорого счастье народа. Когда она в безвыходном положении находилась во дворце Калматая, в первую очередь скучает по своей земле и по своему народу. Эти строки читают в классе. «Ведь говорят, золото не гниет, ум не поддается насилию, не умирает богатырь, которого ждет народ. Эх, где же ты, мой народ? О, вода, рожденная из ледников и чистая как зеркало! Золотой родник Керме Тоо, я стосковалась по тебе!...- так она воспевая красоту кыргызской земли, выражает свою тоску по Родине. Обращение девушки-героини к своему народу в финале драмы учителем с выражением читает в классе. Враг повержен, образ народного героя Джаныл показан с высоким пафосом. Читатели верят, что Джаныл исполнит все свои обещания, так как слово батыра никогда не расходится с делом. Наряду с тем ученики экспериментального класса смогли отметить, что мотив, данный в форме клятвы, составляет главную идею драмы, другими словами, выполняет функцию призыва кыргызского народа к единству, к народному патриотизму.

УДК.371.3:82-3

**РАЗВИТИЕ САМОСТОЯТЕЛЬНОСТИ У УЧАЩИХСЯ ПОСРЕДСТВОМ
ИЗУЧЕНИЯ ПРОЗАИЧЕСКИХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ**

С.Т.Батаканова –
Кыргызстан

В процессе изучения литературы, в воспитании учащихся через художественное восприятие жизни огромны роль и значение эпических произведений. Читая эпические произведения, образно и художественно воспринимая его, ученик с начальных классов готовится к восприятию мира, окружающей среды в сочетании с реальным бытом. Действительно, ребенок, у которого развивается свойство образного восприятия мира, еще в детском саду под воздействием отдельных видов литературных произведений – сказок, легенд, мифов и др., в своих мечтах принимает участие в событиях, живет образами, представляет их по иллюстрациям произведений, а с умением читать начинает замечать силу слова. Ребенок еще не знает, что произведения, приходящие в движение через слово и ставшие образом, являются эпическими произведениями. Но после окончания начальных классов учащийся различает в своем мироощущении, что кроме лирических или произведений в форме стихов есть еще и литературно-художественные произведения в повествовательной форме, хотя он еще не может дать каждому определение.

Важнейшим компонентом эпических произведений, отличающим их от других видов литературы и оставляющим след во внутреннем мире ученика, является чтение. Ученик на ежедневных уроках литературы изучает такие вопросы, как начало события, переход персонажей к живым действиям, многостороннее развитие событий по поступкам, совершаемым ими в произведении, превращение событий в динамизм с развитием повествования, появление внутренних конфликтов. Но ученик не воспринимает как есть развитие событий, изложенное в эпических произведениях, а выражает свое отношение к нему. Точнее говоря, ни один ученик не воспринимает событие, или развитие событий, многосторонность действий, сюжет, в том виде как они изложены в эпическом произведении.

Такое «индивидуальное» отношение ученика к эпическим произведениям глубоко изучается в психологии. Здесь нельзя не сказать об этом, потому что изучение детьми литературно-художественного творчества не осуществляется без него. В основе причин развития психики ребенка лежит «деятельность». Точнее говоря, особые причины восприятия развития событий, составляющих стержень эпических произведений, психологи (А.С.Выготский, С.А.Рубинштейн, А.Н.Леонтьев) рассматривают в сочетании со свойствами, объясняющимися временными измерениями, определяющими их как причины действия развития ребенка. Психологи доказали, что это определяется наследственными признаками, составляющими стержень детской психологии, его социальным положением, его «внутренним и внешним» отношениями к обществу. (см.: Азаров Ю.П., Искусство воспитывать. – 2-изд. - М.: Просвещение. 1985; Айзерман С.С. Уроки нравственного прозрения. – М.: Педагогика, 1984). Отношение ученика к событию, изложенному в произведении, устанавливается, в первую очередь, через социальное мнение окружения, ребенок в своем внутреннем мире приводит их порядок, анализирует их через свои мироощущение, знания и дает оценку «хорошо» или «плохо».

Изучение литературных произведений учеником в V-VI классах меняет его отношение к художественному произведению, особенно к эпическим произведениям. Потому что он в это время воспринимает не только само событие, он уже понимает многие свойства в содержании и форме литературного творчества, решаемые через него. Различения учеником развития события в эпических произведениях от сюжета лирических произведений и сюжетных действий в драматических произведениях нужно добиваться на уроках литературы через знания, полученные им. По действующей учебной программе ученики уже в V классе должны «представлять художественное произведение, пересказывать его содержание, характеризовать персонажей произведения, давать оценку различным героям через сравнение их действий в одинаковых ситуациях, находить в тексте произведения прямую оценку автора своим персонажам» (Программа кыргызской литературы. Для 5-10 классов. – Бишкек, 2006. Б.7.). Значит, учитель с первых дней преподавания литературы должен не только давать анализ художественному произведению и изучать с учениками содержание, но и сообщать ученикам особенность их формы, жанровое отличие. Знакомство учеников с эпическими произведениями как с литературными произведениями начинается со сказок. При изучении сказок учитель обязательно

останавливается на их жанровой особенности, сообщает ученикам, чем они отличаются от других жанров. При изучении сказок учебной программы «Алтын куш» («Золотая птица»), «Акыл Карачач», «Умный дехканин», «Кекире майса суусады, чолдо ботом куурады» («Василек горький засох, в пустыне верблюжонок истощился») учителем дается разностороннее определение сказке как «широко распространенное в устном творчестве, в основном выдуманное, преувеличенное, фантастически освещающее события, с интересным сюжетом, в форме описания» (Шериев Ж. Кыргыз адабияты. Терминдердин тушундурмо создугу: Мектеп окуучулары учун – Бишкек КЭнин башкы ред., 1999. Б.34.). Точнее, учитель на примере содержания и форм данных сказок объясняет ученикам, что сказки рассказываются в основном в прозе, но с рождения сказки прошли многие века, поэтому она характеризуется плавной речью, в некоторых случаях рассказывается в стихотворной форме, но в каких бы особенностях и условиях не рассказывалась, все равно ее основным свойством является повествование. Какую бы сказку не изучали дети, учитель вынужден придавать глубокий смысл их событиям, давать первичные теоретические сведения о сюжете, его элементах. Здесь поднимается особенность разбора эпических произведений, другими словами, учитель, начиная с первых произведений, предложенных учебной программой, от простого к сложному, учит, что произведения повествовательного характера состоят из систематического развития событий, объясняемых термином «сюжет».

Начиная с V класса до окончания школы учитель литературы постоянно объясняет детям, что в художественном творчестве события сами по себе последовательно не развиваются, для системного и интересного развития событий художник с большим мастерством объединяет все материалы, имеющие отношение к созданию произведения, добивается создания целого произведения, которые при анализе данного литературного произведения приобретают самостоятельное теоретическое определение и называются сюжетом и элементами сюжета. Но в эпических произведениях структура событий может быть различным. События некоторых эпических произведений основываются на внутренних конфликтах в жизни героев, делается ударение на событиях, объясняющих такое состояние как «стоять на лезвии ножа», раздумья, заботы, охватывающие многие вопросы и решаемые в рамках художественного образа, а в других эпических произведениях основное место занимают отношения героя к окружающей среде, влияние внешней среды на его судьбу, развитие событий в них стремительное, внешняя динамика конфликтов поднимается на главное место. В обоих видах эпических произведений ярко видно развитие событий. Анализ такого явления или разбор развития сюжета в прозаическом произведении производится учителем в научно-педагогическом, литературно-методическом аспектах. Точнее, учитель при изучении сюжета эпических произведений принимает во внимание не только возрастные особенности учеников разных классов, но и обращает внимание к каким событиям нужно отнестись поверхностно, а на каких событиях нужно останавливаться, какие моменты нужно глубже объяснять ученикам. Например, в V классе после изучения народных сказок «Алтын куш» («Золотая птица»), «Акыл Карачач», «Умный дехканин» у учеников появляется определенное понятие о сказках - одном из видов эпических произведений. Они считают, что все сказки по форме не отличаются друг от друга. Если учитель на каждом уроке через литературный анализ художественного произведения углубляет это понятие, то оно может сохраняться и при окончании школы и после ее окончания. Поэтому учитель литературы не должен забывать об этом и при каждом удобном случае должен его углублять.

В V классе для углубленного изучения жанровых особенностей сказок введена часть «литературные сказки». В этой части нужно ясно показать различие эпических произведений от лирических произведений. Например, при объяснении (при литературном анализе) сказки А. Токомбаева «Жетим менен сыйкырчы» («Сирота и волшебник»), предложенной учебной программой, учитель обязательно должен сказать, что эта сказка написана в стихотворной форме, но у нее есть особенности, отличающие ее от лирических произведений, другими словами события и их развитие, разные действия персонажей, отношения людей друг к другу даются в повествовательной форме, поэтому она отличается от лирических произведений, написанных в стихотворной форме. Конечно, такой рассказ учителя углубляет знание учеников об особенностях эпических произведений, полученных во время изучения сказок. Но при изучении литературных сказок литературный анализ нельзя ограничивать только этим. Здесь важно объяснить с применением различных методических приемов, делая ударение на особенностях литературных сказок, что литературные сказки создаются и придумываются авторами и при создании таких произведений-сказок автор придает им художественно - эстетическое содержание, вносит в нее свои философские размышления. Эти сказки нужны ученикам не только для углубления знаний о сказках. Доведение до учащихся «внутренних особенностей» сказок, объяснение того, что писатель и поэт использует в сказке «свободу» творческого мастерства, поэтому литературная

сказка в отличие от сказок устного народного творчества своей основной темой и философскими размышлениями поднимает народную идею - необходимы для подготовки к восприятию детей особенностей эпических жанров профессиональной литературы.

Это занимает основное место в организации урока, другими словами при изучении сказки А.Токомбаева «Сирота и волшебник» учитель ставит на центральное место идею художника, проблему, поднимаемую в произведении, обращает внимание учеников именно на эти вопросы, затем проводит литературный анализ произведения. При литературном анализе последовательно рассказываются трудности, испытываемые сиротой в детстве, мучения его матери, милостыни, которые они просили, чтобы жить по-человечески. Но литературный анализ не производится одинаково, однообразно. Есть эпизоды, на которые учитель должен делать ударение, отдельно доводить до учеников. Именно эти эпизоды в структуре произведения поднимают его основную идею, художественно-эстетическую глубину. По нашему личному мнению следующие эпизоды требуют литературного анализа: встреча сироты и его матери с волшебником, которая, пораженная умением волшебника, отдает своего сына на обучение; мучения и лишения, испытанные матерью во время его обучения, мечтая, что сын научится ремеслу волшебника; ее переживания, когда она видит, что волшебник обратил ее сына в птицу; ее ожидание следующего срока, прося подаяния; ее приход во второй раз, встреча с сыном и его подсказки, как его можно узнать; узнавание матерью своего сына по его подсказке; превращение сына в скакуна, нежелание волшебника отпускать мальчика от себя, несмотря на то, что она узнала его; борьба волшебника и мальчика с применением своего мастерства, достижение мальчиком победы. Конечно, при проведении анализа учитель обязательно должен руководствоваться развитием сюжета. Но вместе с художественным освещением событий нельзя забывать об авторской идее, заключенной в подтексте произведения. Действительно, творческие поиски, старания учителя необходимы для поиска и использования методов для объяснения материала каждому ученику V класса. Это в первую очередь должно быть направлено на раскрытие авторской идеи, лежащей в основе произведения. Например, при литературном анализе сказки «Сирота и волшебник» нельзя оставлять незамеченной авторскую концепцию, доказывающую то, что справедливость всегда восторжествует на примере того, что образованность является преимуществом, без нее мальчик ничем не отличается от попрошайки, а после получения образования он вступает в борьбу с волшебником, превращавшим его то в птичку, то в скакуна, наконец он превращается в просо и превратившись в беркута, убивает волшебника-петуха, с наслаждением собирающего и поедающего просо. Здесь главным является не образованность, а для чего она употребляется. Он постарался доказать, что только тогда он сможет найти свое место в жизни, когда образование используется для честного труда и справедливости. А.Токомбаев противопоставляет справедливость злонамеренности и в конце сказки побеждает справедливость.

СВЕДЕНИЯ О КОНФЕРЕНЦИЯХ

~~V МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ~~ «ПРОБЛЕМЫ ПОЭТИКИ И СТИХОВЕДЕНИЯ»

Г.Г.Лукпанова

15–16 октября 2009 г. на филологическом факультете Казахского национального педагогического университета им. Абая состоялась организованная кафедрой лингвистики и литературоведения V Международная научно-практическая конференция «Проблемы поэтики и стиховедения», посвященная памяти и 70-летию профессора Виктора Владимировича Бадикова, известного критика, литературоведа и писателя. К началу конференции был издан сборник материалов [1].

В работе секций приняли участие ученые Казахстана и России. На пленарном заседании выступавшие поделились воспоминаниями о В.В.Бадикове. Феномен многогранной личности В.В. Бадикова в пяти его творческих масках – университетского преподавателя, литературоведа, критика, писателя и поэта – ярко был раскрыт в докладе д.ф.н., проф. В.В.Савельевой (Алматы).

Будучи по натуре собирателем и созидателем, В.В.Бадиков все свои усилия направлял на консолидацию литературных потоков в единой многонациональной культуре Казахстана, в русле которой он особо рассматривал роль «русскоязычного течения». Его заботила судьба русской литературы в пространстве вне России. Его волновали и интересовали процессы, происходящие и в казахской литературе, так последняя его книга «Прикосновение брата. Художественный мир Дулата Исабекова» была посвящена творчеству казахского прозаика и драматурга.

В.В. Бадиков был не только академическим профессором, в течение многих лет он вел мастер-класс по линии фонда «Мусагет» для тех, кто только начинал свой путь в литературе. Он стал знаковой фигурой литературного быта, летописцем литературной жизни Казахстана. А в последние годы В.В. Бадиков неожиданно раскрылся как писатель и поэт, как автор прозы аналитической, честной и мужской, теперь можно сказать, исповедально-пророческой. «Творческие маски отличаются от лица тем, что лицо исчезает, а они остаются», и так осталось, делает вывод В.В. Савельева, нам лучшее, что было в нем.

В докладе д.ф.н., проф. Т.С.Тебегенова (Алматы) речь шла об исследованиях В.В.Бадикова в области казахской литературы. Здесь докладчик отметил широкий спектр его интересов – от Мухтара Ауэзова, по мнению В.В. Бадикова, «одного из первых казахских европейцев, точнее евразийцев», до современных писателей (О.Сулейменов, Д.Исабеков, Д.Досжан, Д.Накипов, У.Тажикенова).

В.В. Бадиков настойчиво поднимал в своих работах важную для казахстанской литературы проблему художественного билингвизма, которая, как он считал, особенно в условиях независимого Казахстана еще требует серьезного анализа, оценки и типологии. Предметом внимания В.В. Бадикова были не только явления и факты литературной жизни Казахстана, но он заинтересованно откликнулся в своих эссе и рецензиях и на новейшие исследования о неизвестных страницах истории Казахстана, о драматических судьбах его лучших сынов. В этом проявились, полагает Т.С.Тебегенов, такие черты русского интеллигента, как всеотзывчивость и осознание себя в роли «связного» между разными народами, государствами и культурами.

В своем выступлении писатель Д.Исабеков с сердечной теплотой и задушевностью вспоминал о незабываемых эпизодах дружбы с В.В.Бадиковым, которая длилась более 10 лет. Особенно запомнилось Д.Исабекову трудно проходившее обсуждение его пьесы о М.Булгакове «Сети дьявола», кстати, названной так по предложению друга-критика. Выступление Виктора Бадикова, излагавшего свои доводы спокойно и убедительно, порой с тонким чувством юмора, помогли переломить ситуацию и окончательно решили судьбу пьесы.

У.Тажикенова, считающая В.В.Бадикова своим наставником в литературе, поделилась воспоминаниями о том, как он постоянно следил за ее творчеством, бережно направлял, давал критические советы, глубокие оценки, сочетая их с идущими от сердца комплиментами. Он вообще был убежден, что писатели достойны комплиментов. Незадолго до своего ухода успел написать предисловие к ее готовящейся для издания новой книге, словно спешил завершить все свои земные дела.

Об огромном вкладе, который внес В. Бадиков в науку и литературу Казахстана, говорили также и другие известные казахстанские ученые и писатели: Б. Джилкибаев, А. Жаксылыков, Н. Джуанышбеков, Р. Буркитбаев, С. Урашев, Д. Накипов.

На втором пленарном заседании с докладом «О соотношении стиха и прозы в русской литературе XVII – XXI веков» выступил д.ф.н., проф. С.И. Кормилов (Москва). Теоретическая проблема была рассмотрена на обширном историко-литературном материале, прослежены основные этапы развития и соотносительности стиха и прозы в динамике их сближения и отталкивания. Докладчик показал доминирование стиха в конце XVIII – начале XIX вв., на рубеже XIX – XX вв., отметил также его преобладание в годы революции и двух войн в XX в.

Значительным подъемом поэзии, впрочем, ниже уровня Серебряного века, охарактеризован период оттепели. И как признал С.И. Кормилов, художественные достижения в «оттепельной» прозе были несомненно выше, чем в поэзии. К концу XX в. поэзия утратила свою популярность: сейчас прозаики – профессионалы, а поэты – любители. Таким образом, было показано, что соотношение прозы и поэзии проделало огромную эволюцию. В русской литературе этот путь оказался уникальным.

В секции «Художественный мир литературы Казахстана» д.ф.н., проф. У.К. Абишева (Алматы), обратившись к анализу сборника стихов В. Муратовского «Корни и кроны», выявила основную черту его поэтики – реминисцентность. Стремление обрасти культурными корнями выразилось в многоуровневых переключках с поэтами-предшественниками, среди которых любимые авторы – А. Пушкин, Е. Баратынский, И. Бродский, О. Мандельштам, Б. Пастернак, А. Тарковский, Джон Донн, Т. Элиот. Немало обнаружено библейских цитат и античных реминисценций. При этом взаимодействие «своего» и «чужого» в стихах поэта настолько органично, что создается ощущение «породненности» текстов. Проблеме цитатности как яркой примете идиостиля И. Щеголихина в его автобиографическом романе «Не жалею, не зову, не плачу...» был посвящен доклад З.Н. Поляк (Алматы), отличавшийся высокой степенью структурированности наблюдений и выводов.

Роман, повествующий о юности героя и его пребывании в ГУЛАГе, чрезвычайно насыщен включениями «чужого слова» (их около 300). Это цитаты из художественной литературы, песен (советских и блатных), из документов (официальных и личных), клише и лозунгов советской эпохи, из религиозных текстов. З.Н. Поляк предложила четкую и подробную классификацию цитат: по способу введения в текст, по типу источника и по художественной функции.

Д.ф.н., проф. А.Б. Абдулина (Алматы) в своем докладе говорила о синтезе двух начал, характерных для национальной картины мира в повестях С. Санбаева, – «современно-бытового и историко-эпического с широким использованием мифов и легенд». Следом по настоятельной просьбе участников слово для выступления взял присутствовавший на заседании сам Сагимжан Санбаев, один из наиболее читаемых русскоязычных писателей Казахстана. Его перу принадлежат свыше десяти популярных сборников рассказов, повестей и романов, изданных более чем в 30 странах мира. Он рассказал о своей «малой родине» – поселке нефтяников Макат Атырауской области, где он родился в семье учителя. Вспомнил и о том, как однажды проснулся знаменитым после публикации в «Просторе» в 1968 г. повести «Белая аруана». О ней написал в газете «Правда» Чингиз Айтматов. Особое внимание писатель уделил генезису своих сюжетов. Уточнил, что все легенды и предания, встречающиеся в его текстах, он придумывает сам.

Проза В.В. Бадикова стала предметом серьезных литературоведческих размышлений. Поэтому особый интерес слушателей вызвал доклад д.ф.н., проф. А.Е. Кулумбетовой (Шымкент), в котором был дан глубокий, тщательно проделанный системный анализ содержания и формы диптиха «Эхо жизни». Разговор продолжила асп. С. Блатова (Алматы), отметив удивительное умение автора, не прибегая к длительным, изнурительным описаниям, работать с точной и выразительной деталью.

В докладе «Литературный клуб «Пегас» как новый культурный текст Астаны» д.ф.н., проф. Т.В. Кривошапова (Астана) рассмотрела соотносительность социокультурных понятий «Астана» и «Евразийский университет», в котором функционирует литературный клуб «Пегас». Открытость, знаковость столичного пространства соотносится с изменениями в духовной, творческой, образовательной среде города. Это проявляется и в создании неформальных творческих объединений. Одним из них является литературный клуб «Пегас», в котором многие будущие филологи и журналисты пробуют свои силы в различных литературных жанрах.

В докладе к.ф.н., с.н.с. Ин-та литературы и языка им. М.О. Ауэзова С.В. Ананьевой (Алматы) речь шла о современном состоянии русской литературы Казахстана, Украины, Беларуси и Молдовы. Докладчик показала, проанализировав работы украинских, белорусских и молдавских коллег, что русская литература в странах СНГ развивается, имеет свои специфические проблемы (отток талантливых поэтов и прозаиков; смена поколений), свои перспективы роста, появляются новые имена, издания, и все это нуждается в серьезном и глубоком исследовании. С сожалением отметив недостаточное внимание в 90-е годы со стороны российских специалистов к русской

литературе Казахстана, С.В. Ананьева констатировала, что в последние годы появились отрядные сдвиги.

На объединенном заседании секций «Динамика жанров и литературный процесс», «Интертекст и проблемы компаративистики» д.ф.н., проф. Т.Н. Маркова (Челябинск) в своем выступлении подвергла аналитическому осмыслению проблему авторских жанровых номинаций в современной русской прозе (в контексте эволюции жанров), приведя множество примеров структурно-смысловой роли авторских определений и их типологии. К.ф.н., доц. М.С. Костюхина (Санкт-Петербург) предложила вниманию слушателей один из сюжетов современной детской литературы, обращенный к периоду сталинских репрессий. Анализ текстов показал явные преимущества игрового подхода даже к этой драматической теме.

Рассмотрению межтекстовых связей повести Ф.М. Достоевского «Село Степанчиково и его обитатели» с «Евгением Онегиным» и «Пиковой дамой» А.С. Пушкина был посвящен доклад к.ф.н., доц. Г.Г. Лукпановой (Алматы), который вызвал в аудитории интереснейшую дискуссию об авторской интенции – сознательно-пародийной или подсознательной.

Д.ф.н., проф. Л.В. Сафронова (Алматы) выдвинула гипотезу о тотальной гибридизации (культурной, языковой и жанровой, литературной и научной, философской и религиозной), затронувшей не только творчество двуязычных поэтов, но и современное литературоведение Казахстана.

Выступление д.ф.н., проф. К.С. Бузаубагаровой (Алматы) с темой «Фольклор и литература» обнажило терминологическую проблему. Большинство участников научной дискуссии сочли не вполне корректным термин «фольклорный интертекст», предложив докладчику два не синонимичных: «литературный фольклоризм» и «фольклорное сознание».

В секции «Поэтический идиостиль и стиховедение» д.ф.н., проф. С.Д. Абишева (Алматы) обратилась к анализу топоса города в книге Б. Кенжеева «Послания», в которой город предстает в самых различных формах: от номинаций до городских атрибутов. Обобщенный образ города с его предметными и персонажными мирами в поэзии Кенжеева в основном развернут вовнутрь. Когда же появляются точные городские топонимы, то функция города сразу усложняется. Была установлена интересная переключка реалий городского быта у Б. Кенжеева («Ни месяца, ни звезд в оконной яме...») и О. Мандельштама («Ленинград»), расширяющая пространство города Б. Кенжеева и создающая пространство единого города, «города-встречи». Доклад д.ф.н., проф. Т.Т. Савченко (Караганда) «О некоторых загадках «Загадки ангелу» Иосифа Бродского» содержал глубокий анализ одного из самых лучших и самых сложных стихотворений поэта, озадачивающих читателя некой метафизической тайной.

Т.Т. Савченко проследила движение лирического сюжета стихотворения, выстроенного не однолинейно, а из множества drobных предметов, причем в этом же ряду находятся и персонажи, и тот, кому принадлежит «напряженный взор» бесплотного наблюдателя, – докладчик соотнесла его с ангелом, восходящим к лермонтовско-врубелевскому ангелу-демону.

По мнению докладчика, загадка остается, она изначально присутствует в авторском замысле И. Бродского, создававшего «собственный художественный мир, в который эмпирика входит со свойственными ей загадками, алогичностью, неопределенностью». Общий предмет изображения и тип авторской рефлексии послужили основой для сопоставительного анализа стихотворений И. Бродского «Взгляни на деревянный дом» и В. Ходасевича «Дом» в докладе Л.М. Харитоновой (Караганда). Тема времени развивается через отношение человека и дома. Найдя сходство во внешних приемах организации субъектного строя стихотворений, докладчик выявила принципиальное различие реализованных в них метафизических моделей времени. У Ходасевича человек, осознавая власть времени, тем не менее стремится дать ему некое позитивное объяснение. У Бродского же отсутствует всякое позитивное утверждение о времени, человеческое бытие недолговечно по сравнению с домом, который останется жить и после ухода человека. Наблюдениями над поэтическим стилем С. Есенина поделилась к.ф.н., проф. Т.П. Чаплышкина (Алматы). Предметом выступления ст. преп. Г.А. Шариповой (Астана) стал идиостиль малоизученного писателя рубежа XIX–XX вв. А.А. Тихонова, известного под псевдонимом А.А. Луговой.

Казахстанский материал и в этой секции привлек внимание исследователей. Так, концепт «время» в структуре художественной картины мира Ф. Темандарова был рассмотрен к.ф.н., доц. Н.М. Могилевской (Алматы). Функции мифологического пространства и особенности сочетания объективного и субъективного, онейрического времени в поэме С. Усенбековой проанализировала преп. М.С. Асылбекова (Алматы).

На заключительном заседании руководители секций, подводя итоги, говорили о доброжелательной атмосфере творческого диалога, в которой проходила работа секций и

отметили высокий исследовательский уровень докладчиков. Конференция была хорошо организована и проведена, за что ее участники выразили искреннюю благодарность литературоведческой секции кафедры лингвистики и литературоведения.

1. Проблемы поэтики и стиховедения: Материалы V Международной научно-практической конференции, посвященной памяти и 70-летию доктора филологических наук, профессора Виктора Владимировича Бадикова: Алматы, Казахский национальный педагогический университет им. Абая, 15–16 октября 2009 г. Алматы, 2009. - 621 с.

Түйін

Мақалада 2009 жылдың 15-16 қазанында Абай атындағы Қазақ Ұлттық университетінің филология факультетінде «Поэтика және өлеңтану мәселелері» тақырыбында өткен V Халықаралық ғылыми-тәжірибелік конференция туралы айтылады. Конференция белгілі әдебиеттанушы, сыншы, жазушы В.В. Бадиковты еске алуға және туғанына 70-жыл толуына арналған.

Summary

This publication says about fifth scientific conference “Problems of poetics and prosody”, commemorated to memory and 70th anniversary of V.V. Badikov, famous critic, literary scientists and writer. The conference was conducted on 15-16 October 2009 at the philological department of Kazakh National Educational University named after Abai.

